Валерий Перевозчиков

«Ну здравствуй, это я!»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Французы говорят: за каждым великим человеком стоит великая женщина. Для Владимира Высоцкого такой женщиной стала французская киноактриса Марина Влади.

В их совместной жизни были и сказка, и легенда, и тайна. Но было и обыкновенное, человеческое: проблемы, трудности. Книга эта — прикосновение к тайне их отношений, к сложному внутреннему миру двух незаурядных личностей. Словом, как писал Владимир Высоцкий:

Пусть в нашем прошлом будут
рыться после люди странные,
И пусть сочтут они,
что стоит все его приданое, —
Давно назначена цена
И за обоих внесена —
Одна любовь, любовь одна.

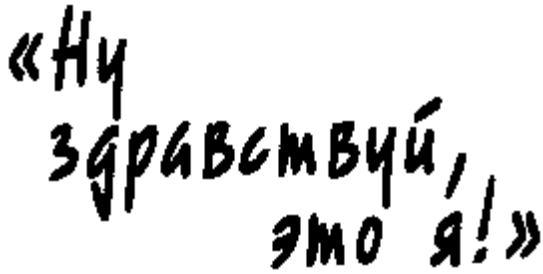
- Владимир Высоцкий и Марина Влади: Воспоминания, интервью
  - ○
- «Ну здравствуй, это я!»
  - ○ Вступление
  - ○ Часть первая
  - ○ «Одна любовь, любовь одна…»
  - ○ «Мне тридцать три…»
  - ○ «Да, у меня француженка жена…»
  - ○ «Дом хрустальный на горе — для нее…»
  - ○ «Абдулов Сева — Севу каждый знает…»
  - ○ «В Париж пока что не проник…»
  - ○ «Я весь в свету, доступен всем глазам…»
  - ○ «По-над пропастью, по самому по краю…»
  - ○ «Я жив, тобой и Господом храним…»
  - ○ «Кто-то высмотрел плод…»
  - ○ «Я жду письма, я жду письма…»
  - ○ «Слова, строченьки милые, слова…»
  - ○ «Мелодии мои попроще гамм…»
  - ○ «Мы тоже дети страшных лет России…»
  - ○ «Покарает Тот, кому служу…»
  - ○ «Я когда-то умру…»

- Часть вторая
- «Я вспоминаю…»
- Заключение
- Фотографии

Владимир Высоцкий и Марина Влади: Воспоминания, интервью

«Ну здравствуй, это я!»

Вступление



Французы говорят: за каждым великим человеком стоит великая женщина. Жена, возлюбленная, женщина-мечта… Счастье для мужчины, когда такая женщина рядом.

Владимир Высоцкий и Марина Влади — люди талантливые, незаурядные, а потому и сложные. Есть запись в черновиках Высоцкого о том, как труден путь к гармонии человеческих отношений…

Двенадцать лет совместной жизни Владимира Высоцкого и Марины Влади… Все в этой жизни было сказка, легенда, тайна. Но было и обыкновенное, человеческое — проблемы, трудности — супружеская жизнь.

Я не биограф и не исследователь творчества Владимира Высоцкого — я из тех, кто «готовит почву». Материалы для биографии, сведения для будущих — пространных — комментариев к текстам… Это моя работа, работа журналиста.

Мне представилась счастливая возможность записать интервью с Владимиром Высоцким на Пятигорском телевидении в 1979 году, фрагменты его до сих пор используются в спектакле Театра на Таганке «Владимир Высоцкий». В 1987–1988 годах было несколько встреч с Мариной Влади; во время одной из них было

записано интервью, которое публикуется в этой книге.

Хотелось бы дать читателю возможность самому составить представление о каком-то событии, сопоставив разные точки зрения. И сопоставляя и сравнивая, «приблизиться к истине». Я специально не избегал повторов в рассказах и воспоминаниях, потому что в разные времена свидетели и очевидцы рассказывали об одном и том же событии по-разному.

Статьи, интервью и воспоминания, публикуемые в книге, — это свод сведений на тему «Владимир Высоцкий и Марина Влади», свод, разумеется, не полный… И все-таки я надеюсь, что сведения эти будут интересны и полезны и исследователям

творчества, и биографам, и всем, кто любит Владимира Высоцкого.

Марина молчала несколько лет. Она была оскорблена некоторыми публикациями в российской прессе. Такта, смирения, прощения, элементарной жалости, к сожалению, не хватает тем, кто сейчас буквально сводит счеты с Высоцким и Влади. Это двадцать пять лет спустя!

Самое интересное, самое хрупкое — это отношения между людьми… Но только прикоснувшись к тайне этих отношений, можно попытаться что-то понять в другой жизни, да и в своей тоже.

…Пусть в нашем прошлом будут рыться
после люди странные,
И пусть сочтут они, что стоит все его
приданое…
Давно назначена цена
И за обоих внесена —
Одна любовь, любовь одна.

Часть первая
«Мне каждый вечер зажигает свечи…»

Не сравнил бы я любую с тобой,
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой,
Как Мадонной Рафаэлевой.

Бывают встречи, которые запоминаются надолго, иногда на всю жизнь… А случаются встречи, которые определяют всю дальнейшею жизнь. Существует множество свидетельств и воспоминаний, касающихся первой встречи Владимира Высоцкого и Марины Влади, и часто они противоречат друг другу… Приведем, на наш взгляд, самые достоверные и проверенные сведения.

Татьяна Самойлова — киноактриса, исполнительница главной роли в фильме «Летят журавли», который получил главный приз Каннского кинофестиваля в 1958 году:

«Мы познакомились на показе фильма «Летят журавли». И когда наши киношные бонзы предложили Марине посетить Москву, она сначала засомневалась, но мы ее убедили. Она приехала в Москву, познакомилась с Высоцким, и между ними вспыхнул роман».

«Когда Высоцкий познакомился с Мариной Влади, она считалась в СССР звездой абсолютно первой величины. На рубеже пятидесятых и шестидесятых годов наряду с Брижит Бардо она была, пожалуй, самой знаменитой молодой кинозвездой Европы. Добавим к этому чисто русское происхождение, и станет ясно, что любви русских не следует удивляться. Ее отец, летчик Владимир Поляков, накануне первой мировой войны выехал во Францию за самолетами для русской армии. Война застала его в Париже. Драматические известия из России, революция, гражданская война, большевистская власть склонили его к эмиграции. Во Франции же родились его дочери. Артистический псевдоним Марины — это сокращенное имя отца». Так Марину Влади представляет ее друг — знаменитый польский актер Даниэль Ольбрыхский.

Ну а теперь хронология событий, которая отражена в дневнике Валерия Золотухина.

«04.07.1967

Вечером позвонил Гугьеррес (Анхель Гутьер-рес — преподаватель В. Золотухина в ГИТИСе. —В.П.). Пригласил в ВТО. Марина Влади. Роли, водка. Поехали к Максу (Макс Леон — корреспондент французской коммунистической газеты «Юманите». —В.П.).

Пили джин со льдом, пели песни. Сначала Высоцкий свои, потом я — русские, и все вместе — тоже русские.

Марина пела песни с нами, вела подголосок — и так ладно у нас получалось, и всем было хорошо.

09.07.1967

Ничто не повторяется дважды, ничто. И тот прекрасный вечер с Мариной Влади с русскими песнями — был однажды и больше не вернется никогда. Вчера мы хотели повторить то, что было, и вышел пшик… Все уехали, опозорились с ужином в ВТО, отказались от второго, все хотели спать, канючили: «Добраться бы до постели поскорее…» А я все ерепенился чего-то, на русские песни хотел повернуть и начал было «Все пташки перепели», да пел один…

А спектакль прошел прекрасно («Десять дней, которые потрясли мир»), я так волновался и так старался, что даже кой-где поднаиграл. Рвал гармошку свою во все стороны — аж клочья летели. Американцы ручку подарили. Лез фотографироваться с М. до неприличия, надо позвонить Гаранину — подобострастные негативы уничтожил чтоб. Дурной характер, не выдержанный до конца, нет-нет да и сорвется рука на глупость…

С тоской собачьей ехал домой, плакал и рыдал в рассвет, говорил жене, что болит нога, курил, хотелось повеситься и завидовал В., который, взяв за плечи М. в цыганском платке, пошел ее провожать».

И еще одна точно установленная дата.

Владимир Тучин: «Восьмого июля в Театре на Таганке вечером шел спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Начался он в 18:30, закончился ровно в 21:00 и, слава Богу, в документе об этом спектакле (см. РГАЛИ, ф. 2485 оп. 2, ед. хр. 908, 42-й лист) сохранилась запись нашей незабвенной Г.Н.Власовой (в то время заведующая труппой Театра на Таганке. — В.П.): «…Спектакль шёл хорошо и празднично — присутствовали Марина Влади, один из руководителей франц. компартии и др.».

Теперь обратимся к книге Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» — ее описание первой встречи:

«На сцене неистово кричит и бьется полураздетый человек. От пояса до плеч он обмотан цепями. Ощущение страшное. Сцена наклонена под углом к полу, и цепи, которые держат четыре

человека, не только сковывают пленника, но и не дают ему упасть. Это шестьдесят седьмой год. Я приехала в Москву на фестиваль, и меня пригласили посмотреть репетицию «Пугачева», пообещав, что я увижу одного из самых удивительных исполнителей — некоего Владимира Высоцкого. Как и весь зал, я потрясена силой, отчаянием, необыкновенным голосом актера. Он играет так, что остальные действующие лица постепенно растворяются в тени. Все, кто был в зале, аплодируют стоя».

Владимир Высоцкий: «В этом спектакле я играю Хлопушу, беглого каторжника, и меня там швыряют, кидают по цепям вперед-назад по станку. Бросаешься голым телом на эти цепи, иногда бывает больно. Однажды, когда ввели новых актеров, меня просто избили до полусмерти. Они не умели работать с цепью; там надо все репетировать. Цепь нужно держать внатяжку, а они меня просто били по груди настоящей металлической цепью. Топоры у нас тоже настоящие, они падают… Одним словом, неприятностей было много, но искусство требует жертв, и все-таки мы освоились».

Марина Влади: «На выходе один из моих друзей приглашает меня поужинать с актерами, исполнявшими главные роли в спектакле. Мы встречаемся в ресторане ВТО — шумном, но симпатичном. Там хорошо кормят и закрывают гораздо позже, чем в других местах. Мы предъявляем пропуска, и наша небольшая компания устраивается за столиком. Наш приход вызывает оживленное любопытство присутствующих. В СССР я пользуюсь совершенно неожиданной для меня известностью. Все мне рады, несут мне цветы, коньяк, фрукты, меня целуют и обнимают…

Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий, плохо одетый молодой человек. Я мельком смотрю на него, и только светло-серые глаза на миг привлекают мое внимание. Но возгласы в зале заставляют меня прервать рассказ, и я поворачиваюсь к нему. Он подходит, молча берет мою руку и долго не выпускает, потом целует ее, садится напротив и уже больше не сводит с меня глаз. Его молчание не стесняет меня, мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы. Я знаю, что это — ты. Ты совершенно не похож на ревущего великана из спектакля, но в твоем взгляде чувствуется столько силы, что я заново переживаю все то, что испытала в театре. А вокруг уже возобновился разговор. Ты не ешь, не пьешь — ты смотришь на меня.

— Наконец-то я встретил вас.

Эти первые произнесенные тобой слова смущают меня, я отвечаю тебе дежурными комплиментами по поводу спектакля, но

видно, что ты меня не слушаешь».

Вот как комментирует рассказ Марины литературовед, автор книги «Приближение к Высоцкому» Евгений Канчуков:

«Откровенная бутафория и театральные жесты в этих воспоминаниях, вроде почти блоковской проходки Высоцкого по ресторану с поцелуем в конце и неотрывного взгляда на весь вечер, все же, по-моему, не должны заслонить от нас главного. Слава М.Влади в Советском Союзе была огромна, ее «Колдуньей» бредили целые поколения и, в общем, не мудрено, что даже она, привыкшая к вниманию, попав сюда, поразилась своей известности. Но слава Высоцкого на этот момент была уже ничуть не меньше. Уж на что обычно скуп на публичное проявление внимания, да еще к своим пророкам, ресторан ВТО, а и тот, заметим, Высоцкого встретил не скромней, чем заезжую кинозвезду.

Что же до экзальтации воспоминаний М. Влади, то я вполне допускаю ее ненамеренность, воспринимая подобную интонацию как следствие чар Высоцкого, действие которых, по всеобщему признанию, описать просто невозможно. Театральность к тому ж вполне могла появиться благодаря самому Высоцкому».

Олег Халимонов: «Марина вспоминала о дне знакомства: «После спектакля попали в ресторан ВТО. Володя подсел ко мне и говорит: «Я вас люблю. Вы будете моей!». Я посмотрела на него — небольшого роста, шустрый… Говорит не совсем всерьез, но и не совсем в шутку. Я не сразу стала понимать и смысл, и силу его песен. Но когда мы стали вместе бывать в разных компаниях, я видела, какое ошеломляющее впечатление его песни производят на слушателей. Стала прислушиваться, вникать… Прошло немного времени — и я влюбилась по уши».

Марина Влади: «Ты говоришь, что хотел бы уйти отсюда и петь для меня. Мы решаем провести остаток вечера у Макса Леона, корреспондента «L'Humanite». Он живет недалеко от центра. В машине мы продолжаем молча смотреть друг на друга. На твоем лице — то тень, то свет. Я вижу твои глаза — сияющие и нежные, коротко остриженный затылок, двухдневную щетину, ввалившиеся от усталости щеки. Ты некрасив, у тебя ничем не примечательная внешность, но взгляд у тебя необыкновенный. Как только мы приезжаем к Максу, ты берешь гитару. Меня поражает твой голос, твоя сила, твой крик. И еще то, что ты сидишь у моих ног и поешь для меня одной. Постепенно я начинаю постигать смысл, горький юмор и глубину твоих песен. Ты объясняешь мне, что театр — твое ремесло, а поэзия — твоя страсть. И тут же, безо всякого перехода говоришь, что давно любишь меня.

Как и любой актрисе, мне приходилось слышать подобные неуместные признания. Но твоими словами я по-настоящему взволнована».

Давид Карапетян — переводчик, друг В.Высоцкого: «Марина так рассказывала нам с Мишель (Мишель Кан — француженка, переводчица, в то время жена Карапетяна. — В. П.) о своих первых впечатлениях о Высоцком: «Чтобы снова увидеть меня, Володя приехал к моему приятелю Максу Леону… Во-первых, Володя чисто внешне был вовсе не в моем вкусе. Мне нравятся мужчины латинского типа, а Володя — небольшого роста, ничего выдающегося, кроме глаз. Он тут же подсел ко мне, стал уверять, что давно меня любит. <…> Я была уже предупреждена, что Володя сегодня будет петь. В квартире царил ажиотаж. Когда гости стали просить Володю попеть, он взял гитару, посмотрел мне прямо в глаза и произнес: «Сейчас я буду петь для тебя». Едва я услышала этот голос, вслушалась в смысл его песен, напомнивших мне о моих русских корнях, как что-то во мне всколыхнулось, переворот какой-то внутри произошел. Я забыла обо всем на свете. Видела и слышала только его, чудесным образом моментально преобразившегося из простоватого парня в незаурядного творца. Еще через две-три встречи я поняла, что люблю его. Никогда в жизни не встречала я человека с таким обаянием».

О другом вечере, в пресс-баре московского кинофестиваля, подробно рассказывает Аркадий Свидерский — школьный друг Высоцкого из компании на Большом Каретном:

«Это был последний банкет, присутствовали все наши звезды, все делегации. Я на Марине Влади, честно говоря, проиграл бутылку коньяка. Дело в том, что нам досталось место прямо у входа в бар, и я видел, как прошла Марина в длинном таком роскошном платье. Потом, примерно через полчаса, ребята мне говорят: «Вон Марина идет», — и показывают на женщину в легком ситцевом платьице. Я говорю: «Бросьте. Она только что прошла в таком шикарном наряде…» — «Спорим на бутылку коньяка, что это она». Я говорю: «Давай». Пошел туда, посмотрел — действительно Марина. Она, оказывается, остановилась в этой же гостинице, где проходил банкет, так что пошла к себе и переоделась.

..А в это время заиграла музыка. Тут Сергей Аполлинариевич быстренько — раз! — к Марине, схватил ее и пошел с ней танцевать. Он же любитель таких штучек Я пошел с Тамарой Федоровной, и в это время Володя появился. Он взял Марину, они начали танцевать, и он ее уже не отпускал… А Лева Кочарян, я и все наши ребята, которые там были, мы их взяли в кольцо, потому

что все прорывались к Марине — танцевать. Но Володя до самого конца никому этого не позволил. Мне запомнилась его фраза, которую он тогда нам сказал: «Я буду не Высоцкий, если я на ней не женюсь». Это как сейчас помню».

Марина Влади об этом вечере в пресс-баре: «В баре полно народу, меня окружили со всех сторон, но как только ты появляешься, я бросаю своих знакомых, и мы идем танцевать. На каблуках я гораздо выше тебя, ты встаешь на цыпочки и шепчешь мне на ухо безумные слова. Я смеюсь, а потом уже совсем серьезно говорю, что ты необыкновенный человек и с тобой интересно общаться, но я приехала всего на несколько дней, у меня очень сложная жизнь, трое детей, работа, требующая полной отдачи, и Москва далеко от Парижа… Ты отвечаешь, что у тебя у самого семья и дети, работа и слава, но все это не помешает мне стать твоей женой».

А в это время Высоцкого ждут дома — в гостях у семьи Аркадий Стругацкий: «…Володя пришел поздно. Уже брезжил рассвет. Чтобы не тревожить лифтершу, он впрыгнул в окно, не коснувшись подоконника: в одной руке гитара, в другой — букет белых пионов. Он пел в пресс-баре — в Москве шел международный кинофестиваль» (Людмила Абрамова).

В 1973 году Владимир Высоцкий вспоминал об этом вечере:

Как во городе во главном,
Как известно — златоглавом,
В белокаменных палатах,
Знаменитых на весь свет,
Выразители эпохи —
Лицедеи-скоморохи,
У кого дела неплохи,—
Собрались на банкет.

Для веселья есть причина:
Ну, во-первых, — дармовщина,
Во-вторых, любой мужчина
Может даму пригласить
И, потискав, даму эту
По паркету весть к буфету
И без денег — по билету
Накормить и напоить.

Под дверьми все непролазней —
Как у лобного на казни,
Но толпа побезобразней —

Вся колышется, гудет…
Не прорвешься, хоть ты тресни!
Но узнал один ровесник:
«Это тот, который — песни, —
Пропустите, пусть идет!»

У буфета всё не хитро:
«Пять «четверок», два поллитра!
Эй, мамаша, что сердита?
Сдачи можешь не давать!..»
Повернулся — а средь зала
Краля эта танцевала:
Вся блестела, вся сияла,
Как звезда — ни дать ни взять!

Оказал ему услугу
И оркестр с перепугу,
И толкнуло их друг к другу —
Говорят, что сквозняком…
И ушли они, не тронув
Любопытных микрофонов,
Так как не было талонов
Спрыснуть встречу коньяком.

Но продолжим воспоминаниями людей, которые узнали о встрече Высоцкого и Марины Влади из рассказов других.

Вадим Туманов: «Володю с Мариной познакомили в театре в 1967 году. Потом Володя уехал в Одессу… Он позвал Абдулова: «Сева, пойдем посмотрим…» А в кинотеатре шла кинохроника Московского кинофестиваля. Когда Марина появилась на экране, вскочил со стула: «Смотри! Вон, вон она!.. Ну вот, уже нет…»

Инна Кочарян рассказывала мне о приезде Высоцкого из Москвы после кинофестиваля: «Володя приехал в Одессу из Москвы, он тогда снимался в фильме «Служили два товарища». Подходит ко мне на пляже: «Инуля, надо поговорить… Слушай, у меня роман с Мариной Влади…» Когда об этом узнали в съемочной группе, все просто умирали от хохота. «У него роман с Мариной Влади! Это какая Марина Влади? Подпольная кличка «Как ее зовут»? Никто не поверил».

Всеволод Абдулов: «Осень 1967 года мы жили вместе в Одессе в гостинице… Володя снимался в «Интервенции», у меня была другая работа. На несколько дней он улетал в Москву, а там как раз в это время проходил кинофестиваль. Вернулся… В

каком-то маленьком кинотеатре мы вместе с ним смотрели «Новости дня», и там был сюжет «Звезды кинофестиваля». Появилась Марина-Володя вскочил: «Вон она, смотри! Ну вот, уже нет…»

Несколько позже Всеволод Абдулов вспоминал об этом по-другому: «В 1967 году мы с Высоцким снимались в Одессе. Он то и дело уезжал играть спектакли в Москву. И вот однажды он приехал с каким-то особым блеском в глазах и стал мне рассказывать про Марину. Это было заразительное чувство. И любовной волной тогда накрыло многих Володиных товарищей».

Станислав Говорухин спросил у Марины:

— Скажи, что он тебе говорил в первый вечер?

— Ты что, не знаешь своего друга? Он же такой наглец был. Сразу сказал: «Будешь моей женой!» Я только посмеялась тогда…

Марина Влади: «Я захожу за тобой в театр к концу репетиции. Утром мне позвонил Сергей Юткевич и предложил сыграть роль Лики Мизиновой — молодой женщины, в которую был влюблен Чехов…» Марина, конечно, сомневается — съемки рассчитаны на целый год, — но Высоцкий умеет убеждать… «Это веселое и легкое общение продлилось несколько дней, и вот фестиваль заканчивается, я уезжаю из Москвы, подписав контракт, и приеду на съемки в начале шестьдесят восьмого».

Владимир Высоцкий и Марина Влади во время кинофестиваля встречаются часто, практически каждый день. Марина улетает в Париж — и еще ничего не решено…

Мне каждый вечер зажигают свечи,
И образ твой окуривает дым,
И не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

Я больше не избавлюсь от покоя,
Ведь все, что было на душе, на год вперед,
Не ведая, она взяла с собою
Сначала в порт, а после в самолет.

Мне каждый вечер зажигают свечи,
И образ твой окуривает дым,
И не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

В душе моей — пустынная пустыня.
Ну, что стоите над пустой моей душой?!
Обрывки песен там и паутина,

А остальное все она взяла с собой.

Теперь мне вечер зажигает свечи,
И образ твой окуривает дым,
И не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

В душе моей — всё цели без дороги.
Поройтесь в ней — и вы найдете лишь
Две полуфразы, полудиалоги,
А остальное — Франция, Париж.

И пусть мне вечер зажигает свечи,
И образ твой окуривает дым,
Но не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

<лето 1967, ред. 1968>

Итак, первое знакомство Высоцкого и Марины произошло на Московском кинофестивале 1967 года. Но настоящая Встреча — встреча, которая определяет судьбу, — состоялась в следующем, 68-м году, когда Марина приехала в Москву для съемок.

Вспоминает О. Тенейшвили: «Частично съемки фильма «Сюжет для небольшого рассказа» финансировал французский режиссер Ив Чампи, автор нашумевшего в нашей стране фильма «Кто Вы, доктор Зорге?». И на квартире у Ива Чампи, в Париже, а иногда и в пригороде Парижа, в доме Марины Влади Мезон-Лаффит, проходили репетиции отдельных сцен…»

Юрий Сушко: «Буквально через несколько месяцев после их в общем-то мимолетного знакомства — в феврале 68-го — Марина вновь появляется в Москве. Режиссер-постановщик картины «Сюжет для небольшого рассказа» Сергей Юткевич решил закрепить старинное каннское знакомство с французской звездой творческим альянсом, пригласив ее на роль чеховской возлюбленной Лики Мизиновой. Партнеры по съемочной площадке оказались более чем достойные Ия Саввина, Юрий Яковлев, Николай Гринько, Ролан Быков, юная Катя Васильева!..»

Айше Чулак-оглы, жена Николая Гринько: «Как-то в перерыве съемок… мы с Мариной пошли обедать, и она позвала меня в дамскую комнату… Она стояла в уголке, что-то поправляла и вдруг говорит: «Айше, что мне делать?» Она в это время решала свои отношения с Володей. Я говорю: «Как что делать? Если ты его любишь, он тебя тоже, так при чем тут другие?» —

«Понимаешь, много сложностей». И тут я увидела такие глаза — русалочьи, горячие, страстные! Обычно у нее они невинные, голубые, а тут — зеленые! Никогда их не забуду…»

О том времени и о поразившем ее московском стиле жизни вспоминает Марина Влади: «В 1968 году я поехала в Россию сниматься в фильме Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа». Девять месяцев съемок, холодная зима. Мы работали страшно медленно. Вначале это меня раздражало. В субботу выходной, много времени, на мой взгляд, уходило даром… И только когда я поняла, что такое время «по-русски», мне стала ясна такая манера работать. Время не деньги: человек видит перед собой бесконечность. Поначалу меня удивляло какое-то полное отсутствие у русских представления о времени: разбудить приятеля в три часа утра, прийти к нему только потому, что на тебя «нашла тоска», они не считают ни невежливым, ни чем-то исключительным. Найдут время тебя выслушать — столько, сколько нужно. Где еще можно встретить такую душевную открытость, такое внимание к друзьям?»

В июне 1968 года Марина Влади вступает во Французскую коммунистическую партию: «Сама того не подозревая, совершаю таким образом поступок, который во многом определит весь ход твоей жизни. И впоследствии, когда я буду хлопотать о выдаче тебе для поездки заграничного паспорта, это кратковременное и символическое членство в партии придаст моим просьбам вес, о котором я пока и не догадываюсь». А через некоторое время Влади избирают вице-президентом общества дружбы «Франция — СССР». Высоцкий откликается на эти события шутливым стихотворением:

Я все чаще думаю о судьях.
Я такого не предполагал:
Если обниму ее при людях —
Будет политический скандал.

Будет тон в печати комедийный,
Я представлен буду чудаком:
Начал целоваться с беспартийной,
А теперь целуюсь с вожаком!

Трубачи, валяйте, дуйте в трубы!
Я еще не сломлен и не сник:
Я в ее лице целую в губы
Общество «Франс — Юньон Советик»!

<осень 1968>

После поездки в Париж: «…Я приеду в Москву, но увидимся мы не сразу. Мне сказали, что ты снимаешься далеко в Сибири и вернешься только через два месяца. Я начинаю работать, жизнь устраивается. Я живу в гостинице «Советская», бывшем «Яре», где пировал еще мой дед. У меня роскошный номер с мраморными колоннами, роялем и живыми цветами — каждый день свежими. Мама согласилась поехать со мной. Все ее волнует и удивляет в России<…> Прогулки по Москве уводят нас в прошлое. А настоящее — это художники, поэты, писатели, актеры, которые каждый день собираются у меня как в модном салоне. В один из таких вечеров ты появляешься на пороге, и воцаряется полная тишина. Ты подходишь к моей маме, представляешься и вдруг на глазах у всех сжимаешь меня в объятиях. Мама шепчет мне:

«Какой милый молодой человек, и у него красивое имя». Когда мы остаемся одни, ты говоришь, что не жил все это время, что эти месяцы показались тебе бесконечно долгими…»

В 1969 году Высоцкий пишет письмо маме Марины. Этот документ говорит об их отношениях больше, чем самые подробные воспоминания.

«Дорогая Милица Евгеньевна! Это первое письмо, которое я пишу Вам. Не сомневаюсь, что будут и другие, и много! Недавно я снова перечитал Ваше письмо нам с Мариной, которое Вы написали нам летом, — очень теплое и милое письмо с фотографией отца Марины в роли Гришки Кутерьмы. Прочитал и очень удивился — как же так я до сих пор Вам не написал?

Марина очень много мне рассказывала об отце. Так много и хорошо, что у меня впечатление, будто я видел его и хорошо с ним знаком, так же, как мне кажется, что и Вас я встречал очень часто, хотя мы виделись всего два раза. Я даже расстроился, что никогда никто не напишет о Вашем муже, потому что он был очень талантлив и прожил такую яркую жизнь. Марина сказала мне, что я немного его напоминаю, и если это так, то мне очень приятно, потому что я хотел бы быть похожим на него.

Марина очень любит отца, так же, как он любил Вас. А я конечно же живу наполовину ее чувствами и смотрю на людей ее глазами и отношусь к ним, как она. И мне хорошо оттого, что Вы всегда рядом с ней, а, значит, немного и со мной.

У Вас прекрасные дети, Милица Евгеньевна! Для <меня>, конечно, особенно прекрасна одна, но все они очаровательны.

Конечно, жаль, что мы так мало смогли видеться в Москве, но я надеюсь на встречи с ними в будущем. Обязательно с Вами. Вероятно, летом. Чтобы Вы отдохнули здесь. А потом, если все выйдет так, как мы с Мариной придумали, — мы сможем

встречаться еще чаще. Мне бы этого очень хотелось…

До скорой встречи. Володя».

Воспоминания Всеволода Абдулова возвращают нас в 68-й год: «Первым возвращался в Москву Володя. Я ему сказал: «Возьми ключи от квартиры, но не забудь — я завтра прилечу последним рейсом». Приезжаю домой, звоню — никто не открывает. Расстроился, конечно… Но у меня был отработанный трюк: с лестницы я «нырял» через форточку и приземлялся на кухне на кафельный пол. Я все это проделал, лег спать… Вдруг слышу голоса — вваливается большая компания. Володя знакомит меня с Мариной… Помню, что были Михалков-Кончаловский, Аксенов… Прекрасно тогда посидели и поговорили»

Марина Влади: «Все лето мы видимся почти каждый день, круг друзей сужается. Теперь остались только самые близкие: наш любимый Сева Абдулов, его мать Елочка — красивая пожилая дама, говорящая на французском языке прошлых времен, Вася Аксенов — угрюмый и симпатичный, настоящий медведь, Белла Ахмадулина — гениальная и восторженная поэтесса. Целыми вечерами мы болтаем, читаем стихи, иногда кто-нибудь из художников или скульпторов приносит показать свои работы. Днем я снимаюсь, вечером мы собираемся вместе. Теперь мы так близки с тобой, что просто дружбой это уже не назовешь. Я знаю о тебе все — по крайней мере, так мне кажется. Ты очень сдержан, но все настойчивее ухаживаешь за мной».

«Они приехали ко мне почти сразу после знакомства, — рассказывает Алексей Чердынин. — Володя звонит: «Ой, Лешка, с такой женщиной познакомился! Можно мы к тебе приедем?» Приезжают часов в одиннадцать, после спектакля. Я смотрю и не могу понять — ну очень знакомое лицо! Говорит с акцентом — эстонка или латышка?.. Господи, да это же Марина Влади! Марина… Она очень многое сделала для Володи, очень!»

«И вдруг трах-бах! — среди ночи Володя заявляется… с Мариной Влади. Леша (Чердынин, тогда муж Ларисы Лужиной. — В.П.) давай меня будить: «Вставай скорее, к нам сама Влади пожаловала!» А я за это на Высоцкого разозлилась — словами не передать. Сработала женская солидарность: «Ну и что, если Влади? Не выйду к ним и баста! Даже чистого белья не дам. Пусть на раскладушке как хотят вдвоем укладываются. И водку свою сами пьют — я даже не пригублю…» (Лужина снималась с Высоцким в фильме «Вертикаль». Тональность ее воспоминаний объясняется тем, что в то время она дружила с Татьяной Иваненко — актрисой Театра на Таганке и в то время близкой подругой В.В. — В.П.)

На просмотре фильма Петра Солдатенкова «Я не люблю» в марте 89-го присутствовал Алексей Чердынин. И Марина Влади сказала ему: «Леша, помнишь, как мы приходили к тебе с Володей и ночевали на раскладушке?»

В 1968 году Высоцкий и Марина на несколько дней приезжают в Одессу. Из воспоминаний Вероники Халимоновой — жены друга В.В. Олега Николаевича Халимонова: «После того как Володя появился в Одессе с Мариной Влади, местные обывательницы удивлялись: «Она такая красивая, что она в нем нашла?» И когда Марина пожаловалась мне, что очень нервничает, как он здесь, когда ее нет, я ей это рассказала. А она, видимо, передала Володе, потому что он так серьезно на меня посмотрел».

Реакция в Театре на Таганке на роман Высоцкого с Мариной Влади была, разумеется, разной. Вспоминает актер Анатолий Васильев: «Появилась Марина, и много всякого было, что тут скрывать… Марина Влади — звезда! И наш Вовка Высоцкий! Для всех нас он был Володька, Вовка Высоцкий… И вдруг — Марина Влади! И в нашем театральном воздухе повисло:

— Ну ведь не по Сеньке шапка!

— И куда это его занесло? В Париж!

Был такой шелест… Вообще люди завистливы, а актерская братия — тем более…»

Давид Карапетян: «А вскоре упорные пересуды о новом романе докатились и до кулис Таганки, застав Иваненко врасплох. Ведь Марину она уже видела в ВТО, сидела с ней за одним столом со «своим» Володей вместе с другими «таганцами». И вдруг эта собачья чушь в обличье упорно муссируемого слуха. Поверить в измену было невозможно. Даже его вступление в ряды КПСС показалось бы меньшим абсурдом.

И тогда на помощь пришел коллектив… Самые участливые предложили воочию убедиться, что людская молва отнюдь не всегда превратна. Необходимо было лишь попасть в квартиру старинного приятеля Марины, московского корреспондента «Юманите» Макса Леона. Пусть даже незваной гостьей. И, примкнув как-то раз к собиравшимся туда Золотухину с Шацкой, Таня в этом преуспела. Конечно, в тот вечер Высоцкий и Влади тоже находились там. Оставалось накрыть их тепленькими. Увидев Шацкую с Иваненко, не чуявшая никакого подвоха Марина искренне обрадовалась:

— Как хорошо, что вы пришли, девочки.

И хотя само присутствие гипотетической соперницы в этом доме еще ни о чем не говорило, женский инстинкт и некоторые нюансы быстро убедили Татьяну, что никаким оговором здесь и

не пахнет. И она не придумала ничего лучшего, как объясниться с коварной разлучницей с глазу на глаз и немедленно. Настал черед удивляться Марине, которая резонно посоветовала Тане выяснить отношения непосредственно с самим виновником возникшей смуты. Но та уже закусила удила:

— Марина, вы потом пожалеете, что с ним связались. Вы его совсем не знаете. Так с ним намучаетесь, что еще вспомните мои слова. Справиться с ним могу только я.

Спустя несколько лет, вспоминая этот инцидент, Марина заметила:

— А ведь эта актерка была тогда права. Мне действительно тяжело. Но что до такой степени — я, конечно, не предполагала.

Пообещав конкурентке, что он вернется к ней, стоит ей пошевелить пальцем, разгоряченная воительница, развернувшись, вышла. В гостиной увидела подавленного, но не потерявшего головы Володю.

— Таня, я тебя больше не люблю…»

Из дневника Валерия Золотухина. «15.10.1968»

Ну вот, погуляли, значит, мы в тот день с французами, понаделали забот. Во-первых, не хотела ехать жена: «Не хочу и все, потом объясню… там будет эта… Влади, я не хочу ее видеть, я прошу тебя туда не ездить»… Как-то мне удалось ее уломать, а теперь думаю — зря… Посещение Макса должно было состояться втайне от Иваненко, по крайней мере, присутствие там Володи. Танька с Шацкой потихоньку у меня по очереди выведывали, должен ли быть там Высоцкий… Кончается спектакль, стоит счастливая Танька и говорит, что ей звонил Володя и «все мы едем к Максу… машина нас уже ждет. Приехал за нами его приятель»… Меня это обескуражило, честно говоря, но я подумал: а что? Высоцкий не такое выкидывал, почему бы и нет? А вдруг так захотела Марина или он что-то замыслил. Но всех нас надула Танька, а меня просто «сделала», как мальчика. Мы приехали к Максу, когда там не было еще ни Володи, ни Марины, и весь обман мне стал ясен… А когда вошли счастливые Марина с Володей и я увидел его лицо, которое среагировало на Таньку, я пришел в ужас: что я наделал и что может произойти в дальнейшем… Танька сидела в кресле, неприступно-гордо смотрела перед собой в одну точку и была похожа на боярыню Морозову…»

Естественно, что у Татьяны Иваненко своя оценка происходившего в тот вечер в доме Макса Леона: «Были произнесены какие-то напыщенные фразы, которые сейчас мне кажутся смешными. Влади сказала, что от такого мужчины, как Володя, она не отступит, даже если придется лечь на рельсы. А я

ответила, что не родился еще мужчина, ради которого это могу сделать я… После этого я ушла… Я конечно же понимала, что Марина нужна ему, а тут я своим появлением ломаю все его планы».

Евгений Канчуков: «Не мудрено, что Высоцкий запомнился в это время разным людям совсем по-разному. Причем чисто психологическая амплитуда между воспоминаниями огромна. От безоглядной влюбленности, обвороженности и обворожительной самоуверенности в глазах М.Влади до шутовства и веселья танцев в пресс-баре кинофестиваля, когда компания Л.Кочаряна взяла М.Влади и В.Высоцкого в кольцо и весь вечер не подпускала к ним никого из многочисленных желающих если не потанцевать, то хоть прикоснуться к девушке своей мечты. <…>

Чисто психологически роман с М.Влади для него был сродни альпинистской эпопее. Воздух, которым он дышал, будучи рядом со своей избранницей, пьянил, как на больших высотах, и он вроде бы уже был даже готов жить, дыша таким воздухом; ему, кажется, это было уже доступно — по плечу, по чину, но нет…

Слава, признание и следующая за ними порой безграничная уверенность в своих силах приходят в человека не изнутри, а снаружи, как бы пропитывая его постепенно каким-то особым составом, недоступным простым смертным».

Нет рядом никого, как ни дыши!
Давай с тобой организуем встречу!
Марина, ты письмо мне напиши,
По телефону я тебе отвечу.

Пусть будет так, как года два назад,
Пусть встретимся надолго иль навечно,
Пусть наши встречи только наугад, —
Хотя ведь ты работаешь, конечно.

Не видел я любой другой руки,
Которая бы так меня ласкала, —
Вот по таким тоскуют моряки…
Сейчас — моя душа затосковала.

Я песен петь не буду никому!
Пусть, может быть, ты этому не рада —
Я для тебя могу пойти в тюрьму, —
Пусть это будет за тебя награда.

Не верь тому, что будут говорить, —

Не верю я тому, что люди рады.
Когда-нибудь мы будем вместе пить
Любовный вздор и трепетного яда.

<начало 1969>

«Одна любовь, любовь одна…»

Люблю тебя сейчас
Не тайно — напоказ.
Не «после» и не «до» в лучах твоих сгораю.
Навзрыд или смеясь,
Но я люблю сейчас,
А в прошлом — не хочу, а в будущем — не знаю.
<апрель — май 1973>

Подлинная любовь двух незаурядных, выдающихся людей не умирает во времени. В «пантеоне нашего восхищения» Высоцкий и Марина Влади — история их любви — на самом почетном месте.

Красивая история… Это сравнение часто повторяется, но тем не менее. Как первый поэт России Пушкин добился руки первой красавицы России Натальи Гончаровой, так и Владимир Высоцкий завоевал любовь одной из самых красивых актрис своего времени Марины Влади. Приведем несколько отрывков из воспоминаний людей, которые вольно или невольно были свидетелями этой любви…

Анна Шахназарова: «Я видела Володю и Марину в 1968 году. Застолье у Любимова. Вся элита московская в наличии. Я видела, как они тянулись, как они льнули друг к другу… Это самое начало их отношений. И весь этот московский бомонд крутился вокруг Володи и Марины. Марина была тогда воздушная красавица — почти неземное существо».

Наталья Моргунова: «Я помню тот воздух в Кемери, в Латвии, во время пребывания там Высоцкого и Влади. Он был напоен их любовью, вокруг них сиял почти зримо нимб редкого чувства. Они ходили всегда вместе, взявшись за руки. И я думала: как прекрасна жизнь, если такое возможно.

Высоцкий был поглощен Мариной. Иногда, когда они где-нибудь вместе сидели, он клал ей подбородок на плечо, и они замирали в чем-то своем, серьезном и значительном, и это было очень трогательно».

Алесь Адамович: «Володя и Марина Влади приехали к нам в киногруппу «Сыновья уходят в бой» (1969 год) Снимали мы фильм на Новогрудчине <…>, а для Марины Новогрудчина — таинственная родина ее отца. Через неделю она нас с Виктором Туровым (режиссер фильма «Сыновья уходят в бой», друг В.

Высоцкого) упрашивала:

— Ну уговорите не уезжать Володю!..

Время от времени они появлялись у нас в «Партизанском лагере» — молодые, счастливые друг другом и каждый талантом другого».

То, что любил он ее безумно, было видно каждому — от осветителя до гримера.

Лев Перфилов, киноактер: «Вспоминаются съемки в одесском Шевченковском парке. Как раз тогда к нему и приехала Марина Влади с сестрой. Кто-то из наших подбежал к ним, сказал, что по-

зовёт Володю. Вижу, выскакивает Володя… На крохотном пятачке лестницы начинается его невероятный танец на одной ноге. Это и «Барыня», и «Яблочко», и тарантелла одновременно. А между Мариной и Володей — несколько метров. Она смотрит — он танцует. Танец восторга!»

«Высоцкий был очень притягательным человеком. Сразу же создавалось впечатление, будто он знаком тебе много лет. А вообще, с Мариной Влади они были очень красивой парой. Ту большую любовь, которая связывала их, они просто излучали, что было заметно даже посторонним», — вспоминает Валентина Савкина, бывший старший инспектор таможенного поста «Варшавский Мост», который супруги пересекали несколько раз.

Лионелла Пырьева — актриса, партнерша Высоцкого по фильмам «Хозяин тайги» и «Опасные гастроли»: «Однажды наступил день, когда я уезжала в Ленинград, на премьеру в Доме кино фильма «Братья Карамазовы». В квартире моей я оставила Володю Высоцкого и Игоря Кохановского, не боясь никаких нежелательных последствий, даже радуясь тому, что в квартире кто-то поживет в мое отсутствие…

…Пока я была в Ленинграде, а Володя у меня в квартире, он не только «забавлялся» шампанским. И не только писал стихи. Счета за его телефонные разговоры с Парижем, которые я вынуждена была оплатить, достигли сотни рублей…

По телефону из моей квартиры в Париж шла одна-единственная фраза: «Марина, я тебя люблю, Марина, ты — птица моя синяя вдали, я тебя люблю…» Эта фраза повторялась беспрерывно, как позывные».

Поэтесса Инна Гофф — и поэтическое восприятие «романтической пары»: «Она улыбается всем сразу, но видит только его. А он уже рядом, и они страстно целуются, забыв про нас. Нам говорят, что Марина только что прилетела из Парижа. Они садятся рядом… Она в черном скромном платьице. Румяное с мороза лицо. Золотис-то-рыжеватые волосы распущены по плечам. Светлые, не то голубые, не то зеленые глаза… Звезда

мирового кино. Колдунья… Вот и его заколдовала… Приворожила… Они забыли о нас. Они вместе. Они обмениваются долгими взглядами. Она ерошит ему волосы. Кладет руку ему на колено. Мы не в кино. Это не фильм с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого. Это жизнь с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого…»

Евгений Канчуков: «Любовь, а точнее — взаимность, которой ответила М.Влади на любовь Высоцкого, и последующее их бракосочетание, безусловно, сыграли в его жизни решающую роль. И он нисколько не преувеличивал, когда писал:

Маринка, слушай, милая Маринка,
Кровиночка моя и половинка,
Ведь если разорвать, то — рубь за сто —
Вторая будет совершать не то!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Прекрасная как детская картинка!
Ну кто сейчас ответит — что есть то?
Ты, только ты, ты можешь — и никто!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Далекая как в сказке Метерлинка,
Ты — птица моя синяя вдали,
Вот только жаль — ее в раю нашли!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Загадочная как жилище инка,
Идем со мной! Куда-нибудь идем,
Мне все равно куда, но мы найдем!

Поэт — и слово долго не стареет —
Сказал: «Россия, Лета, Лорелея»…
Россия — ты, и Лета, где мечты.
Но Лорелея — нет. Ты — это ты!

<1969>

Иван Дыховичный: «В ней есть русская душа — она может легко забыть что-то или бешено полюбить вдруг неожиданно… Она мне всегда была очень симпатична, от нее я видел всегда очень много тепла. И мне кажется, что в Володиной жизни это было достаточно светлое пятно. Марина потребовала от него сознательного ощущения, что есть женщина, что есть любовь. И потребовала серьезного отношения к этому и ответственности за

это».

Марина Влади: «Долгие годы мне нравилось быть любимой. Я любила мужчин — мне нравилось в них мое отражение… У меня необычайная жажда быть любимой, единственной, землей и небом. Быть всем. И если я замечаю, что это совсем не то, я спускаюсь с небес. Володя заставил меня измениться!.. Иногда он нуждается в материнской помощи, чтобы я потрепала его за уши. Он меня подавляет своими признаниями: «Я приношу все к твоим ногам, но отдавай мне тоже все…»

«Мне тридцать три…»

Мне тридцать три — висят на шее…
Пластинка Дэвиса снята.
Хочу в тебе, в бою, в траншее
Погибнуть в возрасте Христа.

А ты — одна ты виновата
В рожденье собственных детей!
Люблю тебя любовью брата,
А может быть — еще сильней!
<начало 1971>

Браки с иностранцами в советское время не просто не одобрялись — осуждались… Для многих советских граждан это была единственная легальная возможность уехать на Запад. Многое было против брака Марины Влади и Владимира Высоцкого, но «любовь побеждает все». Тем более, любовь таких людей.

Предыстория их официального бракосочетания и свадьбы, отраженная в разговорах разных людей, зафиксирована в дневниках Валерия Золотухина:

«26.05.1969

Про Высоцкого. В Ленинграде меня замучили: «Правда, он женился на Влади? А в посольстве была свадьба? Они получили визы и уехали в Париж?»

Примак сунулся к нему, к Володьке: «У меня спрашивают…»

Тот рассвирепел: «Ну и что, ну и что, что спрашивают, ну зачем мне-то говорить об этом? Мне по пятьсот раз в день это говорят, да еще вы…»

Марина носила им написанную заявку либретто сценария на манер «Шербурских зонтиков», с той же приблизительно фабулой, Романову. Он в восторге. Его не смутила даже фамилия Высоцкого. «Надо договариваться с банкетом» и т. д.

30.07.1969

Сидели на лавочке перед павильоном Стржельчик, я, Костя и, как потом узнал, Соломин.

Что с Высоцким? Правда, говорят, он принял французское подданство? Как смотрит коллектив на этот альянс? По-моему, он (Высоцкий) ей не нужен.

А кто ей тогда нужен, и что ей от него?.. Любят они друг друга, и дай им Бог удачи в этом… И кому какое дело, куда

брызги полетят…»

Так или иначе — 1 декабря 1970 года Владимир Высоцкий и Марина Влади официально становятся мужем и женой.

Марина Влади: «День и час церемонии были назначены несколько дней назад. Мы немного удивлены той поспешностью, с какой нам было позволено пожениться. Наши свидетели — Макс Леон и Сева Абдулов — должны были бросить в этот день все свои дела. Рано утром я начинаю готовить свадебное угощение, но все пригорает на электрической плитке. Мы расположились на несколько недель в малюсенькой студии одной подруги-певицы (Капитолины Лазаренко. — В.П.), уехавшей на гастроли. Я расставила мебель вдоль стен, чтобы было немного просторней. Но, так или иначе, в этом крошечном пространстве могут усесться и двигаться не больше шести человек».

Разрешение было получено быстро. Что тут сыграло решающую роль — вероятно, то обстоятельство, что Марина Влади была членом Французской коммунистической партии и вице-президентом общества дружбы «Франция — СССР». И еще, к этому времени прекратилась газетная кампания против В.Высоцкого. Может быть, это произошло после его письма в ЦК КПСС.

Всеволод Абдулов: «В 1970 году они расписались в каком-то Дворце бракосочетаний. Свидетелями были Макс Леон и я. После регистрации поехали в тот самый «первый дом от угла» — дом на углу Садового и Каретного ряда, где жил Жора Епифанцев. Так вот в этом самом доме они сняли двухкомнатную квартиру с окнами на Садовое кольцо…

Свадьба была странная. Мы тогда были бедные, с деньгами и работой — проблемы, поэтому обошлись без цветов и нарядов. Володя и Марина явились в водолазках. Чтобы не привлекать внимания, Высоцкий попросил работницу загса расписать их не в большом зале с цветами, музыкой и фотографом, а в ее кабинете…»

Марина Влади: «…Мы быстро расписываемся против галочки, и уже через несколько минут все кончено. Ты держишь свидетельство о браке, как только что купленный билет в театр, вытянув руку над толпой. Мы выходим, обнявшись, среди невест в белом тюле под звуки неутомимого марша. Мы женаты. Ты наконец спокоен. Празднование отменяется — нет времени: мы едем в Одессу. Через несколько часов мы будем на борту теплохода «Грузия» — это и есть сюрприз».

«Какая «Грузия» в декабре?!» — удивлялся Всеволод Абдулов. Уточнение Вероники Халимоновой: «В декабре на юге дождливо и ветрено, никто обычно в круизы не ходит, их и в расписании нет.

Они, правда, могли приехать на теплоход в гости». Марина соединила, вероятно, и рассказ о визите на «Грузию» и воспоминания о летних круизах. Но, может быть, «Грузия» совершала пассажирский рейс? Тем более что Зураб Церетели помнит, что в Тбилиси на знаменитую уже «грузинскую свадьбу» они летели самолетом:

«Следующим утром (после регистрации в загсе, следовательно, 2 декабря. — Я/7.) мы полетели ко мне на родину, в Грузию. Прилетели в очень хорошем настроении. Марина и так красавица, а когда мы выходили на веранду завтракать, я всегда говорил ей: «Настоящая женщина!» И Володя хитро подмигивал Марине».

Гораздо позже Марина сама скажет о том, что вначале был Тбилиси, а потом плавание на теплоходе. «В Грузии нам устроили колоссальный пир, и мы сидели семь часов за столом… Ну а потом мы были на теплоходе «Грузия», это было наше с Володей свадебное путешествие на теплоходе».

Но вернемся в Тбилиси…

Зураб Церетели: «Это действительно была уникальная свадьба, она напоминала музыкально-по-этическое представление. Высоцкий пел, гости

читали стихи Пушкина, Пастернака, Лермонтова, а грузины пели грузинские песни. Моя жена Инесса накрыла стол, блюда подавались на старинном Андронниковском сервизе, фрукты и овощи — на серебряных подносах. Но кто-то случайно задел выдвинутую часть стола, и вся посуда полетела на пол. Пришлось заново сервировать стол… Лобио, сациви, шашлыки, маринованный чеснок с душистой зеленью, с вазами и великолепными букетами, от которых исходил тонкий аромат».

Марина Влади: «В старом Тбилиси мы празднуем наше бракосочетание, состоявшееся в Москве всего за полчаса. Здесь нам устраивают настоящую старинную свадьбу. Женщины в черном суетятся в большом зале. Все тончайшие блюда грузинской кухни стоят на столах в серебряных подносах. Здесь и душистые травы, расставленные букетами, и маринованный чеснок, и лобио, и сациви, во дворе жарят шашлыки — все благоухает. Мы сидим в торце стола, оба в белом, и держимся за руки. Компания исключительно мужская. Женщины накрывают, подают и становятся поодаль, сложив руки на животе. Их красивые смуглые лица смягчаются улыбкой. Тамада поднимает первый тост:

— Пусть сколотят ваш гроб из досок, сделанных из того дуба, который мы сажаем сегодня, в день вашей свадьбы.

Когда к концу вечера ты неловким движением задеваешь

стол, падает его выдвижная часть и разбивается дорогая посуда, мы просто не знаем, куда деваться от стыда. В ответ на наши смущенные извинения хозяин дома широким жестом смахивает на пол всю стоящую перед ним посуду. Потом по-королевски дает распоряжение снова накрыть стол. Из кухни приносят мясо, дичь, пироги. Последние осколки в мгновение ока убираются молчаливыми ловкими женщинами. Тамада говорит: «Тем лучше, начнем сначала».

Зураб Церетели: «Развалившийся на свадьбе стол — это плохая примета. Не предвещает долгой и счастливой жизни. И я очень переживал за Володю и Марину».

«Пир продолжается. В зале шумно и весело. Вдруг один из гостей громко спрашивает:

— Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?

За столом воцаряется нехорошая тишина. Грузинская интеллигенция жестоко пострадала при Сталине, и, если некоторые люди относятся к нему с ностальгическим восхищением, хозяин дома, как и мы сами, считает его самым настоящим преступником»

Владимир Высоцкий в стихотворении «Теперь я буду сохнуть от тоски…» так прокомментировал эту ситуацию:

Правда, был у тамады
Длинный тост алаверды
За него — вождя народов
И за все его труды.

Марина Влади: «Я беру тебя за руку и тихо прошу не устраивать скандала. Ты побледнел и белыми от ярости глазами смотришь на того человека. Хозяин торжественно берет рог из рук гостя и медленно его выпивает. Сильный мужской голос вдруг прорезает тишину, за ним вступает стройный хор. Пением, точным и редкостным многоголосьем эти люди отвечают на упоминание о проклятых годах: голоса сливаются в звучную и страстную музыку, утверждая презрение к тирану, гармония мелодии отражает гармонию мыслей. Благодаря врожденному такту этих людей случайному гостю не удалось испортить нам праздник, и мы все еще сидим за столом, когда во дворе начинает петь петух».

Зураб Церетели устроил для Марины встречу, которая стала для нее и для Высоцкого большим событием: «Я повел Володю и Марину к Ладо ГУди-ашвили, тоже художнику. Увидев у него две работы Модильяни, Марина сказала, что тот дружил с ее отцом. Ладо спросил: «Как зовут твоего отца?» — «Владимир Васильевич

Поляков-Байдаров», — ответила Марина.

Мы сели за стол. Ладо вышел в другую комнату и принес фотографию, где отец Марины Влади в Париже, в ресторане «Куполь», вместе с художниками П.Пикассо, Ф.Леже и А.Модильяни. Он долго рассказывал Марине об ее отце. Впервые она услышала многие эпизоды, о которых не знала. Это тронуло ее душу до слез…»

Подробнее об этой встрече написала Марина:

«Однажды утром мы гуляем по Тбилиси, и один из наших друзей показывает нам дом с высокими окнами: «Здесь живет художник Ладо Гудиашви-ли — друг Модильяни, Матисса, Делоне. В двадцатые годы он жил в Париже». Я говорю тебе, что мой отец, прозванный Владимиром Щедрым, наверняка был знаком с этим человеком… <…>

В глубине зала открывается дверь, и появляется человек с очень красивым лицом, седыми волосами, блестящими живыми глазами. Он идет к нам навстречу, раскрыв объятия:

— Я не мог умереть, так и не обняв дочь Владимира. Благодарение Богу, вы пришли.

Он прижимает меня к груди с юношеской силой. Потом приглашает нас сесть рядом с ним и велит принести еще влажные фотографии, которые он только что отпечатал специально для меня. Дрожащими пальцами он показывает мне на первом плане двух молодых людей: они обнялись за плечи и улыбаются в объектив. Я узнаю отца и Ладо в окружении самых знаменитых художников.

Ладо Гудиашвили начинает рассказывать. Ты как зачарованный слушаешь его: костюмированные балы, кутежи по мастерским, нищие друзья, Модильяни, Сутин, множество иностранцев, которые все живут недалеко от бульвара Монпарнас и каждый вечер допоздна засиживаются в знаменитом ресторане «Куполь»…

Художник провожает нас, снова долго обнимает меня на прощание. Мне грустно. Я знаю, что никогда больше не увижу его. Я ухожу, прижимая к груди фотографию, где мой отец и он, молодые и красивые, улыбаются жизни».

И еще один красивый эпизод из рассказа Зура-ба Церетели: «А вот я вспомнил очень символичную историю! У меня в Багеби мастерская наверху. Сверху, с горы хорошо виден Тбилиси. Так вот, утром я однажды увидел Марину на большом валуне, с золотым сиянием развевающихся во все стороны волос. А Володя присел на одно колено и с дикой страстью пел под гитару свои песни. И эхо разносило могучие раскаты его голоса.

В деревне забеспокоились собаки, и внизу маленькие черные

фигурки людей, сняв головные уборы, с изумлением внимали доносившемуся словно с неба голосу».

И уже из Грузии Владимир Высоцкий и Марина Влади плывут на теплоходе в Одессу: «Толя Гарагу-ля встречает нас у трапа. Грубоватое лицо, словно вырубленное из камня, обезоруживающая улыбка. Он руководит смешанным экипажем. Мужчины восхищаются им, женщины все немного в него влюблены. Корабль, которым он командует, настоящее чудо. Он был захвачен в качестве трофея и восстановлен после войны. Каюты и салоны — необычайной роскоши. «Грузия» богато украшена коврами, чеканкой и росписью».

Но была еще одна — «московская» свадьба, о которой известно давно из следующего текста Андрея Вознесенского: «В 70-м, после того как они зарегистрировались с Мариной Влади, Володя торжественно сказал: «Разрешите пригласить вас с Зоей на свадьбу, которая имеет честь состояться 13 января. Будет узкий круг. Мы решили позвать только самых близких». В их квартирке на 2-й Фрунзенской набережной, снятой накануне и за один день превращенной Мариной в уютное жилище, кроме новобрачных, были только создатель Театра на Таганке Юрий Петрович Любимов, Людмила Целиковская, кинорежиссер Александр Митта с женой Лилей, испекшей роскошный пирог, актер МХАТа Сева Абдулов, позже подъехал художник Зураб Церетели… <…> Любимый сын «Таганки» был деликатен в жизни. Он мог бы закатить свадьбу на Манежной площади — все равно не хватило бы мест… Мы с Зурабом скинулись на несколько бутылок вина. Трудно представить, как небогаты мы были…»

Зураб Церетели: «Денег ни у кого не нашлось — нищие мы были».

Лилия Митта: «Деньги?! Не было такой проблемы. Не знаю, зачем Зураб пустил эту байку и все ее повторяют. Мы, друзья Володи, вполне могли бы устроить ему пышную свадьбу. Хотя бы и у нас дома, где в былые годы нередко собиралось человек по пятьдесят, и для меня накрыть шикарный стол не проблема. Собрать всех на огонек было тогда чуть ли не единственной радостью… Нет, мы в те годы уже не нуждались: книжки с моими рисунками выходили во многих странах, а потому была возможность отовариваться в «Березке». Муж мой снимал кино, получая вполне прилично. А Марина Влади? Уж она-то точно не была бедной! Просто ребята захотели свою свадьбу отпраздновать в своем гнезде, пусть и временном…»

Зураб Церетели: «Купили несколько бутылок шампанского, Лиля Митта яблочный пирог испекла…».

Зоя Богуславская: «Пироги, жареная утка, заливное — меню признанных кулинаров Лили и Саши Митты…»

Лилия Митта: «Во-первых, это была не утка, а индейка — она занимала полстола. Готовила я ее по рецепту Елены Молоховец. Предварительно вымачивала в молоке или в кипятке и только после отправляла в духовку. Индейка получалась оранжевой, блестящей, как сегодня в журналах. А главное — я подавала ее на салатных листьях, с консервированными фруктами и делала ей красивый ореол из «перьев» — хвост из шампуров, на которые были нанизаны огурчики, помидорчики, редиска, виноградины. Мы с Мариной Влади всегда любили украшать стол, хотя тогда в России не очень-то было принято уделять внимание антуражу…»

Андрей Вознесенский: «Володя был удивительно тихим в тот день, ничего не пригубил…»

Евгений Евтушенко, который на этом вечере не присутствовал, чуть позже подарил книгу своих стихов с такой надписью: «Марине и Володе, чтобы, даже разлучаясь, они не разлучались никогда. Ваша любовь благословлена Богом. Ради него не расставайтесь. Я буду мыть Ваши тарелки на Вашей серебряной свадьбе. Женя Евтушенко».

Из воспоминаний Давида Карапетяна мы узнаем, что между грузинской свадьбой и московским свадебным вечером (13 января) Марина на несколько дней улетала в Париж. А потом предполагалось еще одно «свадебное мероприятие»:

«Первого декабря 1970 года — переломный момент в судьбе Высоцкого. Думалось, что, заключив брачный союз с Мариной Влади, он наконец-то сумеет совладать с поселившимся в нем демоном саморазрушения. Ему ведь и раньше удавались относительно долгие периоды «сухого закона». Он не пил вот уже несколько месяцев, и всем нам хотелось верить, что наступающий 1971 год станет для него и впрямь началом «новой жизни». Поэтому их свадебное путешествие — поездка в Тбилиси — приобретало в наших глазах символический смысл. Оно виделось событием, знаменующим эту надежду.

В новогоднюю ночь Володя позвонил нам с Мишель и поздравил с наступающим. Он был трезв, грустен, серьезен. Меня еще удивило, что он не поехал в какую-нибудь компанию, а остался дома с Ниной Максимовной.

В первых числах января прилетела Марина, и почти сразу последовал непредсказуемый, по ее же словам, «катастрофический срыв» Володи. Не выдержав, она собрала вещи и тайком от Володи переехала к актрисе Ирине Мирошниченко, бывшей тогда замужем за драматургом Шатровым.

Это Володино «пике» грозило отменить второй акт медового

месяца — отдых в сочинском санатории Совета Министров СССР. Путевки в эту элитную здравницу «пробил» замминистра Константин Трофимов — давний поклонник Володи и Марины».

Поездка в Сочи так и не состоялась — началась жизнь…

Из дневников Валерия Золотухина: «15.01.1971

А дела у нас на театре — хуже не придумаешь. Вечером позвонила в театр Марина — принц Гамлет в Склифосовского, она в отчаянии. Одна в России… На положении кого? Уговаривал я вчера Володю поехать спать и прекратить, надо бежать на длинную дистанцию, это малодушие-После того дня, как шеф накричал на него, он взялся за стакан, ища спасение в нем, в отступлении, а может, брызнет талант, надеялся…

07.02.1971

Как-то Володя позвонил шефу домой. Нарвался на мадам (Людмила Целиковская — тогда жена Ю. Любимова. —В.П.).

— Я презираю тебя, этот театр проклятый, Петровича, что они взяли тебя обратно… Я презираю себя за то, что была на вашей этой собачьей свадьбе… Тебе тридцать с лишним, ты взрослый мужик! Зачем тебе все эти свадьбы? Ты бросил детей… Как мы тебя любили, так мы теперь тебя ненавидим. Ты стал плохо играть, плохо репетировать.

— Я искуплю, — вклинил Володя.

— Чего ты искупишь?! Ты стал бездарен как пробка.

И повесила трубку. Володя хотел было расстроиться. Потом рассмеялся.

18.03.1971

— Юрий Петрович (Любимов), мне нужно с вами поговорить… Только вы можете мне посоветовать и помочь. Можно, мы приедем к вам с Мариной?..

— Какой Мариной?

— Ну… с Мариной.

— А она здесь? Я думал, она уже уехала.

— Нет, она здесь.

— Ну, приезжайте, я завтра закончу репетицию в три часа и поговорю».

«Да, у меня француженка жена…»

Я все вопросы освещу сполна —
Дам любопытству удовлетворенье!
Да, у меня француженка жена,
Но русского она происхожденья…
<1971>

Зиновий Высоковский: «Володя в конце шестидесятых совершил небывалое — женился на француженке, на всемирно известной, красивейшей женщине. Мужское население СССР даже во сне такого в то время представить себе не могло».

Жить на две страны, на две столицы, «на две системы» было, конечно, очень сложно. «Но выход мы поищем и обрящем»…

Марина Влади: «Так и жили: Володя в Москве, я в Париже, мы выучили, чуть ли не наизусть расписание самолетов. Но, может быть, в этом была и положительная сторона. На грани расставания или встречи не обращаешь внимания на какие-то мелочи, на все поверхностное».

Фрагмент из фильма Эльдара Рязанова «Четыре вечера с Высоцким»:

«Когда вы жили в Париже, то тосковали о нем?

Естественно, я тосковала. Но это тоже, может быть, дало какой-то плюс нашей жизни, что мы не ежедневно находились вместе и друг друга не ежедневно видели. В этом смысле у нас была очень сильная жизнь, всегда свежая любовь. Может быть, из-за того, что мы не ежедневно жили вместе. Хотя это сложно — так жить. Особенно для женщины.

Я думаю, что это в равной степени трудно и для мужчины, и для женщины.

Нет, болтаться между двумя странами с детьми, без детей, два дома, две культуры, две политические системы — это очень сложно! И тем не менее остаться на каком-то среднем здоровом уровне».

Феликс Дашков, капитан дальнего плавания: «Конечно, это была не в полном смысле слова семья… Как принято у всех обычных людей, которые живут под одной крышей, спят в одной постели… и двадцать, и тридцать, и сорок лет — сколько кому, как говорится, повезет и удастся».

И субъективная точка зрения Давида Карапетяна: «У Марины чувствовалось переплетение женской любви с материнской. Так любят в семье самого трудного ребенка. Марина и баловала его,

как любимого сына: дорогие шмотки, экзотические вояжи, престижные автомобили. Она как бы хотела «откупить» Володю за все, чего он был до нее лишен».

Марина Влади, естественно, старалась наладить отношения с семьей Высоцких. Вместе с В.В. они бывали в новой семье Семена Владимировича. Бывали и у Алексея Владимировича Высоцкого — дяди В.В. Ирена Высоцкая, его дочь, молчавшая много лет, наконец согласилась на интервью с Марком Цыбульским:

«— Высоцкий приезжал к вам домой вместе с Мариной Влади?

— Ну конечно, очень часто. У нее словечки иногда бывают такие исконно русские. Я помню, только что родилась Ольга — моя племянница, дочь моего брата Саши. Папа (Алексей Владимирович Высоцкий. — В.П.) показывает ее Марине — ну такой чудный ребенок, первая его внучка. А она кричит во весь рот. Марина посмотрела и говорит: «Ну и роток!» Прелесть просто вообще. Марина прекрасный человек Очень доброжелательная».

Антонина Иванова, осветитель киностудии «Ленфильм»: «… Когда Володя и Влади поженились, я увидела ее на съемках фильма «Плохой хороший человек», который снимался у нас на «Ленфильме» и где Володя играл роль фон Корена.

Влади часто приходила на съемки, садилась где-нибудь в сторонке и внимательно наблюдала за происходившим. В паузах читала Чехова, с томиком которого не расставалась, вела себя очень просто и естественно.

…Однажды в особенно жаркий день Володя попросил Марину сходить за пивом. Она повязала голову каким-то платочком, взяла самый обыкновенный бидончик, который оказался у кого-то, и пошла в ближайшие бани, где торговали хорошим пивом. И быстренько его принесла. Все были очень довольны — и поведением Марины, и вкусным пивом».

В Москве был нормальный и одновременно очень сложный — особенно для иностранцев — советский быт. Марина не то чтобы принимала это, но, как умный человек, она это понимала как неизбежное зло. Были периоды, когда просто не хватало денег, и Марина шла не на Центральный рынок, а в обыкновенные советские магазины.

Юрий Сушко: «…она ходила по московским гастрономам, сдавала пустые бутылки, наводила порядок в квартире, пылесосила, выносила мусор. Сосед Высоцкого по Малой Грузинской художник Гриша Брускин вспоминал, как, позвякивая пустыми бутылками в плетеной корзине, спешила в приемный пункт стеклотары красивая Марина Влади».

Зураб Церетели: «Отлично помню каждое ожидание Володей

приезда из Франции Марины. Он тогда еще не ездил за рубеж. Платили в Театре на Таганке, где он работал, мало. С продуктами было плохо… Марина сама великолепно готовит и любит хорошую кухню. И под причитания по уши влюбленного Володи: «Мариночка приедет, надо ее хорошо встретить» — я с большим трудом доставал черную икру и хорошее вино. Пусть люди радуются, такой я человек, хочется сделать все красивым!»

Александр Митта: «На моих глазах проходила значительная часть его семейной жизни. Я скажу то, против чего, надеюсь, не возражала бы Марина, поскольку она совершенно справедливо держит в секрете свою личную жизнь. Люди должны знать, что она, конечно, была его ангелом-хранителем. Она спасала его от многих сложностей жизни. Но это не то, что она, так сказать, размахивая крылами, порхала, как ангел, над семьей… Приезжает из Парижа молодая женщина, с двумя детьми под мышкой; один все время где-то что-то отвинчивает, второй носится, как кусок ртути, — он сразу всюду, во всех комнатах, на полу, на потолке, на балконе, во дворе. Когда второго выпускали во двор, чтобы он научился русскому языку, через два часа все дети во дворе начинали кричать по-французски…

И Марина, спокойная, невозмутимая, сидит в этом бушующем маленьком мире. Появляется Володя со своими проблемами и неприятностями. Она и этого успокаивает».

Феликс Дашков: «У них всегда были — во всяком случае у меня на глазах — самые-самые теплые отношения. Марина даже иногда в знак солидарности с ним (потому что он, когда был у меня на борту, не пил вообще ничего — «сухой закон») и для того, чтобы его поддержать в этой «крепости», тоже отказывалась. Я никогда не слышал, чтобы они скандалили или еще что-то такое. Единственное, что Марина иногда говорила мне, — что она устала от всего этого: от этой мучительной жизни, от этих бесконечных перелетов, от этих вызовов… Вдруг среди ночи звонок!.. Это, видимо, свойственно людям такого темперамента…

А в общем-то они жили каждый своей жизнью. И только когда у них получались такие вот небольшие промежутки времени, тогда они бывали вместе».

И во Франции, в Париже, были нормальные домашние, семейные заботы. Запись Высоцкого в «Парижском дневнике» 1975 года:

«Целый день разбирали хлам: почту, журналы старые, даже негодные диски и всякое-разное. Сделали мне рабочее место, установили систему, стало чище и просторней. Я чихал во время уборки и таскал хлам вниз. Все пошли за едой и за всякой всячиной. Это здесь быстро и время не берет. Только все-таки

досадно, что тут все, а у нас не всем, тут красиво и быстро, а у нас не так чтобы очень».

Анатолий Утевский, друг Высоцкого по Большому Каретному: «Последние годы жизни у него были экстремальные. Это было связано и с Мариной. Ведь их жизнь не была упорядочена: он здесь, она во Франции… Бывало, что Володя ее очень ревновал. При мне он звонил во Францию, в Париже ее не было, он нашел ее где-то в горах… Говорил: «Если завтра не прилетишь, я что-нибудь с собой сделаю». При мне были эти тяжелые разговоры».

Разные люди по-разному вспоминают о последних годах жизни Высоцкого, достаточно много рассказов о сложностях в отношениях В.В. и Марины Влади. Но Марина для Высоцкого во все времена безусловно значила очень много.

Валерий Золотухин: «Лучшим подтверждением Володиных чувств является его любовная лирика. Глядя в потолок, ничего не испытывая, человек вряд ли напишет: «Двенадцать лет тобой и Господом храним…». Стихи — они всегда идут от сердца, из души. Другое дело, что любовь не вечна и с годами страсть проходит…»

Иван Дыховичный: «Все говорили: вот, ему нужна такая жена, которая была бы около него. Да не нужна была ему такая жена. Ему, наоборот, нравилось, чтобы это была не жена, а скорее, любовница… Конечно, в высоком смысле этого слова. Притом Марина была прекрасной хозяйкой, она могла на то время, которое была здесь, создать дом».

В 1972 году встает вопрос о переезде Марины Влади в детьми в Москву.

«Маме, которой я дорожу больше всего на свете, удалили раковую опухоль… Я вижу, как после операции маму провозят на каталке. <…>

Вечером я в отчаянии возвращаюсь домой. Мама — моя подруга, мой единственный стержень в этой жизни — при смерти. <…>

Когда я сообщаю тебе по телефону, что мы должны решиться отключить аппарат, который искусственно поддерживает ее жизнь, ты отвечаешь то, чего я жду: «Если жизнь больше невозможна, зачем поддерживать ее видимость?» Мы согласны — одна из сестер и я. После долгих споров две другие мои сестры тоже соглашаются, и мы прощаемся с мамой.

Рыдая у телефона, ты все-таки стараешься поддержать меня. В тот февраль семьдесят второго года были рассмотрены все возможные решения. Даже чтобы мне остаться в Москве с детьми».

Это кажется возможным еще и потому, что у Высоцкого

складываются очень хорошие отношения с детьми Марины Влади.

Вспоминает Иван Дыховичный: «Володя очень трогательно относился к детям Марины — переживал за них, любил их, с радостью их видел. У него не было такого жлобского чувства — чужие дети. Это были замечательные ребята, особенно младший — Володька. Ему было шесть лет, и он назначал моей жене тайные свидания. Он ей говорил по-французски: «Ты придешь во столько-то!» А про меня спрашивал: «И чего ты в нем нашла?»

Из книги Марины Влади: «Мой младший сын, которого тоже зовут Владимир, с первых же минут знакомства загорается пламенной дружбой к тебе. Он, как маленький зверек, все время жмется к твоим ногам, рассказывает тебе бесконечные истории на языке, понятном только вам двоим, постоянно повторяет твое имя: Володя, Володя».

Запись в «Парижском дневнике» Высоцкого: «Володька обрадовался. Визжал и был похож на белокурого дьяволенка, но намерения имел благие нам понравиться и мальчикам. Это ему не удается. Петя — громадный. Смотрел ноты для поступления и играл на гитаре. Неплохо. Но, конечно, еще очень по-школьному. Говорили про его учебу у нас — ему и хочется и колется».

«Твои отношения с двумя моими другими сыновьями, Игорем и Петей, походят скорее на сообщничество». Далее Марина Влади рассказывает об автомобильной аварии, в которую попал Высоцкий, и как ее сыновья благородно старались сохранить это в тайне. «Они тогда были маленькие и тянулись к Володе, как крошечные зверечки, ласкаясь и получая нежность и ласку, доброту и сердечность. И только потом, позже, когда подросли, поняли, с каким человеком их свела судьба, великим человеком, которого они и поныне называют отцом. Хвастают, словом…»

Но и сам Владимир Семенович, как мог, заботился о сыновьях Марины. Младшего — Володьку — после неудачной операции в Париже он устраивает в одну из лучших детских клиник Москвы к знаменитому хирургу Станиславу Долецкому. В другой их приезд в Москву просит Алексея Штурмина, основателя московской школы каратэ, позаниматься с Володей.

«Позже он попросил меня об одной вещи — тогда в Москве жил сын Марины Влади, маленький Володя:

— Нельзя ли показать ему, что такое каратэ?

— Ну почему нельзя…

— А можно я сам приеду?

И Высоцкий вместе с Володей приехал в нашу школу каратэ. Потом приезжала и Марина, тоже смотрела тренировки» (Алексей Штурмин).

Высоцкий следит за успехами в музыке среднего сына, Петра,

и когда тот начинает заниматься по классу классической гитары, дарит ему знаменитую гитару венской работы, с которой были связаны удивительные романтические истории. Гитару эту подарила Высоцкому вдова народного артиста СССР Алексея Дикого.

Вспоминает Евгения Степановна Высоцкая: «В 1975 году, когда они переезжали на Малую Грузинскую, мне позвонил Володя: «Тетя Женя, у нас покрывают полы лаком — сильный запах, а Марина взяла с собой детей — Петю и Володю… Что делать?» — «Что делать, приезжайте к нам». Семен Владимирович был в отпуске, я уехала к Лиде, и целую неделю Марина, Володя и дети жили у нас. Потом соседи спрашивали: кто это у вас играл на трубе? А это занимался Петя».

Марина Влади в нескольких интервью с благодарностью говорила об отношении Владимира Высоцкого к ее сыновьям: «Он открыл им Россию. Если бы не он, им, может быть, никогда бы не довелось ее увидеть… Володино влияние было колоссальным. Мои сыновья обожали его, если не сказать — боготворили. Он не был им отцом по крови, но они, может быть, даже сильнее, чем можно любить отца, любили его — как друга, своего парня, как брата… Особенно любил его мой младший — Володька…»

Больше всего хлопот доставляет и Марине Влади, и Высоцкому старший сын Игорь. Он связался с компанией хиппи, уходил из дома, стал употреблять наркотики… «Пока пасу я в меру способностей старшего сына. Он гудит помаленьку и скучает, паразит, но вроде скоро начнет работать» (В.Высоцкий — письмо И.Бортнику 25.02.1975).

«Игорь в этот раз лучше намного, ему снизили дозу транквилизаторов. Мерил штаны, говорил много, то разумного, то ерунды, все хочет жить вместе с Алексом: «Мы, мол, одно тело, одна душа».

Он, должно быть, из породы не вожаков, а самоотверженных приближенных, очень увлекается людьми и влюбляется, но, к сожалению, в тех, кто ему потакает» (В.Высоцкий, «Парижский дневник» 1975 года).

В конце концов Игорь сумел преодолеть себя — вырвался из круга этой болезни. Он уехал к отцу на Таити, женился…

Планы переезда в Москву обсуждаются ив 1975 году. Еще из «Парижского дневника»:

«Я пока еще точного отношения к плану переезда в Москву не имею, но что-то у меня душа не лежит пока. Не знаю, почему, может быть, потому, что никогда не жил так, и потому внутри у меня ни да, ни нет. Но Марина очень хочет и решила. Ну что же, поглядим. Дети хорошие, а я привыкну, может быть».

Марина Влади: «Но очень быстро мы наткнулись на непреодолимые трудности: отсутствие денег и моя работа, которую я хочу и должна продолжать. К тому же моих сестер и друзей приводит в ужас одна только мысль о возможности моего переезда в Москву. А главное — то, что мои дети, с удовольствием проводящие здесь летние каникулы, не хотели бы все-таки окончательно поселиться вдали от Франции».

А в 1977 году этот вопрос уже не обсуждается, о чем косвенно свидетельствует следующее заявление В.Высоцкого:

В МВД СССР От гр-на Высоцкого В.С.

Заявление

Я женат на гражданке Франции Де Полякофф Марине Влади — известной французской киноактрисе.

Мы состоим в браке уже 7 лет. За это время я один раз в году выезжал к жене в гости по приглашению. Моя жена имеет возможность приезжать ко мне всегда. Ей в этом содействуют Советские организации.

Приезжая ко мне, она отказывалась от работ и съемок, оставляла детей в интернатах, а когда была жива мать, то с матерью.

Теперь положение изменилось. Моя жена должна много работать и детей оставлять не с кем. Всякий раз, когда у нее трудное положение, естественно, необходимо мое присутствие у нее, а я должен и могу бывать у нее после длительного оформления и один раз (максимум два) в году.

Я не хочу переезжать на постоянное жительство во Францию — это вопрос окончательно решенный, а жена моя является, кроме всего, видным общественным деятелем — она президент общества «Франция — СССР» и приносит большую пользу обеим странам на этом посту.

Так что и она не может переехать ко мне по всем этим причинам.

Прошу разрешить мне многократно выезжать к моей жене, ибо иногда требуется мое срочное присутствие у нее и помощь, а я всякий раз должен оформляться, и это вызывает невроз и в театре, и в кино, и во всех моих других начинаниях.

Я уверен, что право неоднократного выезда решит многие наши проблемы и сохранит нашу семью.

С уважением, Высоцкий. 05.03.1977 г.

Письмо это переправляется в Московский ОВИР со следующим указанием:

«В соответствии с просьбой заявителя разрешаем в порядке исключения установить следующий порядок оформления документов для выезда его во Францию к семье: характеристику с

места работы и анкету он должен представлять один раз в год, все последующие поездки должны разрешаться Высоцкому В.С. по его заявлению произвольной формы…»

Больше попыток навсегда перебраться в Москву они уже не предпринимают. Владимир Высоцкий и Марина Влади до 1980 года продолжают жить на две страны, на две столицы.

«Дом хрустальный на горе — для нее…»

Шесть лет ожидания, но зато — какое счастье!
Марина Влади

«Шесть лет ожидания» — это шесть лет жизни в самых разных местах и разных квартирах… Вначале жизнь вместе с Ниной Максимовной в экспериментальном доме по улице Шверника, потом ненадолго в квартире Капитолины Лазаренко — в Большом Каретном переулке… И около трех лет в Матвеевском — надувная мебель и квадрофоническая аппаратура.

Марина Влади: «Семьдесят четвертый год. Возвращение в СССР. Я еду одна по шоссе к Москве и понимаю, что если сейчас что-нибудь сломается или лопнет колесо, одной мне не справиться: машина перегружена так, что напоминает скорее катер — нос задран кверху, а багажник едва не касается земли. На крыше прочно привязана последняя парижская новинка — широченный, почти квадратный матрац «индивидуальная суперпружина» (теперь я смогу спокойно спать, как бы ты ни ворочался), и продавец мне поклялся, что в пластиковом чехле эта штука отлично доедет на крыше. Рядом со мной как раз остается место, чтобы положить карту, документы и корзинку с бутербродами и растворимым кофе. Сзади чего только нет: посуда, специи, туалетная бумага, пластинки и кассеты, выключатели, штепсели, провода и всякая другая мелочь. Наконец мы въезжаем в свою квартиру. <…>

Но вот я в Бресте. Мы бросаемся друг к другу. Как давно мы не виделись! Я не могу наглядеться на тебя. Ты крепко обнял меня и будто боишься отпустить… В это время таможенники успели уже разобрать пол багажника. Взглянув на стоящие на асфальте кастрюли, чайники, абажуры, ты вспоминаешь о квартире и сообщаешь мне, что воду еще не включили и окна пока не застеклили, поэтому нам придется немного пожить у друзей. Ничего! Все в порядке. Шесть лет ждали — что уж теперь! Еще подождем. И вообще я давно дала себе слово не расстраиваться по пустякам. Я беру себя в руки и энергично улыбаюсь…»

«Пожить у друзей…» — то есть в квартире Ивана Дыховичного: «Они приехали ко мне, потому что негде было жить. Володя позвонил из Парижа, что они приедут такого-то

числа. И когда во двор въехал «мерседес», в котором сидела Марина, а на крыше был прикреплен матрац — он был даже не двуспальный, а трехспальный! — и вылез Володя в красненькой рубашечке и они стали тащить матрац ко мне… это был страшный момент, потому что в нашем доме жили люди, в основном пенсионеры, которых вообще раздражала любая живая жизнь. И когда они увидели это, я понял, что это все! На меня были написаны анонимки во все существующие организации, включая Красный Крест. А у Марины тогда был период, когда она очень легко, даже фривольно одевалась… И утром, когда она проходила мимо этих людей и весело говорила: «Привет!», они роняли свои ручки».

Вспоминает Нина Максимовна Высоцкая: «В 1975 году Володя и Марина надолго уехали за границу. А в этот год сдавался дом на Малой Грузинской. Володя очень хотел иметь квартиру на высоком этаже. В жеребьевке участвовала я, выиграла восьмой этаж, о чем немедленно сообщила по телефону в Париж. Я первой вошла в дом, по русскому обычаю, с хлебом и солью, поставила в бутылку с водой ветку березы…

Когда переезжали на Малую Грузинскую, Володя все еще был у Марины. Все вещи упаковывала я, мне помогал Толя Тесленко. Потом все коробки мы перевезли в новую Володину квартиру. Когда Володя приехал, он очень удивился: «Мамочка, как это ты все смогла?».

Марина Влади: «По жеребьевке нам досталась квартира на восьмом этаже. Шесть лет ожидания, бесчисленных визитов к ответственным лицам на всех уровнях — и разрешающая подпись все же вырвана. На больничной кровати у одного из ответственных работников Моссовета, к которому меня привел заместитель министра. Наконец мы въезжаем в новую квартиру…»

Владимир Новиков: «В возрасте тридцати семи Высоцкий наконец достиг высокого титула «ответственный квартиросъемщик», получив ключи от трехкомнатной квартиры номер тридцать на восьмом этаже нового дома номер двадцать восемь по Малой Грузинской. Дом кооперативный, населенный в основном художниками (у некоторых — мастерские на самом верху), а также «искусствоведами в штатском». На первом этаже — выставочный зал».

А до этого в квартире был произведен капитальный ремонт, более того, была сделана перепланировка прихожей, гостиной и ванной. Всем этим занималась Марина Влади.

Евгения Степановна Высоцкая: «Однажды я приехала к нему. Володя сидит что-то пишет, а Марина работает дрелью».

Нина Максимовна Высоцкая: «Да, устройством дома занималась Марина: она измеряла, планировала, покупала мебель. Эти простые книжные полки в кабинете спроектировал Володя — они ему нравились: «Главное, они не прогибаются!». Еще до въезда сюда они переделали буквально все: заново белили стены, меняли кафель, перестраивали ванную — все сделали по своему вкусу. Марина пригласила меня: «Приезжайте, я уже кое-что сделала». А Володя завел меня на кухню и сказал: «Вот, мамочка, смотри: все мои друзья здесь будут сидеть, будут есть, а если захотят, то останутся ночевать».

Несколько лет спустя о доме Высоцкого вспоминал его друг, польский актер Даниэль Ольбрыхский: «Квартира Володи состояла из небольшой, современно обставленной гостиной, уютной спальни с широким ложем и маленького кабинета, заставленного антикварной мебелью. И небольшой кухни, похожей на кухни в польских блочных домах. Повсюду была видна рука отсутствующей Марины, везде царил образцовый порядок. Я полагаю, в этом была заслуга и мамы Володи. Что касается меня, то без постоянного надзора женщины, которая, прилагая титанические усилия, прибирала бы за мной, я замусорил бы любую квартиру до предела».

Владимир Новиков: «В большой комнате [В.Высоцкий] повесил карту мира, хорошую, с прочным целлофановым покрытием. Еще в Париже купил кнопок с разноцветными пластмассовыми шляпками и начал отмечать ими те города и страны, в которых за последние неполные три года довелось побывать. Польша, Германия, Франция, Англия, Югославия, Венгрия, Болгария, Италия, Испания, Марокко, остров Мадейра, Канарские острова, Мексика… Неплохо. Северная Америка пока не освоена — ничего, доберемся».

Н.М.Высоцкая: «Марина очень хотела обставить квартиру старинной мебелью. Какие-то вещи она приобретала в комиссионных магазинах, а несколько предметов было куплено у родственников знаменитого режиссера Таирова. А потом злые люди распускали слухи, что Высоцкий скупает музейную мебель и отправляет ее в Париж…»

Историю с приобретением, а может быть, и спасением части мебели Таирова и Коонен подробно рассказывает Марина Влади в своей книге: «Когда мы приходим к нашей старушке (Елизавете Моисеевне Абдуловой. — В.П.), она рассказывает нам со слезами на глазах, что в квартире ее друзей — этой знаменитой супружеской пары — музея, вопреки надеждам, не будет, и все, что там есть, будет распродано. Она умоляет нас взять хоть что-нибудь, потому что эти вещи — свидетели жизни артистов

русского театра — не должны попасть в случайные руки. Она считает, что им лучше жить у нас. <…>

И ты садишься в красивое кресло темного дерева в стиле ампир и просто тонешь в нем. У кресла очень высокая спинка, как у плетеных шезлонгов, которые можно видеть на пляжах на севере Франции. Я немедленно решаю, что мы берем это кресло. Потом я останавливаюсь перед большим письменным столом с многочисленными ящичками и выдвижными частями. Он похож и на конторку, и на бюро…

За этим письменным столом ты написал свои самые прекрасные стихи. В этом кресле я часами слушала, завернувшись в плед, как ты читаешь мне их».

Станислав Говорухин: «Квартира — своя квартира — появилась у него за пять лет до смерти. Он с любовью обставил ее, купил стол, за которым когда-то работал Таиров, страшно гордился этим.

Володя любил ночные разговоры. Сам заваривал чай, обожал церемонию приготовления этого напитка. Полки на кухне были заставлены до потолка банками с чаем, привезенным отовсюду. И только глубокой ночью, почти на рассвете, когда все расходились и дом затихал, он садился к столу и сочинял стихи».

А «церемония приготовления этого напитка» — секрет знаменитого чая Владимира Высоцкого — как он сам рассказал одному из друзей, заключалась в следующем: «Я просто из каждой банки насыпаю понемногу и завариваю…»

Когда Высоцкий уезжал в Париж, за домом следила Нина Максимовна Высоцкая. Она наводила там порядок. Иван Бортник: «А Володя любил тот беспорядок, который он создавал сам. Как только он приезжал, и все было убрано:

— Ну, мамочка! Ну не надо трогать мои бумаги. Ну что ты, ей-богу…

Телефоны он часто записывал на клочках бумаги:

— Мамочка, ну вот где этот телефон?!»

Прилетала Марина, и в доме была нормальная семейная обстановка. Конечно, собирались большие компании, но это было не так часто. Е.И.Авалдуева, заведующая отделом кадров Театра на Таганке: «Если Марина жила в Москве, Володя практически не выпивал. Юрий Петрович сердился:

— Может же он бросить, когда Марина приезжает! А так — что, не может?!

На репетициях Володя иногда забегал ко мне, звонил домой:

— Ну, Мариночка, хватит валяться… Вставай.

Я спросила у него:

— Володя, а кто у вас готовит, убирает? Кто о тебе заботится?

— Ой, Елизавета Иннокентьевна, Марина сама все умеет».

Без Марины атмосфера в доме менялась. Особенно в последние годы. Валерий Янклович: «Конечно, в квартире иногда было много людей… Но это не было так: люди, люди, люди. Случайных практически не было. И вообще в последние годы кому-то постороннему попасть к нему домой было очень сложно. Иногда просто выгонял… Один довольно известный киноактер привел своего приятеля, чтобы похвастаться — смотри, с кем я знаком… Володя его выгнал! Высоцкий понимал, что он человек известный и что только дома он может быть самим собой. Он имел право на личную жизнь, плохая она была или хорошая — это другое дело».

Владимир Шехтман, двоюродный брат Всеволода Абдулова: «Посторонние в его доме бывали редко, особенно в последние годы. Володя, как мне кажется, защищал свое право на одиночество. Однажды звонок в дверь: югославский корреспондент пришел просто так, без предварительного телефонного звонка. Я даже не думал, что Володя так разозлится:

— Как вы смеете приходить без предупреждения!

Просто взял и выгнал его. Я говорю:

— Володя, да ты что?!

Он отвечает:

— Да они же сами нас потом уважать не будут».

Но бывали и другие ситуации… Генрих Падва, адвокат, на мой вопрос: «Вы бывали у Высоцкого на Малой Грузинской. Помните свое первое впечатление?» — ответил: Меня немного поразило, что дверь была открыта. Просто не заперта. Кто-то входил, кто-то выходил… У него был достаточно своеобразный дом. С одной стороны, Володя был человеком, не очень пускавшим и подпускавшим к себе. А с другой стороны — впечатление открытого дома, калейдоскоп людей».

И в этом калейдоскопе людей, в этом круге общения могли появляться самые разные люди. Свидетельство Давида Карапетяна: «Был, кажется, апрель или май 1977 года. Предварительно созвонившись с Мариной, я заехал к ней на Малую Грузинскую. Володя появился через час. Его сопровождал целый выводок юных «шестерок» во главе с личным врачом Анатолием Федотовым. По суховатой отстраненности Марины было видно, что она подобно мне видит эту компанию впервые. Хотя все они были трезвы, какое-то странное взвинченное возбуждение кружило их по квартире. Федотов не понравился мне сразу: фамильярен, самоуверен, лишен той сдержанной серьезности, которая сразу отличает уверенного в себе специалиста. Зависимость Володи от этого человека бросалась в

глаза, хотя причина ее оставалась загадкой. Но я заметил, как покоробил Володю топорный комплимент, сделанный им Марине. Порыскав, о чем-то шушукаясь, по комнатам, странная ватага вскоре умчалась, прихватив с собой Володю. Вернулся он уже один. Выглядел очень странно: взвинченность уступила место отрешенности. Казалось, человек пришел к себе домой и некстати наткнулся на шапочных знакомых».

Валерий Нисанов, сосед по дому, фотохудожник: «Вообще, Володя мог общаться с кем угодно… К нему вдруг приходил какой-то министр или появлялась женщина из Сибири, которая только что освободилась. А одна женщина много дней приходила и сидела в подъезде ровно с восьми утра. Она ждала, когда выйдет Володя…»

Все это, конечно, раздражало Высоцкого. Непрерывные телефонные звонки — он несколько раз менял номер телефона. Какая-то девушка пыталась устроиться на работу в Театр на Таганке, чтобы видеть Владимира Высоцкого.

Но вот одно странное обстоятельство. Вадим Туманов, один из самых близких друзей: «…никого из актеров Театра на Таганке я дома у Володи не видел. Кроме Вани Бортника. Но в последний год они «раздружились» — и Ваня появлялся очень редко».

Н.М.Высоцкая: «Первое время эта большая квартира в центре города нравилась Володе. Его радовало, что здесь он мог принять сразу много друзей и знакомых. Но в последнее время он стал поговаривать об обмене на какой-нибудь более тихий район».

Валерий Янклович: «В последние годы квартира на Малой Грузинской Володе не очень нравилась, он хотел поменять ее, мечтал сделать студию — пусть маленькую, пусть даже на чердаке… Даже смотрел вариант обмена в одном из арбатских переулков. Квартира после Володиной смерти вроде бы та — и стены те, и мебель, но духа его там уже нет…»

Судьба дома В. Высоцкого и Марины Влади — квартиры на Малой Грузинской — была решена в феврале 1981 года. Был заключен договор между «гражданкой Франции де Полякофф Марина Катрин, проживающей — Франция, 10 АВ Марина Мэзон-Лаффит, корпус 4, квартира 41 и гражданином Высоцким Семеном Владимировичем, Высоцким Никитой Владимировичем-Высоцким Аркадием Владимировичем…» Речь шла о разделе наследственного имущества. В собственность Н.М. Высоцкой и ее внуков переходили «накопления в жилищно-строительном кооперативе «Художник-график» (7179 р. 61 к.)…и паенакопления в гаражно-строительном кооперативе «Художник-график» (1753 р. 43 к.)». При подписании договора гражданка де Полякофф в возмещение полученного имущества (двух битых автомобилей)

обязывалась выплатить определенные суммы наследникам и оплатить расходы по заключению договора.

При разделе имущества в восьмидесятом году Марина взяла лишь свои личные вещи, оставив квартиру со всем ее содержимым наследникам:

«Мне не хотелось бы, чтобы одним печальным днем кто-нибудь ходил вот также по нашей квартире (как по квартире Алисы Коонен. — Я/7.), выбирая что-нибудь из вещей среди обломков нашей прошедшей жизни».

После ссоры с родителями Высоцкого Марина больше никогда не заходила в квартиру на Малой Грузинской.

Рассказывает Эльдар Александрович Рязанов: «…Специально для съемки в нашей передаче и в программе Натальи Крымовой из Парижа прилетела вдова Высоцкого, французская актриса Марина Влади. Я думал, что смогу снять ее в квартире, где она прожила с Володей последние пять лет. Но Марина наотрез отказалась даже войти в бывший свой дом, и мы снимали интервью с ней в том же самом здании, но в другой квартире, а именно в квартире кинорежиссера Александра Митты.

Причем Марина очень беспокоилась, чтобы зрители не подумали, будто съемка произведена в ее бывшем жилище, и просила, чтобы из передачи было понятно: снимали в другом месте. Это была ее последняя просьба перед отъездом, переданная мне через актера Всеволода Абдулова».

Несколько лет назад Марина Влади рассталась со своим большим домом в Мезон-Лаффите — рассталась с домом, в котором бывал Владимир Высоцкий и который много лет был «родовым гнездом» семьи Поляковых-Байдаровых:

«Дом — это все. Я знала, что у меня есть дом, где мои дети, мама, но у меня были и другие дома:

Россия, квартиры и коридоры, где мы спали с Володей, — это тоже был наш дом. О чем говорить, когда ты имеешь возможность купить в 15 лет дом и можешь там поселить своих сестер, родителей, друзей и собак, — конечно, это здорово. У меня все это было. И вот недавно я решила оттуда уйти, так как это было слишком тяжело, да и дети разъехались. Решила вернуться в Париж, где я родилась…»

«Абдулов Сева — Севу каждый знает…»

Володя мог быть за Севу,
мог быть против Севы —
но никогда без Севы.
ЛеонидМончинский

В шестидесятых годах дом Леона Кочаряна на Большом Каретном был для Высоцкого вторым домом. После знакомства в 1967 году, а потом новой встречи в 1968-м — и начала близких отношений — Владимир Высоцкий и Марина Влади бывали в разных домах, но самым родным и близким стал, конечно, дом Абдуловых.

Всеволод Абдулов на вопрос: «Почему Высоцкому так нравился ваш дом?» — ответил: «Я сам в последнее время часто об этом задумываюсь. Не претендуя на полную истину, скажу, что все-таки в этом доме Володя попадал в такое окружение, которое вряд ли было у него на Большом Каретном. Там собиралась блестящая компания: Кочарян, Утевский, Макаров, Шукшин, — но им еще только предстояло состояться. А тут была другая, потрясающая среда. Собирались невероятные люди, все было пропитано атмосферой театра.

То есть Володя находил в этом доме, может быть, не то, чего искал, но то, к чему подсознательно стремился. Весь этот дом — легенда, сейчас он увешан мемориальными досками, а в те годы большинство удостоившихся их были живы, ходили по нашему двору, заглядывали друг к другу в гости.

Наконец, в нашем доме ему было просто хорошо. Сюда он мог прийти в любое время, независимо от того, дома я или нет. Мать любила его невероятно. Но я просто не могу на этом останавливаться — настолько это личное».

Елизавета Моисеевна Абдулова действительно любила и Высоцкого и Марину Влади. Марина называла ее «Елочка» и любила разговаривать с ней, как выразилась Марина, на старинном французском языке. А Елизавета Моисеевна называла Марину «декабристкой». И считала, что их любовь — это «роман века».

Высоцкий внимательно и нежно относился к Елизавете Моисеевне. Вот что он пишет в Гагры своему хорошему знакомому Григорию Чепия и его жене:

«Дорогие дядя Гриша и тетя Люба! Пишет Вам ваш пятый

сын. Я уже полностью в работе, был в Ташкенте и в Алма-Ате. Марина во Франции и передает вам привет. <…>

Я прошу Вас взять к себе в дом — т. е. просто поселить к себе — мать Севы Абдулова, которого дядя Гриша напоил чачей. Она хочет отдохнуть. Ее зовут Елизавета Моисеевна. Она — замечательная, и для меня она просто как родная мать. Если ей у Вас будет хорошо, я буду очень рад.

Думаю, что Вы тоже ее полюбите. Привет детям! Обнимаю Вас, помню Вашу доброту. До встречи.

Володя Высоцкий».

Алексей Чердынин: «У Абдуловых на день памяти Осипа Наумовича — отца Севы — собирались старые актеры. И если там Володю просили спеть Фаина Георгиевна Раневская или Ростислав Янович Плятт, то он никогда не отказывался».

Владимир Шехтман: «Володя обычно не пел по заказу. Но если в доме Абдуловых собирались знаменитые друзья Осипа Абдулова — в том числе и Раневская, то им он отказать не мог». Тем более, если рядом была Марина, которая просто обожала Фаину Георгиевну.

Всеволод Абдулов: «Фаина Георгиевна не раз рассказывала, как они познакомились с Володей. Она проходила мимо доски приказов в Театре имени Пушкина, почему-то взглянула на нее, увидела пять или семь выговоров с последним предупреждением некоему актеру Владимиру Высоцкому и воскликнула:

— Боже мой! Кто этот бедный мальчик?

— Фаина Георгиевна, это я, — стоит маленький человечек. Так они познакомились, и она стала первой заступницей и просительницей за Володю в этом театре».

Именно Фаина Георгиевна Раневская после рассказов Высоцкого о детстве сказала: «Володя, вы должны об этом написать».

И еще одно важное обстоятельство. Как известно, Иосиф Бродский впервые услышал песни Владимира Высоцкого от Анны Андреевны Ахматовой. И можно предположить, что Анна Андреевна узнала о Высоцком от Раневской, своей близкой подруги.

28 августа 1971 года Фаине Георгиевне исполнилось семьдесят пять лет. В это время она находилась в больнице в связи с травмой плеча. Высоцкий и Марина Влади навестили ее в больнице, но в палату их не пустили. И они оставили такую записку:

«Дорогая наша, любимая Фаина Георгиевна!

Выздоравливайте! Уверен, что Вас никогда не покинет юмор, и мы услышим много смешного про Вашу временную

медицинскую обитель. Там ведь есть заплечных дел мастера, только наоборот.

Целую Вас и поздравляю, и мы ждем Вас везде — на экране, на сцене и среди друзей».

(В 1981 году Раневская переписывает со слов Маргариты Алигер четверостишие из последнего стихотворения Высоцкого. Далее в ее дневнике такая запись: «Он был у меня. Он был личность».)

Именно в доме Абдуловых произошел трагический случай, когда Марина фактически спасла Высоцкого от смерти.

Всеволод Абдулов: «Это был, по-моему, конец 60-х годов. Тогда впервые приехали в Москву все сестры Марины со своими мужьями. Была радостная встреча. Были друзья, был замечательный вечер. Володя поет, потом куда-то выскакивает. Я смотрю на Марину. Марина вся белая. И тоже не понимает, что происходит. Потом включились сестры, они тоже что-то почувствовали. А он все время выскакивает и выскакивает. Я за ним. Он в туалет, наклоняется, у него горлом идет кровь. Ну таким бешеным потоком. Я говорю: «Что это?» Он говорит: «Вот уже часа два». Он возвращается, вытирается, садится. Веселит стол, поет, все происходит нормально. Потом все хуже и хуже. Вызывают «скорую помощь», кто-то уводит гостей. Приехала «скорая помощь».

Марина Влади: «Осмотрев тебя, два врача «скорой помощи» и санитар реагируют до смешного просто: слишком поздно, слишком большой риск, тебя нельзя перевозить. Им не нужен покойник в машине — это повредит плану.

По выражению лиц моих друзей я понимаю, что приговор обжалованию не подлежит. Тогда я встаю в дверях и кричу, что, если они не отвезут тебя немедленно в больницу, я устрою международный скандал. Я ору на этих бедняг, которым мало платят, которых ни во что не ставят, которые обязаны выполнять план, а не спасать людей. Они пугаются и наконец понимают, что умирающий — Высоцкий, растрепанная и вопящая женщина — его жена, французская актриса. После короткого совещания, чертыхаясь, они, подхватив за четыре конца одеяло, на котором ты лежишь, выносят тебя из квартиры. При спуске по лестнице тебя мотает из стороны в сторону. Несмотря на их протесты, я тоже сажусь в машину — отчаяние придает мне силы».

Всеволод Абдулов: «И он оказывается впервые в Институте Склифосовского, где потом появилась у него масса друзей, которые до конца дней были рядом и помогали в трудную минуту. И дальше восемнадцать часов боролись за его жизнь. Когда он был и на том свете, и на этом. «Врежут там — я на этом,

врежут здесь — я на том».

О том, что происходило в реанимационном отделении «Склифа», вспоминает врач-реаниматолог Леонид Сульповар:

«Летом 1969 года я работал в отделении реанимации института. В ночь с 18 на 19 июля туда привезли Володю Высоцкого с сильным желудочным кровотечением. Случай этот достаточно подробно описан в книге Марины Влади «Прерванный полет». В реанимации Володя провел чуть больше суток, потом его перевели в 1-е хирургическое отделение, где он пробыл около недели — точнее не могу сказать. Сутки, которые Володя находился в реанимации, Марина просидела у нас в ординаторской, практически никуда не выходя. Тогда она еще не очень хорошо говорила по-русски. Помню, кричала:

— Я же русская! Пустите меня к нему!

По нашим правилам посетителей в зал реанимации не пускают. Пациенты — в тяжелом состоянии, и лишняя возможность подхватить инфекцию им ни к чему. Поэтому (в этот день) Марину мы к Володе так и не пустили. В этот раз кровотечение было остановлено консервативными методами — без операции».

Марина Влади: «Неимоверно долгий день наконец прошел. Я несколько раз тщетно пыталась поговорить с кем-нибудь из врачей. Они упорно молчат. Нужно ждать. Поздно вечером — прошло уже шестнадцать часов, как я жду, — один из них,

невысокий человек с живыми глазами и торчащими усами, приглашает меня войти. <…>

Врач успокаивает меня: «Было очень трудно. Он потерял много крови. Если бы вы привезли его на несколько минут позже, он бы умер. Но теперь все в порядке…» Я слушаю его и, не отрываясь, смотрю на тебя. Мне объясняют, что у тебя в горле порвался сосуд, что тебе больше нельзя пить и нужен длительный отдых. Остальные врачи — четверо мужчин и женщина — говорят мне, как они счастливы, что спасли тебя, как они рады познакомиться со мной, несмотря на то, что обстоятельства не из веселых. Я сразу полюбила этих людей. <…>

Игорек, Вера, Вадим, Толя и Леня хорошо поработали. Отныне они будут служить тебе верой и правдой, как в ту страшную ночь».

В составе реанимационной бригады был Игорь Годяев. Рассказывает Валерий Янклович: «Игорек работал фельдшером на реанимобиле Института имени Склифосовского. Он был в той бригаде, которая спасла Володю во время первой клинической смерти, когда у него пошла горлом кровь в квартире Севы Абдулова… Володя очень ценил Игоря. Ценила Годяева и

Марина». Заметим, что в посвящении книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» упоминается и Игорь Годяев — «Игорьку»…

Валерий Золотухин: «24 июля был у Высоцкого с Мариной, Володя два дня лежал в Склифосовского. Горлом кровь хлынула. Марина позвонила Бадаляну. «Скорая» приехала через час и везти не хотела: боялись, умрет в дороге. Володя лежал без сознания на иглах, уколах. Думали, прободение желудка, тогда конец. Но, слава Богу, обошлось. Говорят, лопнул какой-то сосуд. Будто литр крови потерял, и долили ему чужой. Когда я был у него, он чувствовал себя «прекрасно», по его словам, но говорил шепотом, чтоб не услыхала Марина. А по Москве снова слухи, слухи… Подвезли меня до Склифосовского. Пошел сдавать кровь на анализ. Володя худой, бледный… в белых штанах с широким поясом, в белой под горло водолазке и неимоверной замшевой куртке».

Алла Демидова: «После первой клинической смерти я спросила Высоцкого, какие ощущения у него были, когда он возвращался к жизни. «Сначала темнота, потом ощущение коридора, я несусь в этом коридоре, вернее, меня несет к какому-то просвету, свет ближе, ближе, превращается в светлое пятно, потом боль во всем теле, я открываю глаза — передо мной склонившееся лицо Марины».

Евгений Канчуков: «Трагедия эта яркой вспышкой в одночасье как бы высветила будущее Владимира Высоцкого и Марины Влади. Ее она превратила мгновенно из знаменитой французской артистки, боготворимой в СССР, в обыкновенную русскую женщину, жену человека, с которым беда, — жалкого, больного.

Его же заставила улететь в тартарары, проведя за день сквозь все круги, по которым теперь ему придется ходить часто: от фестивальной круговерти, через уязвленную гордость, разрешающую

припасть к бутылке, через сокрушительные загулы — к беспамятству; возвращение откуда для него часто было бы просто непереносимым, когда б не любящий человек рядом».

Много лет спустя Марина с благодарностью вспоминала о доме Абдуловых: «Мы тут первый раз вместе жили, как говорится. И Севочка одолжил нам свою комнату. Меня трогает очень это место. Оно полно воспоминаний».

«В Париж пока что не проник…»

А мне хочется показать тебе Париж.

Я хочу, чтобы ты знал, как я живу…

Марина Влади

Попасть за границу не «в составе делегаций», а частным образом было в советские времена невероятно сложно. В конце жизни Владимир Высоцкий достаточно свободно передвигался по всему миру, но началось все это с первой поездки в Париж.

«Мы говорили об этом долгие ночи напролет. Мы воображали все, что ты мог бы сделать. Ты никогда не думал остаться жить во Франции. Для тебя жизненно необходимо сохранить корни, язык, принадлежность к своей стране, которую ты страстно любишь. Ты строишь безумные планы. Ты мечтаешь о свободных от цензуры концертах и пластинках, о путешествиях на край земли. Как это часто бывает с тобой, невероятные мечты становятся откровениями: все это сбудется, но позже» (Марина Влади).

Это произошло только в 1973 году, когда Владимир Высоцкий и Марина Влади подали заявление, чтобы получить визу и разрешение на поездку во Францию.

Запись в дневнике В.Золотухина:

«02.03.1973

Высоцкий оформляет документы во Францию. Боже! Помоги моему другу. Это было бы прекрасно, какие песни бы он написал! Ни к кому другому нет у меня такой нежности и теплоты, как к Вовке В.».

О том, как были получены заграничный паспорт и французская виза, подробно рассказывает Марина Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет». Понадобилось вмешательство Жоржа Марше, тогда первого секретаря Французской Коммунистической партии, и его звонок Леониду Брежневу… И вот наконец в 1973 году Высоцкий в Париже.

Еще одна запись Валерия Золотухина:

«29.04.1973

Звонил из Парижа Высоцкий. Он еще не соскучился по нам. Счастлив. Везде его водят, кормят, все его знают. А главное, от чего он обалдел, — весь Париж говорит на русском языке. Я думаю, это заслуга Марины. Четыре года всего ей понадобилось агитации к приезду мужа из России, чтобы весь Париж перешел на русское изъяснение».

Во время первого приезда в Париж — собственно, знакомства с Парижем — на приеме у Одиль Версуа произошел такой случай. Вспоминает Александра Ивановна Высоцкая — тетка Владимира Высоцкого: «…Одна из сестер Поляковых была замужем за каким-то французским аристократом. И жили они в самом настоящем замке. Марину с Володей пригласили на прием. Володя рассказывал: «Бронзовые ручки, мраморные львы, изысканная публика, а я в курточке и в джинсах. И слышу за спиной отчетливый шепот, по-русски: «Боже мой, и что она в нем нашла…» Марина это слышит тоже. На следующий день мы с Мариной обошли все лучшие парижские магазины — самые модные вещи, туфли на платформе… И дальше все было в порядке».

Из дневника Золотухина: «19.05.1973

Приехала из Парижа Галя Евтушенко. Все газеты напечатали огромные портреты Володи в смокинге и с Мариной на открытии Каннского фестиваля. Сегодня он звонил Дупаку, просил день отсрочки, боится, не успеет на машине».

С тем, что все газеты напечатали портреты Высоцкого с Мариной, не согласен Марк Цыбульский, американский исследователь творчества Высоцкого. Он считает, что это явное преувеличение: «Не имея возможности просмотреть «все газеты», отметим, что ни коммунистическая «Юманите», ни вполне консервативная «Монд», ни журнал «Пари Матч» не только не поместили портретов Высоцкого, но и ни словом не обмолвились о нем».

«Первый Володин приезд из Парижа: ну, город! Сплошной праздник. Карнавал лиц, веселья, искусства, любви, истории… От радости обрушил на товарищей град подарков. Мне достался гигантский черно-серый шарф, как плед. До сих пор в нем греется зимой моя дочь» (Вениамин Смехов).

В 1975 году Высоцкий впервые надолго приезжает в Париж и вначале чувствует себя не очень уверенно, он записывает в дневнике: «Но ведь общаться-то с кем-то надо, а то ведь полуживотное состояние, и думаю: зачем я здесь? Не пишется — или больше не могу, или разленился, или на чужой земле — чужое вдохновение для других, а ко мне не сходит?

А приеду домой — там буду отговариваться тем, что суета заела. Каждый день здесь работает телевизор, развращает, хотя ни хрена не понимаю. Маринка мечется между плитой, счетами и делами. Я — бездельничаю и сам не знаю, чего хочу».

В письме Ивану Бортнику (прибыло в Москву 25 февраля 1975 года. — В.П.) Высоцкий пишет:

«Дорогой Ваня! Вот я здесь уже третью неделю. Живу. Пишу.

Немного гляжу кино и постигаю тайны языка. Безуспешно. Подорванная алкоголем память моя с трудом удерживает услышанное. Отвык я без суеты, развлекаться по-ихнему не умею, да и сложно без языка. Хотя позднее, должно быть, буду все вспоминать с удовольствием и с удивлением выясню, что было много интересного. На всякий случай записываю кое-что, вроде как в дневник. Читаю. Словом — все хорошо. Только кажется, не совсем это верно говорили уважаемые товарищи Чаадаев и Пушкин: «где хорошо, там и отечество». Вернее, это полуправда. Скорее — где тебе хорошо, но где и от тебя хорошо. А от меня тут — никак. Хотя пока только суета и дела — может быть, после раскручусь».

В конце концов работа пошла. Тогда в Париже было написано несколько песен — баллады для кинофильма «Стрелы Робин гуда».

В том же 1975 году в Париже с Мариной Влади и Владимиром Высоцким встречался хороший знакомый В.В. — заместитель министра (кажется, легкой промышленности — В.П.) — Константин Владимирович (?) Трофимов. Высоцкий из осторожности даже в дневнике зашифровывает его инициалами «КВ.»:

«Звонил К.В. Позвали его и друга с женой к Жану, где живет Алеша Дмитриевич. Ели там. В маленьком кафе возле театра много вкусного. Алеша песни пел, я тоже. Костя говорил тосты, пьянел и был счастлив, хвастался большой поэтической и политической эрудицией, намекал на близкие отношения с Мариной, словом, вые***ался, но симпатично, я ему потакал. Он ловко подводил свою речь к цитатам из стихов и называл Пастернака Борей (как Ильича назвать Вовчик); друг его и жена балдели от нашествия знаменитостей и от гордости за высокопоставленного своего друга. Маринка держалась отлично, а я тоже хорошо. Отвезли Константина домой в отель. Завтра он гос<ударственные> дела будет заканчивать, ему спать надо, а нам необходимо. И завтра много звонков и дел дома, надо мне раб<очее> место устроить. Я ведь работать буду, хочу, намереваюсь. Поглядим, что будет».

Всем известны знаменитые фотографии Леонида Лубяницкого (который был знаком с Высоцким еще в Союзе), сделанные во Франции и в США. О своих встречах с Высоцким и Мариной Влади он рассказал в интервью Андрею Шарунову:

«Я вновь встретился с Высоцким в апреле 75-го во Франции. Заходили в гости к его преподавателю в Школе-студии МХАТ Андрею Синявскому, жившему тогда в Париже… Работая в то время в американском журнале «TIME», я впервые был

командирован в Париж. Там мы и встретились с Высоцким, где я его много снимал и где много времени мы проводили вместе. 19 апреля 1975 года мы вместе отмечали мой день рождения.

В следующий раз мы встретились с ним во время выступления Михаила Барышникова. После спектакля мы все вместе поехали домой к жене Высоцкого Марине Влади, где провели всю ночь. Примерно до 5 часов утра Володя пел, а я его записывал на магнитофон и фотографировал. (Кстати, снимок, на котором бородатый Володя и Марина, я снял в ту ночь.) В этот вечер он посвятил мне одну песню. Зная о том, что мои друзья называют меня Леонардо, Володя сказал: «А это для тебя, Леонардо, песня «Про любовь в эпоху Возрождения».

Леонид Лубяницкий впервые сообщает о посещении Высоцким Андрея Донатовича Синявского у него дома. Широко известен фрагмент из «Парижского дневника» Высоцкого о его присутствии на вручении премии А.Синявскому:

«Пошел я с одним человеком, который приятель Бориса, на вручение премии А.Синявскому и всех их (эмигрантов. — В.П.) там увидел, чуть поговорил, представляли меня всяким типам. Не знаю, может, напрасно я туда зашел, а с другой стороны — хорошо. Хожу свободно и вовсе их не чураюсь, да и дел у меня с ними нет, я сам по себе, они тоже. А пообщаться интересно. Они люди талантливые и не оголтелые».

А вот как прокомментировала мне это событие жена АСинявского Мария Васильевна Розанова:

— Как часто Высоцкий заходил к вам в Париже?

— В Париже были встречи, но их было немного. Марина Влади боялась этих встреч. Потому что тогда Марина Влади была «девушка официальная» и была заинтересована в добрых отношениях с советскими властями. И мне кажется, боялась общаться с «особо опасными»…

— Как же Высоцкий решился пойти на вручение премии?

— Ну вот взял и решился! Я читала это место в дневнике Высоцкого и вижу, как невероятно осторожно Володя пишет об этом. Хотя это — дневник. Но те отношения, которые были у нас в Союзе, они все-таки стимулировали — и он пришел. Он мог преодолеть некоторый страх…

Константин Казанский, музыкант, аранжировщик французских дисков В.В., считает, что Высоцкий в Париже чувствовал себя достаточно уютно: «У него были два-три дома в Париже, в которые он всегда приходил, знал, что может прийти спать, есть, смотреть телевизор, как у себя дома. Это — Марина, но она жила за городом. Потом они сняли квартиру, в которой я раньше жил (это квартира моего дяди) и Миша Шемякин. Потом у

нас дома. Потом у Таньки, которая сестра Марины, он чувствовал себя очень хорошо. В Москве была такая тяжелая атмосфера. Поэтому для него Париж, каким он его себе сам сделал, был отдыхом невероятным… Он себе создал такую семью, в которой он ни перед кем не отчитывался…»

Были в русском Париже места, где Высоцкого встречали по-королевски, именно как Владимира Высоцкого. Иван Бортник вспоминает о приеме в парижском ресторане «Распутин»: «Его владелица мадам Мартини хорошо знала Володю. И вот когда мы подъехали, официанты распахнули двери, даже ковровую дорожку расстелили. В этом ресторане тогда пел Алеша Дмитриевич — знаменитый исполнитель цыганских песен. Так вот, Алеша Дмитриевич подходил к нашему столику, пел специально для нас. А под утро всем хором цыгане поют:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля.
Просыпается с рассветом
Наша русская земля…

Тогда он подарил нам свои пластинки с автографами. Мы эти пластинки перепутали — диск, подаренный Володе, хранится у меня».

Михаил Шемякин выпустил в Париже пластинку с записями Дмитриевича, для чего попросил Высоцкого прислать записи или тексты старинных цыганских песен и романсов. Из письма Высоцкого Шемякину (конец 1975 года):

«Дорогой мой Миша! Посылаю тебе кое-что для пластинок с Алёшей. Может, кое-что и пригодится. Здесь 20—30-е годы. Не надеюсь, что Алеша выучит, ну так все равно может пойти в дело — глядишь, кто и споет в русских кабаках».

Высоцкий водил в этот ресторан своих друзей послушать цыганские песни. Там побывали Белла Ахмадулина, Борис Мессерер. Вспоминает Костя Казанский: «Возможно, благодаря тому, что Алеша не умел читать и писать, у него был бешеный нюх! Ахмадулина сказала: «Господи, на каком языке он поет! Давай напишем ему слова!» А Володя говорит: «Оставь, это его язык — русский Алеши Дмитриевича».

Марина Влади посвящает встрече Высоцкого с Дмитриевичем почти две страницы своей книги. Приведем небольшой фрагмент: «На улице, где находится театр «Эберто», стоит небольшое светлое здание. Здесь за фасадом прячутся ночной ресторан и небольшая гостиница. На втором этаже уже много лет живет человек, который относится ко мне как к дочери, — русский

цыганский барон в Париже Алеша Дмитриевич. Этот титул он, возможно, присвоил себе сам, но величавость и царственная манера держаться у него соответствующие. И потом, он как никто умеет заставить рыдать свою гитару, голос его, кажется, прорывается из самой глубины человеческого страдания и неизменно очаровывает ночных красавиц…. Однажды мы приходим сюда днем».

Дмитриевич спускается из своей комнаты… «Глядя в упор друг на друга, вы беретесь за гитары — так ковбои в вестернах вынимают пистолеты — и, не сговариваясь, чудом настроенные на одну ноту, начинаете звуковую дуэль… Один поет старинный романс, с детства знакомые слова — это «цыганочка». Другой продолжает, выкрикивает слова новые, никем не слышанные:

…Я — по полю вдоль реки!
Света — тьма, нет Бога!
А в чистом поле — васильки
И дальняя дорога…»

Даниэль Ольбрыхский свою книгу «Поминая Высоцкого» написал в форме если не писем, то развернутого обращения к Марине. Его рассказ об одном вечере в Париже-.

«Ты помнишь, Маринка, Володя как раз приехал из Москвы. Был вечер, мы сидели в твоей маленькой квартире на улице Дюрок. Я попросил его спеть что-нибудь новенькое. Он ударил по струнам и начал. Это было продолжение «Охоты на волков» — «Конец «Охоты на волков», или Охота с вертолетов»:

Словно бритва рассвет полоснул по глазам,
Отворились курки, как волшебный сезам,
Появились стрелки, на помине легки,
И взлетели стрекозы с протухшей реки,
И потеха пошла — в две руки, в две руки!

Когда фортиссимо в последнем куплете дошло до апогея, стали стучаться соседи. «Пожалуйста, выключите эти ваши пластинки!» — требовали они. А ты пыталась объяснить им, что это не проигрыватель, что это — муж, который только что приехал. Будь они русскими, они бы повторить попросили. А французы, эх, что говорить… <…>

И вот, обруганные соседями, мы вышли на улицы Парижа. Это действительно свободный город свободных людей. Мы уселись под каким-то забором и начали петь. И тогда Зузанна,

заливаясь смехом, показала надпись на заборе: «Chantier interdit» (Игра слов: Chantier interdit / Chanter interdit — Строить запрещено / Петь запрещено). Володя уже понимал немного по-французски, знал, что chanter значит «петь», застеснялся и замолчал. Как водится у русских, запрещено — значит, запрещено. Вероятно, на секунду поверил, что у этого забора французы запрещают петь».

Гастроли «Таганки» в Париже, Лионе и Марселе прошли с 4 ноября по 11 декабря 1977 года. Из четырех привезенных спектаклей Высоцкий участвовал в двух — «Десяти днях, которые потрясли мир» и «Гамлете». Сам он на концертах неоднократно говорил, что гастроли прошли с большим успехом: «Театр получил премию французской критики за лучший иностранный спектакль года… Это был «Гамлет». Было в тот год в Париже около двухсот коллективов. Одновременно с нами еще два театра играли «Гамлета» в том же самом Париже, так что можно себе представить! Там премий по блату не дают. Они дают, если заработали и если считают, что стоит того».

И на эту же тему В.Высоцкий — в интервью автору:

«Успех действительно был колоссальный: за последнее время ни один драматический театр, не только наш, но и в мире, не может похвастаться таким успехом, как Таганка. Пожалуй, только Питер Брук со своим спектаклем, где они играли на трапециях, — это был, по-моему, «Сон в летнюю ночь».

Из дневника В.Золотухина: «28.11.1977

— Любите ли вы своих артистов? — вопрос на французском языке (переводит Высоцкий).

Любимов:

— Считаю это провокационным вопросом… Все были против исполнения Высоцким Гамлета и того, что он с гитарой. Да, это Высоцкий. Я посадил его злить тех, кто хорошо был знаком с принцем».

Алла Демидова, вспоминая о Париже, рассказала об одном интернациональном качестве интеллигенции: «Однажды после душного летнего спектакля «Гамлет» мы, несколько человек, поехали купаться в Серебряный бор. У нас не было с собой ни купальных костюмов, ни полотенец, мы вытирались Володиной рубашкой… Через несколько лет во Франции мы с Володей были в одной актерско-писательской компании и вместе с французами поехали в загородный дом под Парижем. Когда подъехали к дому, выяснилось, что хозяин забыл ключ. Не ехать же обратно! Мы расположились на берегу реки, купались, также вытирались чьей-то рубашкой…»

Вениамин Смехов рассказал о сюрпризе, который устроил

Высоцкий для труппы Театра на Таганке во время этих гастролей: «На гастролях в Париже он был собран, хмур и предельно ответствен — в работе. Почти ни с кем в театре не общался, никого французским бытом не угощал; это как-то обижало, настораживало…

И вдруг подговорил знаменитую сестру своей знаменитой жены — и мы попали в огромный дом в Латинском квартале… все чинно, просто, великолепно… вот-вот почувствуем себя «месье и мадам»… и тут объяснилось Володино нетерпение, его совершенно детское плутовство в глазах… Мы ждали посреди великолепия, что приплывут на стол невиданные, непопробованные яства… Ночью, после «Гамлета», на левом берегу Сены, на втором этаже старинного замка, в честь русских, то бишь иностранных артистов торжественно внесли два гигантских блюда — горячую гречневую кашу и гору «московских» котлет… И вкусно, и весело, и экзотично…»

Иван Бортник: «Гастроли во Франции были очень напряженными и достаточно длительными. Честно говоря, в самом конце я начал скучать по Москве, по дому, по семье. Вернулись, прошло время — я стал вспоминать, жалеть, что мало успел посмотреть. А Володя:

— А-а-а… Говорил тебе, что еще будешь вспоминать Париж!

Помню его слова:

— Самое интересное, что осталось, — поездить, посмотреть мир…»

Белла Ахмадулина: «Я безумно радовалась, когда Володя и Марина уезжали на автомобиле в Париж. Тогда я сидела возле окна и думала: как здорово, что они сейчас едут в этом автомобиле. И им хорошо вдвоем. Володя всегда мог написать строчку, после которой было хорошо несколько дней…»

Юрий Сушко о гостеприимстве Марины Влади: «Двери ее парижской квартиры на улице Севр, дома в Мэзон-Лаффите всегда были открыты для московских приятельниц и Володиных друзей. В 1978 году, уехав по делам в Швейцарию, она оставляла ключи Олегу и Веронике Ха-лимоновым. Примерно тогда же, после жуткой автокатастрофы в Подмосковье, в ее хоромах приходил в себя Всеволод Абдулов. По приглашению Влади у нее гостила свекровь. В печальные и всесближающие июльские дни 1980 года Марина постоянно напоминала Нине Максимовне: «Мама, вы можете по полгода проводить у меня в Париже…»

Некоторое время в доме Марины жила Белла Ахмадулина с мужем. Во время отсутствия хозяйки в Мэзон-Лаффите останавливались супруги Митта. И это казалось обычным делом».

Борис Мессерер вспоминал, как они «тесно дружили

вчетвером… Ходили друг к другу через день. А потом мы поехали к ним в Париж. Жили на маленькой улочке, где у Марины была квар-

тирка с четырьмя крошечными комнатами. Володя уезжал на спектакли в Москву, снова приезжал. Вместе мы были в гостях у Миши Шемякина…»

Мессерер и Ахмадулина заблудились в Париже. «…И Володя Высоцкий задумчиво сказал: «Знаешь, в одном я тебя превзошел». Ахмадулина удивилась: «Что ты! Ты меня во всем превзошел!» — «Да нет. Я ориентируюсь еще хуже, чем ты…» (Костя Казанский).

В Париже Высоцкий встречался не только с парижскими русскими и эмигрантами, но и с дипломатами, которые одновременно были сотрудникам спецслужб. Вспоминает Вадим Мельников — «разведчик и дипломат», а в то время работник советского консульства: «Однажды в нашем консульстве в Париже появился Володя Высоцкий. Раньше я видел его в спектаклях Театра на Таганке. Подумал, что есть повод завязать беседу, познакомиться… Он сказал, что прилетел в Париж навестить жену, Марину Влади. Ну и немножко отдохнуть.

Когда подошло время обеда, я предложил Володе подвезти его к дому. Он не отказался. Прощаясь, Володя сказал: «Я приглашу тебя на концерт».

Через несколько дней он выполнил обещание. Пригласил на свой домашний концерт, который давал в представительстве «Аэрофлота» для его сотрудников. Нелегально. Присутствовали всего человек 12–15. Но Володя пел вдохновенно, артистично, «в лицах».

Было это 6 апреля 1979 года. Прилетал Володя в Париж регулярно. И всегда «Аэрофлотом». Между ним и этой авиакомпанией существовала негласная договоренность (на самом деле был заключен официальный договор. — В.П.). Володя давал сотрудникам концерт, а они ему — скидку на билеты до 50 процентов».

Стареем, брат, ты говоришь?
Вот кончен — он недлинный —
Старинный рейс «Москва — Париж»…
Теперь уже старинный…

<1978>

Самым близким другом среди «русских парижан» был, конечно, Михаил Шемякин. «Миша, Рива, Дороте — эти имена мы произносим каждый день, когда ты в Париже. Шемякины — семья художников в изгнании. <…> Ты познакомишься с Шемякиными

в Париже. Эта семья уехала из Ленинграда после неописуемых перипетий, но в полном составе. Твои отношения с Мишей окрашены тайной. Вы запираетесь у него в мастерской и часами сидите там. Он обожает тебя фотографировать, записывать, слушать — этот человек живет только прошлым, влюблен в твою современность; он верующий, даже мистик, а за тобой я не замечала склонности к религии. Он задумчив и часами может рассматривать свои многочисленные коллекции; он фанатичен и скрытен, ты — полная ему противоположность. Единственная ваша точка соприкосновения, за исключением таланта, — это любовь к диким попойкам» (Марина Влади).

Даниэль Ольбрыхский: «Маринуя называл своей сестричкой. Я знаю, как ей приходилось трудно. Володя, приезжая в Париж, иногда исчезал с Мишей Шемякиным — и еще хорошо, если дня на три…»

Марина Влади: «Сколько раз Рива, Дороте и я, охая под тяжестью, втаскивали вас обоих в квартиру напротив Лувра. Собаки, не переносящие запаха алкоголя, яростно лают. Попугай ужасно ругается. Мы не знаем, смеяться нам или плакать, потому что, насколько ораторские способности исчезают у тебя, как только ты выпил, настолько Миша любит в этом состоянии декламировать длинные нецензурные монологи. И его, обычно изображающего из себя мрачного и молчаливого принца, невозможно заставить замолчать».

Но бывали случаи, когда Марина обращалась за помощью к Шемякину: «Она звонит: Володя уже «поехал»… Я приезжаю туда — у них была крохотная квартирка… Володя сидит в дурацкой французской кепке с большим помпоном — почему-то он любил эти кепки… А я-то его знаю как облупленного — вижу, что человек «уходит», но взгляд еще лукавый… А Марина — злая — ходит, хлопает дверью: «Вот, полюбуйся!» И она понимает, что Володю остановить невозможно. Пошла в ванную… Володя — раз! — и на кухню, я бежать за ним, хотя знаю, что вина в доме не должно быть. Но Володя хватает какую-то пластиковую бутылку (у французов в пластике самое дешевое красное вино), берет эту бутылку и большой глоток оттуда — ах! И я смотрю, с ним что-то происходит: Володя весь сначала красный, потом белый, сначала красный, потом белый… Что такое?! А Володя выбегает из кухни и на диван — раз! — как школьник… Но рожа красная, глаза выпученные.

Тут Марина выходит из ванной: «Что? Что с тобой?» — она как мама… Я тоже спрашиваю: «Что с тобой?» — молчит. Я побежал на кухню, посмотрел на бутылку — оказывается, он уксуса долбанул! Он перепутал, есть такой винный уксус, из

красного вина — и тоже в пластиковых бутылках. Через несколько минут и Марина увидела эту бутылку, все поняла… С ней уже истерика… «Забирай его! Забирай его чемодан, и чтобы я вас больше не видела!»

Со временем русский Париж мог бы стать для Высоцкого и французским, но не стал… Мишель Кан (она была знакома с Высоцким тринадцать лет — познакомились в Москве еще до встречи В.В. с Мариной Влади. В Пятигорске Высоцкий назвал Мишель Кан «близким другом нашей семьи». Напомним, что именно Мишель сделала подстрочные переводы песен В.В. для французских дисков. Эти же переводы использовались во время концертов Высоцкого в Париже в 1977 году): «…Когда Высоцкий стал часто бывать в Париже, он изменился, стал более цивилизованным, выучил язык. У него было хорошее произношение, это, наверное, чисто актерское качество. В последние годы Володя говорил по-французски даже лучше Андрея Тарковского, которого растила французская бонна».

А в конце жизни Высоцкого прекрасный Париж превратился в «город Парижск…»

Мог бы быть я при теще, при тесте,
Только их и в живых уже нет.
А Париж? Что Париж! Он на месте.
Он уже восхвален и воспет.

<весна 1980>

И уже не хочется туда лететь — в последний раз попытка опоздать на самолет — лететь под контроль Марины… Но когда все попытки «выскочить» — преодолеть болезнь — оказались безуспешными, Высоцкий снова покупает билет в Париж. И последний звонок Марине:

— Я завязал. У меня билет и виза на двадцать девятое. Скажи, ты еще примешь меня?

— Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду.

— Спасибо, любимая моя.

«Я весь в свету, доступен всем глазам…»

Я такой прессинг устроил, в час двадцать
я успел спеть около тридцати вещей.

Высоцкий в Париже, конечно, пел… Пел у Марины и для Марины, пел у Шемякиных — и записывался там, — выступал в представительстве «Аэрофлота» и в советском консульстве, но публичных выступлений было немного.

Мы не знаем — а Марина пока молчит, — как фирма «Chant du Monde» согласилась записать диски Высоцкого (кстати, список песен для первого диска утверждался в министерстве культуры СССР. — В.П.). Может быть, сыграло роль то обстоятельство, что эта фирма была связана с КП Франции.

Я думаю, что без участия Марины не состоялись бы выступления на праздниках газеты «Юманите». Хотя было бы вполне понятно: «Юманите» — газета коммунистической партии Франции, Высоцкий — поэт и певец из страны, строящей коммунизм. Но во время первых его приездов во Францию этого не случилось. Сольные концерты Высоцкого состоялись только в 1977 году.

«Петь я здесь не могу, потому что меня не приглашали официально через Госконцерт. У нас другая система — мы находимся на службе… Все четыре раза, которые я был во Франции, я находился здесь в гостях у своей жены, а не как самостоятельный человек» (Владимир Высоцкий, интервью радиостанции «France Musique»).

Осенью 1977 года Высоцкий получил приглашение выступить на ежегодном празднике газеты «Юманите». Об интересе к Высоцкому может свидетельствовать тот факт, что он получил приглашение петь на двух сценах, в том числе и на основной. «Вчера Володя ходил знакомиться с местом, где ему предстоит выступить, и немного порепетировал там, — читаем в «Юманите» от 10 сентября 1977 года. — «В первый раз я буду петь во Франции, поэтому я немного волнуюсь», — сказал он».

Владимир Высоцкий: «Я дважды выступал во Франции на празднике газеты «Юманите». Первый раз, мне показалось, не очень удачно. Передо мной долго не отпускали какого-то кумира, и когда я вышел с гитарой после гигантского оркестра, публика

была в замешательстве, некоторые стали уходить. Но после первых же аккордов начали прислушиваться: о чём это он там кричит? И так остались.

А во второй мой приезд на праздник пришли люди, которые меня уже знали. Приняли просто замечательно. Оказалось, что для песни действительно нет границ. Наверное, потому, что проблемы, которые я затрагиваю, касаются всех. А люди во всем мире по сути одинаковые: болеют одними и теми же болезнями, хотят одного и того же».

Марина Влади: «…Ты участвуешь в спектакле на большом помосте на празднике газеты «Юманите». Здесь творится что-то невообразимое. Двести тысяч человек расположились на газоне. Все ждут рок-группу, и, когда ты появляешься один с гитарой, толпа свистит. Но ты начинаешь с «Охоты на волков», и твой голос гремит через усилители. По толпе проносится короткий шепот, и через несколько минут наступает внимательная тишина, лишь в отдалении шумит ярмарка.

Закончив выступление, ты кланяешься под гром аплодисментов и идешь в глубину сцены, ко мне. У тебя за спиной волнуется человеческое море. Ты доволен и с гордостью говоришь мне: «Я мог бы петь сколько угодно — им было интересно слушать меня…»

С Мариной не совсем согласен Михаил Шемякин: «Он однажды пел за городом для каких-то коммунистических организаций, но вернулся чем-то расстроенный. А я особенно не вдавался в детали… Володя тогда знал, что мне плоховато, и старался не навешивать мне еще и свои проблемы».

На эту же тему из воспоминаний Мишель Кан: «Марина организовала его выступление на огромном празднике «Юманите» в пригороде, на самой большой площадке. Он перед началом прочитал мой перевод своих песен, чтобы слушатели хоть что-то поняли. Зрители вообще не хотели, чтобы он выступал. Большого успеха он не имел».

Вадим Иванович Туманов рассказывал мне, что Высоцкому не понравилось, что молодые французские коммунисты слушали его, лежа на траве. Кто-то курил, кто-то пил пиво. От них шло некоторое недоброжелательное отношение. И Вадим Иванович прочитал по памяти мне тогда неизвестное (и незаконченное) стихотворение Высоцкого, посвященное этому случаю. Теперь этот текст хорошо известен и опубликован…

Новые левые — мальчики бравые
С красными флагами буйной оравою,
Чем вас так манят серпы да молоты?

Может, подкурены вы и подколоты?!

Слушаю полубезумных ораторов:
«Экспроприация экспроприаторов…»
Вижу портреты над клубами пара —
Мао, Дзержинский и Че Гевара.

Не [разобраться], где левые, правые…
Знаю, что власть — это дело кровавое.
Что же, [валяйте] затычками в дырках,
Вам бы полгодика, только в Бутырках!

Не суетитесь, мадам переводчица,
[Я не спою], мне сегодня не хочется!
И не надеюсь, что я переспорю их,
Могу подарить лишь учебник истории.

<1979>

Возможно, Марина Влади рассказывает об одном — первом концерте, а Шемякин, Туманов и Мишель Кан вспоминают о другом?..

Еще выступление в Париже… 26 октября в зале «Павийон де Пари» состоялся вечер советской поэзии, в котором принимал участие и Владимир Высоцкий. Более или менее подробно об этом вечере советские телезрители узнали в 1987 году из передачи Эльдара Рязанова «Четыре вечера с Высоцким».

Евгений Евтушенко: «Когда в 70-х годах группа советских поэтов — Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский и еще кто-то — выступала в Париже, нам большого труда стоило включить в программу выступление Высоцкого, оказавшегося в Париже тогда же. Надо сказать, что пользовался он огромным успехом. Замечательно, может быть, никогда так хорошо он не пел, как тогда в Париже. Для него было очень важно чувствовать себя поэтом, выступать вместе с поэтами, эту возможность давали ему очень редко».

Роберт Рождественский: «В это же время в Париже начал гастроли и Театр на Таганке. Высоцкий был в нашей делегации. Булат Окуджава и Владимир Высоцкий выступали последними, Высоцкий заключал наш вечер. Надо сказать, что он очень здорово заключил его для тех двух с половиной тысяч собравшихся слушателей, судя по тому, как его принимали. Исполнял, по-моему, «Чуть помедленнее, кони…» В общем, вечер прошел здорово, и точка, которую поставил Высоцкий в конце

этого вечера, ее нельзя назвать точкой, это был, в общем, восклицательный знак».

Потом Высоцкий пел — и снова он был комок нервов, и хриплый голос рвал темноту «Павийон де Пари», и загорались глаза, и крики неслись из зала — просили петь снова…

Высоцкий — об этом вечере: «Это было интересно очень, потому что мы собрались, в общем, в принципе, в гигантском зале на семь тысяч человек Почти без рекламы, потому что не знали, кто будет. Несколько фамилий не было объявлено, среди них такие, как Евтушенко и моя. Были объявлены Вознесенский и Ахмадулина, которых не было на этом вечере. Были несколько человек, которые не очень известны за рубежом и у нас, но вечер прошел блестяще, на мой взгляд. Это было просто… ну как вам сказать… Во-первых, половина зала пришло людей, это три с лишним тысячи человек — вот так, без объявления, просто так, Бог знает, к черту на кулички, на край города. Мы читали стихи. Почти все — по одному-два стихотворения. Булат Окуджава пел. Я тоже читал кое-что и кое-что пел. Я кончал этот вечер… Много об этом писали очень хороших слов во всей прессе».

Е.Евтушенко — М.Цыбульскому: «Володя не был включен в список выступающих… и мы настояли на том, чтобы он выступал с нами. Володя очень хорошо пел в тот день, выступал с особой ответственностью. А потом, когда тот вечер показывали по советскому телевидению, его кусок вырезали. Конечно, он чувствовал себя оскорбленным».

Эдуард Володарский: «Мы это смотрели вместе у него дома. Его вырезали тогда из этой передачи. Был скачок такой, рывок в изображении. Он просто скрипел зубами и чуть не заплакал. Говорил: «Ну что я им сделал?» Это он сказал, правда, более грубо. И мне сейчас очень неприятно, когда у тех людей, которые его отвергли, вдруг появилась к нему такая горячая любовь».

Но главным событием для Высоцкого, безусловно, стали три сольных концерта. Они состоялись тоже в 1977 году и прошли с нарастающим успехом в очень необычном зале.

Владимир Высоцкий (в интервью автору): «…Зал был очень смешной. Они мне отдали зал, в котором работают начинающие певцы. Он очень остроумно сделан: сцена выдается таким мысом — как бы корабль. Значит, если мало людей, они в этот сегмент, который образуется перед сценой, сажают всех зрителей, а что происходит здесь, ты не видишь, потому что они почти все сзади тебя. Если людей побольше, они могут немножечко отодвинуть сцену — тогда ты видишь, что тоже вроде полный зал. А если уж полный зал, тогда они совсем ее отодвигают и сажают зрителей. Это очень остроумно сделано, чтобы не травмировать

начинающих певцов, у которых иногда в зале бывает два человека, которых они сами пригласили и которые об этом случайно вспомнили. У меня могла случиться тоже такая история, потому что расклеили афиши в пятницу вечером — желтенькие такие листочки — только в этом районе. Зал назывался Элизе Монмартр. И в первый день у меня вдруг оказалось 350 человек, на что никто не рассчитывал, и забегал директор-француз, ничего не понимавший, что я пою… Как могло получиться, что оказалось больше половины зала людей?! Этого не может быть! Не было рекламы, ничего… На второй день у меня было человек пятьсот, а в третий!.. Короче говоря, мы не пустили то же число людей, которое было в зале. Так прошли эти концерты. То есть я считаю, что они тоже прошли с большим успехом. Во всяком случае, французы говорят, что это невероятно».

В это время во Франции находился Даниэль Ольбрыхский: «Париж, конец семидесятых. Володю ждут три сольных концерта на Монмартре. Утром, в день первого концерта, зашел я в их квартирку на Дюрок Открыла Марина, бледная, заплаканная. Я почувствовал характерный запах лекарств. Из спальни слышался голос, который напоминал Володю, пародирующего алкоголика в своих песнях. Оттуда вышел человек Я понимаю — доктор. Говорит Марине что-то об эсперали. Мало-помалу до меня доходит. Так и есть: многодневный запой. Марина уже не притворяется. Входим к Володе. Он лежит бледно-зеленый, весь в поту. Таким я увижу его потом, после «Гамлета» в Варшаве. Пытается что-то сказать, но не в состоянии выговорить ни слова. Мышцы губ, голосовые связки и горло, его легендарный голос — это «тройка коней», ковер-самолет, ракета «земля-воздух» не функционируют. А вечером концерт! Билеты проданы!»

Марина Влади: «Тексты перевела наша подруга Мишель Кан, она десять лет жила в СССР и знает все твои песни. Мы воспользуемся этими переводами, чтобы через некоторое время устроить твой сольный концерт в Элизе-Монмартр. К нашему крайнему удивлению, этот зал, представлявшийся нам слишком большим, потому что мы никак не рассчитывали, что народ повалит толпами, вдруг оказался тесным. Здесь собралась вся советская колония Парижа с женами и детьми. И довольно много студентов, изучающих русский. Но что самое удивительное, сюда пришли и обычные зрители, быть может, привлеченные русским именем на афише. Мы так никогда и не узнаем, кто они, но, судя по аплодисментам, концерт им понравился».

В.Высоцкий в пятигорском интервью: «…прием мало чем отличался от того, что здесь. И знаете почему? Я думаю, конечно,

нервов больше было — первый раз в чужой аудитории, да еще я узнал, что мало понимают. Но, например, на некоторые вещи была реакция намного сильнее, чем здесь, в Москве. Знаете, нет пророка в своем отечестве… Москвичи знают, что я всегда тут, под боком, что можно пойти в театр, услышать, увидеть, тем более что у нас есть новый спектакль, где я пою, называется «В поисках себя». А там они знали, что, может быть, никогда больше не придется послушать, и в благодарность они просто демонстрацию мне устроили за исполнение некоторых вещей. За то, что я перед ними трачусь… они же не знают языка, вот эти 600 человек, а я с ними общаюсь, как будто бы они полностью все понимают, что я для них пою».

Марина Влади: «Я поднимаюсь на сцену вместе с тобой и попадаю в пятно света, пока читаю французский перевод твоих песен. Потом мое световое пятно исчезает, и видно только тебя. Меня всю трясет. Я страшно волнуюсь за тебя… Ты играешь, не жалея сил, и, когда после многочисленных исполнений на бис ты скрываешься за кулисами, у тебя в кровь сбиты пальцы».

Даниэль Ольбрыхский: «Он преодолел это… Еще раз. Но какой ценой… Я был при этом, видел.

Марина, стоявшая в глубине сцены, за ансамблем, переводила публике тексты песен, которые пел Володя. Я и ее сын Петька знаем: Марина сегодня не столько взволнована, сколько издергана. Да и мы тоже».

Михаил Шемякин:«… Этот концерт был как раз в тот день, когда погиб Саша Галич. Володя был после большого запоя, его с трудом привезли… Никогда не забуду — он пел, а я видел, как ему плохо! Я и сам еле держался, буквально приполз на этот концерт — и Володя видел меня. Он пел, и у него на пальцах надорвалась кожа… Кровь брызгала на гитару, а он продолжал играть и петь. И Володя все-таки довёл концерт до конца. Причем блестяще!»

Марк Цыбульский: «15 декабря 1977 года, в день этого концерта Высоцкого, погиб Александр Галич. На похоронах его Высоцкий не был. Вероятно, не из-за того, что опасался, — в конце концов, встречался же он за границей со многими эмигрантами. Просто не любил бывать на похоронах, в чем сам признавался, да и отношения между ним и Галичем не сложились… Фотографии же, сделанные на похоронах Галича, привез в Москву его дочери, о чем та с благодарностью вспоминала».

«По-над пропастью, по самому по краю…»

Я коней напою,
я куплет допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю…
<1972>

Однажды Владимир Высоцкий был на грани жизни и смерти публично — это было в Марселе, во время спектакля «Гамлет». Все, кто видел или участвовал в спектакле, запомнили этот вечер…

Но вначале — предыстория этого легендарного и трагического спектакля.

Из дневника Валерия Золотухина:

«07.12.1977

Сегодня мы открываемся в Марселе. «10 дней». Любопытно, что будет с Высоцким. Хочется, чтоб он сыграл, чтоб он дотянул, а там пусть как знает… Вряд ли он станет тянуть лямку в театре дальше: игра сыграна, Европа «Гамлета» увидела, история пишется.

08.12.1977

В консульстве — семейный прием. Хорошо. Знакомые напитки и горячие сосиски. Володя

пил джин с тоником. Марина в 13–00 уехала. Сможет ли он сегодня, а в особенности завтра играть? Игорь Бычков нехорошо обмолвился: «Надо бы вашего шефа один раз приложить хорошенько. В Союзе — это одно, а здесь — замена «Гамлета»…»

Иван Бортник: «В Марселе… был единственный свободный день, который мы с Вовкой решили использовать, чтобы как-то расслабиться, и тут случился скандал. Мы были на каком-то банкете. Налили там по полрюмки, и вдруг шеф (Юрий Петрович Любимов. — В.П.) встал да как закричит: «Прекратите пить! Немедленно! Завтра «Гамлет»!» А вокруг французы… Володя побелел, вскочил: «Ваня, пошли!» И мы ушли. Пошли в порт. Продолжили там, разумеется. Вовка стал приставать к неграм, которые там в какие-то фишки играли. Он начал подсказывать: «Не туда ходишь, падла!» Хватал их за руки. Я понял, что это уже чревато и оттащил его. Мы выходим на площадь перед портом. Она абсолютно пустынна. И вдруг останавливается машина и из нее вылезает шеф. Как он нас нашел? Ведь не знали Марселя ни

он, ни мы. Но вот интуиция… Нас привели, развели по номерам… Слава Богу, все обошлось, и Володя замечательно отыграл спектакль».

Иван Сергеевич не мог не понимать, чем может кончиться это намерение «как-то расслабиться…» Вадим Иванович Туманов: «Володя с Ваней дружили, когда пили… Иван мог быстро остановиться, а Володя нет. Я ему наговорил тогда — после смерти. Но теперь винить никого нельзя…»

Юрий Петрович Любимов несколько раз вспоминал о марсельском «Гамлете». В первый раз — на вечере памяти Высоцкого в далеком уже 1982 году.

«О Гамлете что я могу сказать. <…> Были случаи, когда он играл ее (эту роль) совершенно необыкновенно. А один раз, с моей точки зрения, он играл ее гениально — в Марселе. Он пропал. Волею судеб я его ночью нашел. Врачи сказали, что ему играть нельзя. Он сказал, что играть будет. Дежурил врач. Ведь никто не заставлял. Володя сказал: «Я своим долгом считаю — играть». А врач боялся, что у него не выдержит сердце. Во время спектакля я актеров предупредил, что если что-нибудь случится и надо будет укол сделать, то они скажут: «Где Гамлет? Гамлет там. Сейчас он будет к вам доставлен». То есть мы придумали какую-то схему на случай, если нужно будет сделать укол за кулисами… Играл непередаваемо. Совершенно».

На мой вопрос о марсельском «Гамлете» Юрий Петрович ответил так: «…Он просто ощутил эту последнюю грань… Владимир был в очень плохом физическом состоянии, ему было очень тяжело играть. Он играл сдержанно, глубоко и мудро — это было замечательное исполнение. Правда, за кулисами стоял врач и был приготовлен текст… Если Владимиру нужен будет укол и его не будет на сцене, то выйдет Король — Смехов и спросит: «Где Гамлет?» Прибегут Розенкранц и Гйльденстерн и скажут: «Сейчас найдем…», — чтобы заполнить паузу. К счастью, этого не пришлось делать…»

Более подробно Юрий Петрович рассказал об этом спектакле в интервью израильской газете «Новости недели». В Марселе Высоцкий неожиданно запил. Любимов, узнав об этом, отправился его искать и нашел поздней ночью, по его собственному выражению, «на бровях». Утром состояние Высоцкого было таково, что приглашенные врачи сказали: играть Высоцкий сможет только в том случае, если всю ответственность возьмет на себя и подпишет соответствующую бумагу.

«Я Володе сказал: «Конечно, отменять «Гамлета» — это дело очень и очень нехорошее для театра, для тебя, для меня. Но здоровье твое дороже, поэтому я считаю, что завтрашний

спектакль надо отменить». Володя подумал и говорит: «Юрий Петрович, я завтра сыграю». И подписал бумагу. И сыграл на такой высоте, как никогда не играл. Сил у него уже не было таких, запой сказался, поэтому он играл сухо, без вольтажей и прочих штук — божественно играл он. Никогда он так не играл, и его партнеры сразу заметили его состояние, и публика заметила, что совершается что-то необычное».

С мнением Любимова согласны и участники того спектакля.

Алла Демидова: «В 1977 году на гастролях в Марселе Володя загулял, запил, пропал. Искали его всю ночь по городу, на рассвете нашли. Прилетела из Парижа Марина. Она одна имела власть над ним. Он спал в своем номере до вечернего «Гамлета», а мы репетировали новый вариант спектакля на случай, если Высоцкий во время спектакля не сможет выйти на сцену, если случится непоправимое. Спектакль начался. Так гениально Володя не играл эту роль никогда — ни до, ни после. Это уже было состояние не «вдоль обрыва по-над пропастью», а — по тонкому льду через пропасть…»

Вениамин Смехов: «…За кулисами — французские врачи в цветных халатах. Жестокий режим, безмерные страдания больного Высоцкого. Уколы, контроль, нескрываемая мука в глазах. Мы трясемся, шепчем молитвы — за его здоровье, чтобы выжил, чтобы выдержал эту нагрузку. Врачи поражены: человека надо госпитализировать, а не на сцену выпускать… Когда все было позади, Любимов сообщил «господам артистам»: «Такого «Гамлета» я ни разу не видел».

Виталий Шаповалов: «У Володи вот такая штука была. Не знаю, чем это объяснить, но он каждый раз недоигрывал последнего «Гамлета» <…> Так, в Марселе он еле доиграл последнего. Пропал. Вызвали Марину из Парижа. Любимов и Боровский ездили по Марселю на машине и искали. Нашли. Он такой больной ходил, что врач стоял за кулисами со шприцем. Врач был одет в костюм той эпохи — в свитере, в таких же сапогах — в стилизованной одежде. И ждал: если Володя упадет, потеряет сознание, то должен был выйти этот человек, взять его на руки и сказать: «У принца легкий обморок». И как хотите играйте, заполняйте паузу, пока ему сделают укол, — вот такая была установка. Упадет — забирайте, Стае, ты его уноси: «У принца легкий обморок». И играйте что-нибудь другое — импровизируйте что хотите. И вот Володя останавливается — пауза. Он играет, играет, играет — а у него же все время волны эмоциональные, а этот всплеск — он же отнимает и последние силы. Пройдет эта волна — и опять слабость. Он пережидал. Володя доиграл, но кое-как».

И снова Вениамин Смехов: «Это одно из самых сильных впечатлений. Это действительно было очень сильно, но более всего это было страшно. Был последний день гастролей. Если бы спектакль не состоялся, нам могли бы закрыть не только границу, но и театр. В Марсель приехала Марина Влади, за кулисами были врачи. Любимов произнес потрясающий монолог, обращенный к актерам. Он говорил: что-то, что нельзя всем, может быть, можно Высоцкому, сказал какие-то поразительные слова, которые всех мобилизовали. Высоцкий задыхался, ему было плохо. Я думаю, что он действительно мог умереть. Он играл гениально, потому что играл он насмерть».

И еще одна запись в дневнике Золотухина. «23.12.1977»

…Срыв Высоцкого (в Марселе), когда Любимов назначил дежурство труппы на «Гамлете»: в случае, если ему станет плохо и врачебная помощь будет бессильна, продолжить спектакль-трагедию концертом. Кажется, такого в практике театра (драматического за границей) не случалось… Впрочем, вспомним слова шефа (Любимова. — В.П.у. «Париж видел все». Ночью по Марселю шеф с Пьером (и с Мариной. — В.П.) ловили его… Сам же довел его (Высоцкого. — В.П.), хотел отправить на машине с приема у мадам издательницы. Володька: «Я для вас не меньше сделал. Я поеду без вас куда захочу…» и т. д. «Баньку» мы с ним вопили, как и прежде, но кому мы нужны были? Вообще, было ли это в моей жизни: Марсель? Леон? Париж?..»

Вот что надо отметить в заключение. Итак, Любимов и Боровский начинают искать Высоцкого в Марселе. Немедленно прилетает из Парижа Марина с сыном и вместе с ними всю ночь ищет В.В. по всем кафе и ресторанам Марселя, который она, конечно, знала лучше, чем они. На следующий день — «Гамлет». Свидетельство Аллы Демидовой: «Он был бледен как полотно. В интервалах между своими сценами прибегал в мою гримерку, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала это. Володя тогда мог умереть каждую секунду…»

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому
по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю…
Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман
глотаю, —
Чую с гибельным восторгом: пропадаю,
пропадаю!

<1972>

«Я жив, тобой и Господом храним…»

Если где-то в чужой, неспокойной ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю -
Не таись, не молчи, до меня докричи, -
Я твой голос услышу, узнаю!
<1974>

В психологии есть такое понятие «значимые другие». Это люди, которые своим существованием рядом предостерегают, удерживают, а иногда — спасают. Эти «другие» — особенно близкие и любимые — для человека одна из немногих причин труднее жить…

«Я думаю, когда Володя писал: «Двенадцать лет тобой и Господом храним…» — это была правда. Потому что я была этому свидетельницей. Он умирал у меня на руках, когда ему было тридцать лет, и он дожил до сорока двух… А двенадцать лет — это очень много! Это самый зрелый, самый насыщенный период в жизни, между тридцатью и сорока годами. Это время, когда человек полон сил и энергии, время богатства мыслей» (Марина Влади в фильме Юлии Абдуловой).

Почему же происходили эти срывы — «уходы в пике»? Приведем мнения друзей Высоцкого по этому поводу.

Валерий Янклович: «Постоянное напряжение-До такой степени напряжение, что уже чувствовал: вот-вот начнется. Эта струна натянутая должна была лопнуть, или наступала разрядка… Я же видел — вначале подливал себе немного коньяка в чай, а потом начиналось… Когда «уходил в пике», становился жутким, неуправляемым. Кода болезнь вступала в свои права, становилось страшно. А когда Володя выходил — чувствовал себя виноватым…»

Владимир Шехтман: «Дела накапливались, накапливались… И вот наступал день, когда он должен был быть одновременно в семи местах. «А пропади оно все пропадом!» — говорил Володя и уходил в штопор. У Севы Абдулова вначале была такая теория: «Володя должен выпить «свое», а потом он сам остановится». Вероятно, вначале все было именно так, но к концу семидесятых ситуация изменилась…»

А как это происходило, первой рассказала Марина Влади, — «Ты заказываешь мне пантагрюэльские ужины, ты зовешь кучу

приятелей, тебе хочется, чтобы в доме всегда было много народу. Весь вечер ты суетишься возле гостей и буквально спаиваешь их. У тебя блестят глаза, ты смотришь, как кто-нибудь пьет, с почти болезненной сосредоточенностью. На третий или четвертый день почти непрерывного застолья, наливая гостям водки, ты начинаешь нюхать ее с видом гурмана. И вот ты уже пригубил стакан. Ты говоришь: «Только попробовать». Мы оба знаем, что пролог окончен.

Начинается трагедия. После одного-двух дней легкого опьянения, когда ты стараешься во что бы то ни стало меня убедить, что можешь пить как все, что стаканчик-другой не повредит, что ведь ты же не болен, — дом пустеет. Нет больше ни гостей, ни праздников. Очень скоро исчезаешь и ты…»

Геннадий Полока рассказывал мне, как они с Мариной искали Высоцкого во время очередного исчезновения. Как нашли в какой-то квартире: пустые бутылки и остатки закуски. Все друзья-собутыльники уже разошлись, оставив В.В. одного. Как они с Мариной пытались привести его в чувство, как везли домой на такси…

Марина Влади часто задавала себе и своему мужу этот вопрос: «Я же вижу, да и ты сам чувствуешь, что начинается очередной приступ. Почему не разбить эту проклятую бутылку, когда еще не поздно?»

Ответ будет ясно сформулирован годами позже: «Потому что я уже пьян, до того как выпью. Потому что меня заносит. Потому что на самом деле я болен. Это обычно случается, когда ты уезжаешь из Москвы, Марина, особенно, когда ты уезжаешь надолго».

……..
Ну пожалуйста, не уезжай
Насовсем! Постарайся вернуться!
Осторожно, не резко бокалы сближай —
Разобьются!

Рассвело. Стало ясно: уйдешь по росе,
Вижу я, что не можешь иначе.
Почему лишь в конце длинных рельс и шоссе
Гнезда вьют эти птицы удачи?

Но, пожалуйста, не уезжай
Насовсем — постарайся вернуться!
Осторожно, не резко бокалы сближай —
Разобьются!

Не сожгу кораблей, не гореть и мостам!
И дождусь возвращенья!
Но мне так бы хотелось, чтоб здесь, а не там
Обитало твое вдохновенье!

Ты, пожалуйста, не уезжай
Насовсем! Постарайся вернуться!
Осторожно, не резко бокалы сближай —
Разобьются!

<1972>

Евгений Канчуков: «Ситуация в это время объективно сложилась так, что М.Влади оказалась для него чуть ли не единственным близким и родным человеком. И мудрено ли, что именно к ней он бросался всякий раз, когда нужно было перевести дух в гонке, глотнуть свежего воздуха да и просто отдохнуть. Поэтому и любовь в начале 1970-х по-прежнему остается для него универсальным выходом из любой ситуации, своеобразным кругом света, ограждающим от внешних невзгод, последним убежищем, где он еще может себе позволить расслабиться хоть на время».

Свидетельств и воспоминаний о том, как Марина буквально спасала Высоцкого, достаточно много, но вначале взгляд, а точнее, анализ ситуации Михаила Шемякина: «Она пыталась перенести на русского мужа свое трезвое — во всех смыслах — отношение к жизни. И считала, что именно рациональность, настойчивость, сильный характер ограждали Высоцкого от более раннего ухода. А он, умом понимая, где и кто его спасение, душой рвался в Большой Каретный».

Марина Влади: «Как только ты исчезаешь, в Москве я или за границей, начинается охота, я «беру след». Если ты не уехал из города, я нахожу тебя в несколько часов. Я знаю все дорожки, которые ведут к тебе. Друзья помогают мне, потому что знают: время — наш враг, надо торопиться. Если на беду я приезжаю лишь несколько дней спустя и у тебя было время улететь на самолете или уплыть на корабле, поиски усложняются…»

Ганна Ганевская, художник по костюмам: «Ну, он был не в форме, это так. Пил, не мог остановиться, и пришлось нам вызвать Марину из Парижа. Она была единственным человеком на свете, имеющим на него влияние, оказывающим немедленное воздействие. Марина тотчас же прилетела, бросив все свои дела. И принялась выручать его и, значит, нас. Увозила его на чью-то

дачу, кажется, Ивана Дыховичного, точно не помню. Приводила его всеми известными ей способами в норму и сообщала нам, когда мы можем присылать за ним машину. Если ей иной раз это не удавалось, она, человек дисциплинированный и умеющий держать слово, сообщала нам о неудаче, и мы, увы, отменяли съемки. Если бы не Марина…»

Елена Садовникова, врач-психиатр: «Мы познакомились с Володей в 1969 году при довольно грустных обстоятельствах. Я заведовала отделением в Институте скорой помощи им. Склифосовского и по своему профилю консультировала всех, кто попадал в реанимацию. Володя находился в очень тяжелом состоянии: у него был тромбоз мелких вен предплечий, шалило сердце. Он то приходил в себя, то сознание его вновь сужалось. Ему нельзя было двигаться, резко подниматься, а он нервничал, торопился поскорее выписаться из больницы.

В то время мне был знаком только его голос — я услышала, как он поет, в 1966 году и была потрясена. Фотографий его тогда еще не было, и я, конечно, не знала, кто этот пациент, к которому меня подвели. По профессиональной привычке спросила, знают ли родные, что он здесь.

— Мама знает… — услышала я в ответ.

— А жена?

— Жена в Париже.

Нина Максимовна, мать Володи, попросила меня поговорить с Мариной Влади. Я прекрасно помнила ее по «Колдунье» и была поражена, что такая знаменитая, красивая актриса и обаятельная женщина выбрала Высоцкого. Для меня это явилось своего рода знамением.

Она позвонила из Парижа рано утром, и я услышала чудесный мелодичный голос, великолепную русскую речь, а в голосе — страдание, боль, любовь, тревогу:

— Елена Давыдовна, если нужно что-то из лекарств, я немедленно вышлю, а если вы считаете необходимым, я тут же вылетаю…»

Александр Митта: «А у нее свои заботы: она актриса, талантливая, в расцвете, но продюсеры боятся с ней работать. Они составляют сложные контракты, а Марина отказывается их заключать. Она мотается из Москвы в Париж, из Парижа в Москву по первому намеку, что у Володи что-то не так, бросает все, детей под мышку и сюда. Очень сложная жизнь. И надо было сделать так, чтобы все эти сложности таились только в ней, чтобы они не были никому заметны, чтобы для Володи было лишь успокоение, только окружить его заботой. Большая, серьезная, напряженная, полная самоотречения жизнь. У Марины было много творческих

предложений, от которых она отказывалась. Володя был для нее главным, и мы все очень обязаны ее самоотверженности, ее доброте, ее мужеству».

Очередной срочный прилет Марины из Парижа. Вспоминает Давид Карапетян: «Самолет прилетел по расписанию: долго ждать Марину не пришлось. Давно уже не видел я ее настроенной столь решительно. В разговоре выяснилось, что Володя в очередной раз сорвал ей серьезный контракт и теперь придется снова платить неустойку. Чтобы как-то выправить финансовый крен, Марине недавно даже пришлось рекламировать мыло.

— Еще одна такая реклама в журнале, и ни один уважающий себя режиссер не захочет иметь со мной дело. Все. Он меня постоянно предает, причем в самые неподходящие моменты. Я сделала все, что смогла. Пора спасать свою шкуру, — твердила она в порыве откровенности. <…>

Телефон зазвонил только в девятом часу вечера. Это был югославский режиссер В.Павлович, снявший фильм «Единственная дорога» с участием Высоцкого. Оказалось, что Володя находится у него в гостиничном номере и просит Марину приехать. Через полчаса мы были в «Белграде». Мужчины успели уже основательно набраться, что подтверждала блаженная улыбка на физиономии полностью расслабившегося Володи. На столе красовались остатки нехитрого пиршества — апельсины, початые бутылки, гора окурков. Рядом с ними сидела какая-то девица, тут же начавшая любезничать с Мариной. Самообладание Марины восхищало. Она тактично поддерживала беседу, ничем не выдавая своего душевного состояния.

Такое же миролюбие она проявила и на обратном пути, сидя на заднем сиденье рядом с ничего не подозревающим Володей. Мне это затишье казалось предвестником надвигающейся грозы.

Едва мы зашли домой, Володя направился в спальню и, не раздеваясь, улёгся на кровать. Марина последовала за ним. Я же, куря сигарету за сигаретой, потерянно слонялся по кухне. Тишина в спальне становилась зловещей. «Тем сильнее грянет буря!» — тоскливо подумал я и решил спешно ретироваться. Приблизившись к отворенным дверям спальни, я, огорошенный, застыл. То, что я увидел, было форменным издевательством над здравым смыслом, но триумфом женской логики. Наклонясь к тихо лежавшему Володе, Марина нежно касалась ладонями его лица. Это походило на кадр из старомодной мелодрамы, кадр, выстроенный самым непредсказуемым постановщиком — жизнью».

Михаил Шемякин: «Я знаю, что Володя всегда был благодарен Марине за то, что она действительно сначала спасала

его от алкоголя, а потом — конечно, безуспешно — пыталась бороться… с его пристрастием к морфию. Таким образом, он пытался как-то себя поддерживать для того, чтобы работать. Но это, конечно, его убивало. И для Марины, и для всех нас это была большая трагедия. Я в своем первом некрологе сказал, что мы все должны быть благодарны Марине за то, что 12 лет она спасала его для нас, для творчества и для России…»

И закончим словами Марины:

«Без меня он бы умер в тридцать лет. И кто скажет, что это неправда, — я тому просто по морде дам!»

«Кто-то высмотрел плод…»

Книга пишется тогда, когда нужно,
чтобы она была написана. В год Володиной смерти
я не могла ее написать, было слишком тяжело.
Только через пять лет мне показалось,
что настал момент, чтобы все расставить
на свои места.
Марина Влади

Сейчас Марина Влади — известная писательница. Совсем недавно два ее романа были переведены на русский язык Юлией Абдуловой и вышли в Москве в издательстве «Время». Но для нас главным ее произведением безусловно является книга о Владимире Высоцком. Впервые о том, что во Франции (октябрь 1987 года) вышла эта книга, в Советском Союзе узнали из репортажа корреспондента ТАСС в Париже Юрия Королева:

«Во Франции у творчества Высоцкого немало поклонников. В этом мне еще раз пришлось убедиться, когда в парижском книжном магазине «Глоб» М.Влади подписывала экземпляры своей книги. К столу, за которым сидела актриса, выстроилась большая очередь читателей, какую редко увидишь даже на встречах с маститыми французскими литераторами.

Новая книга построена в форме писем, которые М.Влади адресует Высоцкому. В них прослежена вся их совместная жизнь на протяжении более чем 12 лет, начиная с приезда актрисы в Москву в 1967 году на пятый Международный кинофестиваль, где она познакомилась с Высоцким, вплоть до смерти поэта».

Толчком к написанию этой книги стала дружба Марины Влади с Симоной Синьоре. «1984 год. 22 сентября. Я читаю Симоне главу из тисненного золотом издания ее книги «Тоска уже не та», где она пишет о России. Ее глаза мерцают, как слепые звезды. И вдруг она говорит мне:

— Ты должна писать…

24 сентября.

..Я принесла несколько листочков и робко читаю их Симоне. Она говорит:

— Продолжай.

25 сентября. Мы потихоньку прогуливаемся перед домом, Симона начинает снова:

— Ты должна писать.

Вечером она выкуривает последнюю сигарету:

— Дорогая моя, пиши о Володе…»

И Владимир Высоцкий часто говорил жене: «Ты должна писать. Когда-то ты будешь писать, я уверен. Ты мне пишешь такие письма… У тебя есть литературный дар». Она отвечала: «Ты знаешь, я и пою, и снимаюсь, и играю в театре… Хватит». Но в восемьдесят пятом году решила, что надо рассказать правду о Володе. О том, как они жили, что он пережил, почему умер в сорок два года…

Артур Макаров: «Почему Марина не написала воспоминания, просто воспоминания о Владимире Высоцком, а выбрала эпистолярный жанр? Ведь книга написана в форме «писем к мужу» — она обращается к Володе, как к живому».

«Вероятно, потому что в этом жанре автор чувствует себя свободнее, раскованнее… И главное, он не связан обязанностью мемуариста — стараться быть как можно более точным. А еще надо отметить, что эпистолярный жанр достаточно традиционен для Франции. Вспомним хотя бы знаменитые «Письма» мадам де Савиньи. Кроме того, в шестидесятых годах вышла книга воспоминаний о Жераре Филипе, которая была написана его вдовой — в форме писем к мужу». (Сообщение Беатрис Пикон — автора предисловия к биографии Ю.ПЛюбимова.)

В этом жанре письма пишутся конкретному лицу, но адресуются они — вечности. Конечно, для историков литературы и биографов «чистые» воспоминания были бы полезнее, но и книга Марины во многих отношениях, по выражению Натальи Крымовой, «надежный источник».

Марина Влади: «Я не говорю, что обладаю всей правдой. Напротив, считаю, что все могут рассказывать о Володе, даже судить… Но некоторые люди просто не имеют оснований этого делать: у них с Володей не было ни дружбы, ни настоящего общения…»

Итак, в октябре 1987 года в парижском издательстве «Fayard» выходит на французском языке книга Марины Влади. Сразу же переводы отрывков и глав из нее появляются в различных

периодических изданиях нашей страны. Об алкоголе и наркотиках в этих публикациях только упоминается, но все знают, что такие главы в книге есть.

«Переводы в газетах и журналах были ужасными! — возмущалась Марина. — Какой-то деревянный язык… А потом был монтаж… Переводчики брали отрывки из разных частей

книги, склеивали, и получалось нечто совсем не похожее на то, что написала я. Монтаж меняет весь смысл. И я ничего не могла с этим сделать! Хотела подать в суд, но мне сказали, что это невозможно… В Союзе все позволено, потому что нет защиты авторских прав. Я же никому не давала права на эти переводы, потому что не хотела, чтобы люди читали отрывки. Особенность этой книги: ее надо прочитать всю сразу, целиком».

Первый отзыв принадлежит корреспонденту ТАСС в Париже Юрию Королеву: «Книга М.Влади неоднозначна. С рядом ее высказываний (главным образом политического характера) трудно согласиться. Что представляет несомненную ценность книги, так это приведенные в ней малоизвестные факты из биографии Высоцкого, относящиеся как к его жизни и работе в Москве, так и к многочисленным поездкам по всему миру. Рассказ актрисы вызывает большой интерес и потому, что М.Влади часто пишет о событиях, никому, кроме нее, не известных».

О первой реакции в России на выход книги и событиях, сопутствовавших этому, подробно говорится в моей книге «Владимир Высоцкий.

Правда смертного часа. Посмертная судьба». Вот как это происходило в 1988 году.

В январе Марина Влади приезжает на празднование пятидесятилетия со дня рождения Владимира Высоцкого. Она привозит в Москву несколько экземпляров своей книги. Дарит их Белле Ахмадулиной, Вадиму Туманову, Всеволоду Абдулову и Раисе Горбачевой (с которой познакомилась в Париже во время визита во Францию генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева). Кстати, в Париже между Мариной и Раисой Максимовной состоялся разговор о судьбе творческого наследия Высоцкого. Горбачева сказала: «Если оно того достойно, то мы будем его издавать».

К этому времени друзья Высоцкого уже знают, что Марина собирается переводить свою книгу на русский язык. Они знают и о тех главах, которые у нас еще не публиковались… Они уговаривают ее выбросить или исправить какие-то вещи.

Г.Антимоний: «Мы ей стали говорить: зачем ты пишешь про водку, про наркотики — все это можно убрать. Она ответила: «Ничего я убирать не стану. Во Франции я получаю много писем из народа, и никто на это не обращает внимания».

Артур Макаров: «Марина, ты что же это написала?! Володя — алкоголик, наркоман…

И она всю ночь нам переводила свою книгу, только две главы не успела… Там же совсем другой смысл. Это же письма к Володе,

Марина откровенно обращается к нему как к мужу».

Валерий Янклович: «И вот всю ночь Марина переводила нам книгу… И мы поняли, что ее книга не воспоминания, а художественное произведение. И этим Марина защищена».

Вероятно, под влиянием этих разговоров и из-за некачественных переводов опубликованных в Союзе глав, по ее словам, «вырванных из контекста, безобразных и ужасных», она поступает следующим образом. Из договора о переводе с издательством «Прогресс» вычеркивает строки о возможных изменениях. «Если пьяный наборщик Петров выронит две строчки шрифта, то может исказить смысл целой сцены, — сказала она, — а издательство будет платить громадную неустойку» (Юлия Абдулова, переводчик книги на русский язык).

Марина Влади: «Ни одного серьезного сокращения в русском издании нет. Мы с Юлей Абдуловой сняли буквально несколько строк: что такое ОВИР (Отдел виз и разрешений), что такое Совмин (Совет Министров СССР)… Французам это надо было объяснять, но всем советским людям эти слова понятны. Я согласилась убрать два четверостишия, которые могли не понравиться китайцам… Странно, ведь эти песни знают все! Во Франции эти два стиха были напечатаны, потому что сама песня очень смешная. А здесь — нет. Но для меня это не очень важно».

В одном из интервью Марина объяснила, почему она выбрала в переводчики своей книги Юлию Абдулову: «Потому что Юлю я знаю с детства. Мне нужен переводчик-единомышленник, хорошо знающий Володю. Юля знала и любила Высоцкого, поэтому смогла проникнуть в его мир, в наш мир. Кроме того, у молодых есть «священный огонь», и всем молодым следует давать шанс. А еще Юля переводчик-профессионал».

Юлия Абдулова: «Она дала мне книгу на ночь и сказала: «Если книга тебе понравится, она выйдет на русском. Чужому человеку я перевод не доверю». Книга носит очень личный характер. Это письма, обращенные к Владимиру Высоцкому, но в то же время эта книга — явление общественное, это фиксация значительного периода времени. В ней личностная оценка времени и событий, пропущенных через себя, эмоции и чувства, вызванные временем, событиями и встречами».

Естественно, родители Высоцкого тоже читают публикации, более того, знакомая семьи переводит им всю книгу. И родители стали реагировать…

Н.М.Высоцкая: «…она же не понимает, что это другая страна, что здесь живут Володины дети и внуки, и всю эту грязь переведут на все языки мира».

С.В.Высоцкий: «Она же продукт капиталистического

общества. Написала в своей книге, что Володя пил, что использовал перед концертами какие-то стимуляторы… Она не понимает, что у нас это не принято. Ей сенсация нужна! Если это и было, то не в таких количествах, как она пишет».

Книга Марины была быстро переведена, еще быстрее напечатана и вышла в свет в начале 1989 года. Все ждали публичной реакции родных, а это означало бы громкий скандал.

Людмила Абрамова, вторая жена Высоцкого, мать его сыновей Аркадия и Никиты: «Ведь если Семён Владимирович будет отвечать… на него обрушится гораздо худшее. Достойнее промолчать. Пусть люди и время рассудят. Он думал, что военными заслугами и тем, что он отец Высоцкого, он защищен. Наоборот!»

И Семен Владимирович решил не отвечать. За него это сделали внуки. На пресс-конференции Никита Высоцкий заявил, что подает в суд на Марину Влади за оскорбление деда и матери. Но подавалось ли исковое заявление — неизвестно.

Марина Влади ответила так: «Может быть, я обидела, даже оскорбила пять человек в своей книге, но я помогла жить многим людям, которые нашли в ней надежду. Они поняли: если человека поддерживают понимание и любовь, то можно бороться — даже в самых жестоких обстоятельствах… Можно преодолеть, хотя бы на время, эти ужасные проблемы, — алкоголь и наркотики. Вся наша жизнь с Володей была переплетена с этой трагедией.

Хотя я совсем не думаю, что слишком много говорила об этом. Только чтобы было понятно, в чем дело. Я все же надеюсь, что сделала больше хорошего, чем плохого, когда написала эту книгу… Повторяю, это не биография, не дневник. Совсем нет. Это мое свидетельство. Наверное, не единственное и не уникальное, просто мое… Это двенадцать лет нашей жизни, и ничего другого в этой книге нет».

Людмила Абрамова, автор книги «Факты его биографии»: «Я стараюсь документально, точно вспомнить тогдашнюю жизнь. Погрузиться в ту жизнь… Я претендую только на документальную мемуаристику, а Марина написала художественное произведение. Это роман».

Что касается реакции сыновей В.В., то тут трудно отделить оценки книги от непростых отношений, которые сложились у них с Мариной Влади. Широко известны слова Никиты Высоцкого: «Я не судья Марине. У нее был шанс пройти посередине. Если бы она прошла по этой грани, то огромного количества грязи, сплетен, откровенной неправды об отце удалось бы избежать… В этой книге много информации, которую Марина узнала из рассказов… Я думаю… Марина писала для западного читателя, у нее была

задача — открыть Высоцкого Западу. И эту задачу книга выполнила. А здесь она открыла шлюзы для «желтой» информации.

Дело не в том, что мне не хотелось бы, чтобы люди знали, что отец пил. В нашей стране пьет каждый второй. А Высоцкий — один. Надо писать не о том, чем он похож на остальных, а о том, чем он отличался…»

В июле 2005 года Никита Высоцкий в передаче радиостанции «Эхо Москвы» еще раз высказался на эту тему: «Книга Марины — это абсолютно некоммерческий проект. Хотя она выдержала безумные тиражи. Если хотите, книга Марины написана слезами и кровью… Как бы я к ней ни относился — Марина против Владимира Семеновича не погрешила.

Наша семья, мои близкие были задеты какими-то несправедливыми характеристиками, но это взаимоотношения Марины и нашей семьи… А не отношения Марины и отца — там она чиста абсолютно».

Аркадий Высоцкий, который в замечательном фильме Гюнтера Котте «Дорогой Володя» призвал всех помолчать некоторое время о В.В., а в 1993 году обещал написать об отце, когда улягутся страсти, о книге высказался таю «Многое из того, что написано Влади, необъективно, жестоко по отношению к ныне живущим людям. Вообще, на мой взгляд, выступать с подобными оценками и трактовками, описывать жизнь известного человека довольно некрасиво».

Приведем отзыв Валерия Золотухина (10.11.97): «По дороге к Мертвому морю читал я, наконец-то, книгу Марины. Без зависти и без особого интереса. Никакая это не художественная проза, чистой воды мемуаристика, причем, естественно, женская, лирическая и пр. Но как свидетельство пусть субъективного, но близкого и любимого. Но о близком и любимом — безусловно, замечательно».

Наталья Анатольевна Крымова в интервью на мой вопрос: «Ваше отношение к книге Марины Влади?» — ответила:

— Совершенно спокойное. Она человек честный, через многое ей пришлось пройти, и многое было под секретом. Она очень буквально и точно описала то, что ей довелось пережить.

Еще один оригинальный отзыв. Известная писательница Виктория Токарева: «Марина воздала всем своим обидчикам, главному герою в том числе. Я убеждена: все, что написано в книге, — правда. Высоцкий был алкоголик и наркоман. Но зачем нам это знать? Для нас — русских людей — это Спартак, который вел рабов к свободе… Но вообще книга Марины Влади — это образец высокой бульварной литературы. Художественной

ценности она не представляет, однако оторваться невозможно. Я чуть не опоздала на поезд…»

Сама Марина Влади так говорила о своей книге: «Моя книга не исторический труд, не дневник, а чисто литературное произведение. В общем, все факты правдивы, но я иногда объединяла события… В противном случае пришлось бы писать тысячу страниц. Я бы могла это сделать про такого человека, но это физически невозможно».

2005 год. В интервью Борису Пастернаку, генеральному директору издательства «Время», Марина сказала: «Я перечитала недавно «Владимира». Писать я стала лучше. Тогда писала, можно сказать, девочка, а сейчас пишет старая баба. А умение выплеснуть этот заряд у меня осталось. Каждая моя книга — это как хороший удар кулаком».

Закончим словами Петра Солдатенкова: «…В сегодняшнем мире сенсаций об известных людях книга Марины Влади — это маленький шедевр, изящный и скромный. Просто это сказка о любви заморской принцессы и парня из московского двора».

«Я жду письма, я жду письма…»

И вот я жду письма, я жду письма, я жду письма,
Мне все про тебя интересно,
Но ты знаешь сама, знаешь сама, знаешь сама,
А вот что напишешь — это неизвестно…

Одна из загадок биографии Высоцкого — судьба его переписки с Мариной Влади. Что касается писем Высоцкого к Марине — тут все ясно: они хранились в Париже, в архиве М.В., за исключением десяти писем, которые погибли при пожаре в ленинградской гостинице.

Все эти письма были написаны в период с 1967 по 1978 год. В последние годы Высоцкий писал письма очень редко.

В.Янклович: «Телефон во многом снял проблему общения».

Н.М.Высоцкая: «Письма писал очень редко: «Зачем писать, если можно позвонить?!» Помню его какой-то звенящий голос издалека: «Мамочка, мы с Мариной в Марокко! Сегодня ходили по базару, тут все медное».

Так вот о трагической судьбе десяти писем Высоцкого к Марине Влади. В.Янклович: «Самые, по ее мнению, «главные» письма Марина всегда носила с собой, и именно они сгорели при пожаре в гостинице «Ленинград», во время съемок фильма «Роман императрицы» (сценарий этого фильма специально для Марины написал Артур Макаров. — В.П.).

И сама Марина чуть не погибла… «На съемках в Петербурге произошло с Мариной Влади то страшное приключение, о котором трудно забыть и ей, и ее друзьям, и свидетелям этого случая. Многие знают, что в 1991 году, именно в один из дней пребывания там актрисы, горела гостиница «Ленинград». Во время пожара Марина не растерялась. Она закрылась наглухо в своем номере, намочив водой простыни, затолкала их в дверные щели и стала из окна звать на помощь. Когда подоспели пожарные, оказалось, что до ее окна не хватает высоты лестницы. «Гореть я не буду!» — сказала эта решительная женщина и прыгнула из окна на лестницу, вниз. А это было немалое расстояние, которое могло стоить ей жизни… Мы не можем не вспомнить еще раз о примере такого мужества» (А.Блинова).

А вокруг писем Марины к Высоцкому было много вопросов, споров, недоразумений и обвинений. Дело в том, что большая часть этих писем при загадочных обстоятельствах исчезла из квартиры на Малой Грузинской.

В ночь с 25 на 26 июля 1980 года в квартире Высоцкого оставались Марина и Нина Максимовна. В три часа ночи Марина звонит Валерию Янклови-чу и просит срочно приехать на Малую Грузинскую.

«Я приезжаю и понимаю, что у них произошел серьезный разговор… Марина меня спрашивает:

«Валера, ты не видел моих писем? Я не могу их найти». Я ответил, что не видел».

Значит, письма в архиве В.В. были (архив из ящиков стенки в гостиной был перенесен в кабинет, только на следующий день он будет перевезен к брату Бабека Серуша, иранского бизнесмена, хорошего знакомого В.В., Борзу. Потом архив будет храниться у Давида Боровского). Но куда же делись все письма Марины? Или большая их часть?

Очень эмоционально написала об этом Марина Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет»: «Исчезло около полутора тысяч моих писем, которые безусловно грешили преувеличенной влюбленной восторженностью, так же как и сотни телеграмм — голубых бабочек нашей жизни, летевших к тебе со всех концов света, чтобы поддержать, успокоить, рассказать тебе о моей любви».

Нина Максимовна Высоцкая: «Про письма Марины… Это меня буквально убило! Я отдала ей все письма, которые были в квартире, у меня не было и нет ее писем».

Несколько раз в интервью Марина Влади говорит, что какие-то люди шантажировали ее… Якобы у них имеются ее письма к Высоцкому, которые могут каким-то образом ее скомпрометировать: «Мы опубликуем ваши письма, а там такое…» Но кто эти люди, как письма попали в ним и где они сейчас находятся, до сих пор точно неизвестно.

Валерий Янклович: «Я вспомнил, что часть рукописей, довольно большую пачку, Володя передал ребятам, с которыми я делал «двухтомник». Мне вернуть они отказались, потом с ними разговаривали Марина и Сева. Они пообещали вернуть, но сказали, что отдадут только Любимову… В конце концов они вернули часть того, что у них было. Потом Семен Владимирович Высоцкий говорил мне, что остальное они отдали ему, а он передал в ЦГАЛИ». Но, разумеется, писем Марины этим «ребятам» Высоцкий не передавал…

Часть писем хранится у Ксении Ярмольник (тогда Оксаны Афанасьевой): «Володя мне сказал: «Вот возьми и делай что хочешь». Целый конверт с письмами Марины. Я их не читала, они мне не нужны, я могу их отдать».

Когда я встречался с Мариной Влади в гример-ке театра

Розовского в марте 1989 года, я уже знал об этом. Предстояла пресс-конференция, посвященная выходу ее книги «Владимир, или Прерванный полет» на русском языке. А накануне состоялись похороны скульптора Геннадия Распо-пова, которому Марина заказывала скульптуру «Высоцкий — Гамлет», установленную во внутреннем дворике Театра на Таганке. Марина была подавлена, хотя еще не представляла, что произойдет на пресс-конференции. Я сказал ей о желании Ксении вернуть письма. Отреагировала она очень коротко. Обращаясь к ВЛнкловичу, сказала: «Валера, ты представляешь, наконец «всплыли» мои письма». А когда я предложил опубликовать ее переписку с Высоцким, ответила: «Это можно сделать, но нужна очень большая работа по подбору самого важного и интересного. И, конечно, необходимо, чтобы полностью были представлены обе стороны: его письма и мои ответы. Володя был, в общем, сдержанным человеком. Но, между прочим, в них есть первые — самые первые — варианты многих его песен. А, кроме того, он знал, что его письма читают… А мои письма, наоборот, ужасно несдержанные. Я понимаю, что публикация наших писем была бы очень интересной, но пока это не входит в мои планы».

Отвечая Эльдару Рязанову на такой же вопрос, Марина сказала: «Тут есть одна большая сложность — все мои письма исчезли. Все Володины письма, естественно, у меня дома. Но мои письма исчезли. Когда Володя умер, многие вещи, к сожалению, исчезли из дома. Среди них — мои письма. Они всплывают иногда… Бывает, что мы покупаем пачки моих писем».

Через год она уточняет свою позицию по поводу писем В.В.: «Письма я когда-нибудь сдам в ЦГАЛИ. Пусть публикуют после моей смерти…»

Судьба писем Владимира Высоцкого окончательно определилась в начале 2005 года. Марина решила передать весь свой архив Российскому государственному архиву литературы и искусства. Приводим фрагменты интервью директора РГАЛИ Татьяны Горяевой корреспонденту газеты «Известия»:

«Откуда вы узнали о решении Влади?

Спасибо дочери актера Всеволода Абдулова, он был другом Высоцкого. Юлия и Марина остались подругами.

А как она встретила вас в своем доме в Мэзон-Лаффите?

Здесь слезы тоже были. У Марины до того состоялся с Юлей предварительный разговор. Договорились так: если «этот человек», то есть я, вызывает у Юли доверие, тогда пусть приезжает. Признаюсь, не ожидала увидеть такую Марину. Знаменитая, звезда, а лицо ничем не «приправлено», божественно сложена, осанка юношеская. Поразила меня искренностью,

быстрыми переливами настроения. Славянская натура — переменчивая, безоглядная, широкая. Талантлива во всем. Издала несколько книг, к сожалению, на русский не переведены. Живет одна, сыновья отделились и отдалились. Сестры лежат на русском кладбище в Женевьев-де-Буа.

Письма были приготовлены?

В гостиной на столе стоял кованый сундучок. Едва она прикоснулась к крышке, открыла, как ее просто заколотило. Потом мы перенесли из кабинета еще два, выгребли на тот же стол новые пакеты, в которых все было разложено по годам — его письма, ее, телеграммы.

Фотографии?

Не одна сотня! Очень живые, непосредственные, сама снимала. Они вдвоем, с родными и знакомыми, с ее красавцами-мальчишками и — Володя, Володя… Она комментировала: Америка, Мексика, Венеция, Лейпциг, на «Грузии» в свадебном путешествии. Горько улыбнувшись, показала снимок своего подмосковного дачного домика в Пахре: «Только-только выстроили, прожить-то в нем успели несколько дней. А после Володи… бульдозером снесли». Похвастала прелестной собственной фотографией: «Как выгляжу? Ничего? Между прочим, это когда уже троих родила»

Кого вспоминала?

Очень сердечно — круг друзей, круг общения и необъятный — слушателей, зрителей, тех, кто нуждался в Высоцком, в его таланте. С ужасом — власть: «Как они нас ненавидели, сколько мы вытерпели!» Не простила гибели Володи.

Считает власть виновной?

Как считать! Ненависть тоже убивает: измывательство с визами, допросы в ОВИРе — зачем вы туда ездите? А отказ в поездке на похороны любимой сестры Марины! Добавьте цензуру, сорванные концерты, страхи. Сказал же однажды Высоцкий: «Без свободы я умираю». Я так разволновалась от всего увиденного, что задала Марине достаточно нелепый вопрос: «И это нам?» Она залихватски, от плеча махнула рукой: о чем, мол, речь! Отдала все-все, без счета.

Объяснила, почему отдает письма?

Очень лаконично: «Для детей моих это — чужое, я не вечна. Значит, должны быть там, где их поймут и сберегут». Но при расставании стало невыносимо тяжело.

Может быть, ей послужит утешением признательность, которую вызвал в Москве этот мужественный поступок.

Возникла и техническая проблема: как переправить огромную сумку, мы в нее утрамбовали содержимое всех трех сундучков.

Марина пообещала снарядить в Россию сына, я ждать не хотела и взялась увезти сама. Она согласилась не без опасений. Да и я прекрасно понимала, что сдавать сумку в багаж ни в коем случае нельзя, везла с собой как ручную кладь. Ехала в аэропорт — дрожала, летела — дрожала. Тут еще погода перед отлетом разбушевалась, налетел ураган, наш самолет поднялся в воздух последним. Ночью по телефону успокаивала Марину: сумка — вот она, стоит у меня в спальне, рядом с кроватью.

С фондом кто-то уже работает?

Первичной обработкой занята руководитель Центра комплектования Лариса Бабаева — даты, адреса, от кого, кому. Кроме нее, никто еще не читал писем. Потом они уйдут в отдел научного описания, там выверят хронологию, имена, сделают ссылки, комментарий. И напишут на описи и экране компьютера: «Фонд закрыт». Марина поставила условие: при ее жизни он открыт не будет. А ведь архив — хранитель и исполнитель воли наследника».

И первый комментарий Никиты Высоцкого, директора музея В.Высоцкого: «По поводу переписки. Недавно представители Марины передали часть ее писем к отцу в РГАЛИ с распоряжением: пока она жива, не публиковать. Поэтому думаю, что в ближайшее время это не будет опубликовано, и не знаю, стоит ли, и хорошо ли, чтобы это было опубликовано. Мне кажется, что в жизни любого человека есть зона, которая ни для кого. Даже для людей, которые его любят и, казалось бы, хотят о нем все узнать и имеют право… Но мне кажется, что есть зоны, в которые вторгаться, в том числе и в отцовскую жизнь, совершенно не нужно. Что касается отношений с Мариной, по временам мы к ней обращаемся, она нас консультирует, отвечает на вопросы наших специалистов. Марина с 1998 года не была в Москве. И мои отношения с ней — иногда мы переписываемся, потому что есть общие дела. Она отвечает, но, на мой взгляд, эти отношения нельзя характеризовать иначе как деловые отношения. Что у музея, что у меня с Мариной. Хотелось бы, конечно, чтобы они были более глубокими, содержательными».

«Слова, строченьки милые, слова…»

Главное, я написала о том, как Володя
работал, как он творил…
Марина Влади

Конечно, творчество — это тайна, и «тайна сия велика есть». А тайна поэзии не ограничивается известным определением: «наилучшие слова в наилучшем порядке»

Творчество — это и дар, и ответственность перед даром… Но это и счастье, высшее счастье — «все сущее в один творящий миг».

Еще это и дар тому, кто был рядом, кто переживал эти счастливые мгновения вместе с творцом. Марина Влади пишет об этом в своей книге, и это действительно лучшие страницы.

«Из двадцати четырех часов слишком коротких для тебя суток три-четыре часа ты проводишь за рабочим столом. Особенно ночью. <…> И вот в тишине ночи ты ласково гладишь меня по щеке, чтобы разбудить. У тебя покраснели глаза и от выкуренных сигарет немного сел голос. Ты читаешь мне стихи — и это одна из самых полных минут нашей жизни, сопричастность, глубокое единение. Это твой высший дар мне. Когда я спрашиваю, откуда это, что вызывает в тебе настоятельную потребность написать на бумаге слова в точно определенном порядке, иногда без единого исправления, — ты не можешь ответить. Видно, тебе и самому это не особенно понятно. «Так выходит — вот и все». И добавляешь: «Иногда это трудно, знаешь…»

Высоцкий, естественно, и сам рассказывал «о творческом процессе»: «Очень трудно объяснить, как пишутся песни. Я не считаю, что пишу песни. Я пишу стихи, придумывая на них мелодию. Это доя того, чтобы еще больше усилить впечатление от стихов… Я всегда пытаюсь придумывать такие мелодии, чтобы они не мешали слушать смысл. А как я пишу?! <…>

Иногда… стихотворение крутится у тебя в голове месяц. Ты все время с ним живешь. Оставляешь, забываешь. Потом оно возвращается. Ты начинаешь работать. Садишься за стол и пишешь 15–20 минут — все уже готово! А рифмовать — это не так сложно…

…Песня «Охота на волков» меня замучила. Мне по ночам снился припев «идет охота на волков, идет охота». Хотя я еще не знал, про что буду писать».

На вопрос Владимира Шехтмана: «А вот как ты пишешь? Как

у тебя это получается?» — Высоцкий ответил: «Ты понимаешь, иногда одна строка вертится в голове, жужжит, как муха… Иногда неделю, иногда целый месяц… А потом сажусь за стол и пишу — бывает такое ощущение, будто кто-то водит моей рукой».

Марина Влади, — «Были тексты, которые очень долго не материализовывались, он про них думал. Я чувствовала, как они рождаются… Вдруг он вставал ночью и стоя писал там на бумажке какие-то обрывки, и из этого рождалась песня через какое-то время. Ему нужно было написать то, что у него в голове было. Я всегда была первый зритель или слушатель. Он очень любил, когда работал, чтобы я лежала на диване, около стола. Я засыпала, конечно. Он меня будил, пел. Я снова спала… Но это чисто внешнее наблюдение, в чем же заключалась внутренняя пружина творчества, я объяснить не могу».

Хорошо известно, что Высоцкий часто работал над песнями с гитарой. У Вадима Ивановича Туманова хранится кассета, на которой Высоцкий пробует разные ритмы, много раз повторяя одну и ту же строку: «Ты — дока, но и я не прост…» В пятигорском интервью на мой вопрос: «А когда появилась гитара?» — Высоцкий ответил: «Гитара появилась так: вдруг я однажды услышал магнитофон, тогда они совсем плохие были, магнитофоны; сейчас-то мы просто в отличном положении, сейчас появилась аппаратура и отечественная и оттуда — хорошего качества! А тогда я вдруг услышал приятный голос, удивительные по тем временам мелодии и стихи, которые я уже знал, — это был Булат. И вдруг я понял, что впечатление от стихов можно усилить музыкальным инструментом и мелодией. Я попробовал это сделать сразу, тут же брал гитару, когда у меня появлялась строка. И если это не ложилось на этот ритм, я тут же менял ритм и увидел, что даже работать это помогает, то есть даже сочинять — с гитарой…

Я специально делаю упрощенные ритмы и мелодии, чтобы это входило сразу моим зрителям не только в уши, но и в души, чтобы ничто не мешало: мелодия не мешала воспринимать текст, а самое главное — то, что я хотел сказать».

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

<1971>

Марина Влади: «Иногда мелодия влечет за собой слово. Тогда мы не спим, потому что ты беспрерывно наигрываешь один и тот

же мотив, упорно повторяя слова до тех пор, пока они не подладятся друг к другу и не станут песней. Как чувствительная пленка, ты записываешь эмоции, накапливаешь высказывания. Ты питаешь свое вдохновение пережитыми событиями, ничего не оставляя в стороне. Любая тема вызывает в один прекрасный день стихотворение: война, спорт, лагеря, болезнь, любовь, смерть…»

Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вздохе
Но на запад, на запад ползет батальон,
Чтобы солнце взошло на востоке.

Животом — по грязи… Дышим смрадом болот,
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвёмся на запад!

Руки, ноги — на месте ли, нет ли?
Как на свадьбе росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли —
На себя! От себя!

<1972>

В.Высоцкий: «Я пишу очень много песен на военную тему. Буду это делать до тех пор, пока живу, потому что это вечная тема, она никуда не уйдет. Мы дети военных лет. Война коснулась всех, у всех в семьях есть погибшие.

Люди, которые находятся за шаг или полшага до смерти, всегда интересны и всегда были предметами искусства».

Подробнее на эту тему В.В. высказался на другом концерте: «Война близка всем нам, всем нашим людям. Потом, война всегда будет волновать поэтов и писателей — вообще художников. И, конечно, самое главное, что я беру людей для своих песен — даже если это люди обычные — всегда в необычной ситуации: на грани риска, на грани подвига, на грани смерти. А в войну, вы знаете, в каждую секунду можно было заглянуть в лицо смерти. И поэтому я беру людей и темы оттуда и пишу их как человек, который как бы довоевывает… С чувством если не вины, то досады, что я сам не мог быть там».

Юрий Карякин, философ и литературовед, автор знаменитой статьи «По чьей вине», — о способности Высоцкого так мощно пережить войну:

«Дело в том, что мое поколение, не говоря уж о поколении Высоцкого, считало себя обделенным тем, что не воевало. И когда

я, скажем, учился в университете, то мальчики, вернувшиеся с фронта, казались другой нацией, были другим племенем. Потом уже как-то время перемешало нас, но все равно та недодача так и осталась чертой поколения. Только мы все мучились этим разжиженно, расплывчато, несобранно, страдали, завидовали тайно и явно, а он… Он как художник кристаллизовал наши чувства.

А чисто по-человечески — это был мужской поступок. Володя понял неосознанно, что, не погибнув там, он не состоится как человек и художник. Это был сон, доведенный до уровня события! Что хотите, но у мужика должно быть ощущение: ну хорошо, повздыхай по поводу трех мушкетеров, повздыхай по поводу Остапа и Анд-рия в «Тарасе Бульбе», но хоть раз поступи! У него, в конце концов, все песни стали поступками. Но их бы не было вовсе, если бы он не погиб на войне».

Я кругом и навечно
виноват перед теми,
С кем сегодня встречаться
я почел бы за честь.
И хотя мы живыми
до конца долетели,
Жжет нас память и мучает совесть,
у кого, у кого она есть.

1975

Марина Влади: «Иногда ты просыпаешься, шепча бессвязные слова, встаешь с постели, и я вижу, как ты стоишь раздетый, переминаясь с ноги на ногу на холодном полу, вырисовываясь в бледном проеме окна словно одноногая цапля. Ты долго остаешься в такой позе, пишешь на всем, что тебе попадает под руку, потом холодный как льдышка ныряешь под одеяло, а утром мы вместе разбираем скачущие строчки. А бывает, что ты, кажется, задремал, но по тому, как ты ворочаешься с боку на бок, я понимаю, что сейчас ты начнешь говорить. Ты лежишь с закрытыми глазами и едва успеваешь скороговоркой описывать все, что мелькает в твоем воображении, — цветные картины с шумами, запахами и множеством персонажей, характер и внешность которых тебе удается передать в нескольких словах. Мы называем это «снами наяву». Обычно они предшествуют большому стихотворению, в котором почти всегда речь идет о России».

……..

В синем небе, колокольнями проколотом,
Медный колокол, медный колокол
То ль возрадовался, то ли осерчал…
Купола в России кроют чистым золотом —
Чтобы чаще Господь замечал.

<1975>

Об одной замечательной работе Высоцкого, сделанной не без влияния Марины Влади, вспоминает Всеволод Абдулов: «Алиса в стране чудес» — детище Герасимова, он был педагогом Школы-студии МХАТ. Вначале он предложил сыграть в этом спектакле мне. И я сразу подумал: «Надо, чтобы Высоцкий написал песни…» Володя отказался: «Это что-то детское». Потом приехала Марина, и мы объединились. Она говорила Володе: «Это же любимейшее произведение детей всего мира!» В конце концов мы его убедили. Работа шла целых два года — со скрипом, с диким трудом…»

Аргументы Марины были убедительны еще и потому, что она когда-то во Франции участвовала в радиопостановке по этой книге… «Кроме того, это была лекция о мировом значении Льюиса Кэрролла, о предрассудках, мешающих восприятию классики… Марина Влади выказала здравый смысл… И Высоцкий погрузился в чужеземную сказку…» (Наталья Крымова).

Владимир Новиков: «Началась запись для «Алисы». Досочинил несколько песен в срочном порядке, выматывая жилы. И когда все сложилось вместе, он эту работу полюбил. Бывает и такое: едешь на чьем-то буксире, а потом так разгонишься… Теперь он себя чувствует автором этого спектакля не меньшим, чем Кэрролл и Герасимов. И ему небезразлично, кто и как там будет петь. Попугая и Орленка Эда он зарезервировал для себя. Кэрролла споет Сева Абдулов. Долго искали Алису — наконец нашли Клару Румянову, ту, которая заяц в мультфильме «Ну, погоди!». Вещь получается ни на что не похожая: английская эксцентричность полностью прижилась на русско-советской почве: «Много неясного в странной стране…»

На одном из концертов Высоцкий рассказывал: «Я работал для пластинки «Алиса в Стране чудес». Правда, получилось не совсем для детей. На этой пластинке есть продолжение биографии Попугая. Оказалось, что он пират, плавал на пиратских судах. Я с этим Попугаем знаком, на самом деле его знаю… Я в Одессе познакомился с попугаем, который разговаривал на всех языках мира. Ругался он невероятно. Иногда на непонятных языках. Например, на старофранцузском, как выяснилось».

Послушайте все — О-го-го! Э-ге-гей! —
Меня, Попугая, пирата морей!
……..
Давали мне кофе, какао, еду,
Чтоб я их приветствовал: «Хау ду ю ду!»
Но я повторял от зари до зари:
«Карамба!», «Коррида!» и «Черт побери!»

<1973>

Владимир Новиков: «…Наконец выходит «Алиса в Стране чудес», аккурат ко дню рождения старшего сына. С чувством законной гордости приносит Аркаше и Никите сигнальный экземпляр. Имя Высоцкого обозначено на конверте в подзаголовке вместе с переводчицей Н. Демуровой, автором инсценировки О. Герасимовым и композитором Е. Геворгяном. Пара фраз о нем сказана в предисловии. Текстовые потери сравнительно невелики, удалось все-таки выйти к детской аудитории. А в новогодней «Литературной газете» на полученный подарок успевает отреагировать Белла Ахмадулина: «И как бы обновив в себе мое давнее детство, я снова предаюсь обаянию старой сказки, и помог мне в этом автор слов и мелодии песен к ней Владимир Высоцкий».

Еще об одной грани творчества Высоцкого вспоминает Софья Милькина — второй режиссер фильма Михаила Швейцера «Бегство мистера Мак-Кинли». Швейцер предложил В.В. написать баллады к фильму по прозаическим наброскам подстрочникам, которые были в сценарии. Через десять дней Высоцкий принес и спел готовые баллады, которые поразили и Швейцера, и Милькину:

«Так что же такое Высоцкий? Что же это за потрясающее моцартианство?! Что же это за такая художническая переимчивость, когда из сухой бумажной схемы извлекается истинный ее нерв и с такой легкостью, с таким восторгом (это же чувствуется!) воплощается в такую изумительную форму!

<…>

Да, что еще было потрясающе, его уважение к чужому творчеству, которое он принял в руки, — оно восхитительно. Он не упустил ни одной строчки подстрочника, ни одного тезиса задания, он их реализовал все абсолютно! Швейцер говорит — лишнее, а Володя отвечает: а вот, так было задано — и он прав. Работа была выполнена с удивительной честностью, добросовестностью и, я бы сказала, с детской наивностью. И как это совместилось с яркой, безудержной фантазией, которой

баллады просто блещут, для меня загадка. Мне стало ясно: передо мной Моцарт…»

И в заключение фрагмент баллады «Прерванный полет», которую Владимир Высоцкий написал специально для кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли».

Ни единою буквой не лгу —
Он был чистого слога слуга,
Он писал ей стихи на снегу…
К сожалению, тают снега!

Но тогда ещё был снегопад
И свобода писать на снегу.
И большие снежинки, и град
Он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до…

<1973>

«Мелодии мои попроще гамм…»

Мой черный человек в костюме сером!..
Он был министром, домуправом, офицером…

У каждого человека есть «несбывшееся прошлое». В жизни Владимира Высоцкого было много несыгранных ролей — особенно в кино, несостоявшихся концертов — их иногда отменяли в последнюю минуту, незаписанных и невышедших пластинок…

Марина Влади: «Из всех неудавшихся проектов больше всего ты расстраиваешься из-за нашей совместной пластинки. После долгих дискуссий фирма «Мелодия» принимает наконец тексты и музыку двенадцати песен, которые войдут в альбом. Темы в основном лирические. Это песни о любви, о войне, о Волге…»

Причем диск должен быть двойным: две пластинки в одном конверте. Более того, на обложках — цветные фотографии Высоцкого и Марины Влади. Тогда это называлось «двойной альбом». Но для того чтобы получить разрешение на запись, нужно получить «визу» Министерства культуры, вероятно, именно там было получено первое «добро».

А о том, как «пробивала» этот диск Марина на фирме звукозаписи «Мелодия», вспоминает Людмила Гурченко: «Володин голос и внешность для меня долго существовали отдельно. До того дня, как я увидела его вместе с Мариной. Они были на фирме «Мелодия». Богиня экрана обаятельно, де-лово, с напором доказывала, что нужно выпустить «гран-диск Волёди». «Мариночка, Мариночка», — останавливал ее Володя своим чудным голосом. Да, действительно, Володя был другим — красивым, высоким, и неземная Марина не казалась рядом с ним большой, затмевающей».

До записи в студии были домашние репетиции. Рассказывает Виталий Шаповалов — актер Театра на Таганке и профессиональный музыкант:

«Однажды Володя предлагает:

— Шапен (театральное прозвище Виталия Шаповалова. — В.П.), давай поедем ко мне. Вы с Се-вой Абдуловым поаккомпанируете Марине, а я послушаю. Я когда аккомпанирую сам, не могу оценить, как там Марина поет — правильно или неправильно. <…>

Повез к себе на машине, отдельная квартира — не помню где.

Сели с Севой аккомпанировать. Марина начинает петь «Беду», Володя сидит на пуфике как-то по-татарски, скрестив ноги, — по-восточному сидит, слушает.

Марина поет, и вот в этом месте: «…а за острые края задержалася…» — никак не может правильно взять верхнюю ноту.

Подумали: может, тональность неудобная? Проверили и так, и эдак — вроде все нормально, ниже она не берет. Я объясняю:

— Марина, я прошу прощения, но здесь нужно взять дыхание и выйти спокойненько на эту нотку. Вот в этом месте надо взять дыхание. Понятно?

<…>

Марина запела и опять сбилась в том же месте. Я говорю:

— Марина, надо взять дыхание, и на опоре (с опорой на диафрагму) выйти на эту ноту.

А Володя сидит и молчит. Ни звука! Как будто его здесь нет. Идет работа — он сидит, автор, и молчит. <…> И поразительно себя при этом ведет Марина… Я был потрясен — я впервые видел такую женщину — говорит:

— Виталичка, ты только не нервничай. Я все сделаю, я сейчас возьму дыхание — только умоляю тебя, ты не переживай…

А Володя сидит, хохочет: ему смешно, что Шапен так раздухарился. Но со стороны слышит: Шапен прав — вот именно, возьми дыхание и возьми верхнюю ноту…»

Об атмосфере, которая была в студии во время записи, вспоминал Игорь Вагин, звукорежиссер фирмы «Мелодия»: «Записывали диск «История любви» (вероятно, ту пластинку, на которой поет Высоцкий. — В.П.). Марина… на диванчике сидела. Ноги мне ее запомнились: такие красивые, в тончайшие чулки затянуты. Очень элегантно у нее получалось почесывать одну ножку другой. Я так понял, что у них тогда самая любовь была. Представляешь, моль огромная откуда-то вылетела и прямой наводкой к Влади. Высоцкий так ретиво ее от насекомого спасал, что даже аппарат наш снес, «Штуцер-37»…

О самом процессе записи — в книге Марины Влади: «Мы записываем пластинку в большой аудитории (студии. — В.П.). В противоположность кино, здесь времени даром не теряют. В три захода дело сделано. Записывают целиком, без монтажа. Это очень тяжело, и ты срываешься, когда я ошибаюсь. Но мне и правда трудно: во-первых, петь по-русски, во-вторых, без остановок, и к тому же я очень волнуюсь, когда пою твои песни у тебя на глазах. <…>

Охрипшая, измотанная, на последнем нервном пределе, я все-таки записываю все песни в положенное время. Я этим здорово горжусь, особенно после того, как музыканты стали аплодировать

мне, стуча смычками по скрипкам, как это принято на концертах классической музыки. Ты доволен и записываешь свою сторону с ходу и в отличном настроении. Наша пластинка наконец готова. Звукооператоры тут же микшируют звук. Нас фотографируют на конверт».

О том, как проходила съемка, рассказывал известный фотохудожник Валерий Плотников: «…фирма грамзаписи «Мелодия» решилась выпустить первый полноценный диск Владимира Высоцкого. Вернее, даже целых два диска-гиганта, как тогда говорили. Причем один диск был целиком напет самим Высоцким, а второй — Владимиром Высоцким и Мариной Влади, но песни Володя специально сочинил для нее.

Для оформления конвертов этих двух пластинок нужны были оригинальные фотографии и Высоцкого, и Марины Влади.

Я решил снять Высоцкого вживую, поющим песни с тем неистовством и напором, которые были характерны для его манеры исполнения. К счастью, к тому моменту у меня уже была аппаратура, позволяющая снимать человека в движении, в крике, в мгновении, что было совершенно необходимо для моей задумки.

И вот жарким июньским днем у меня на кухне, где я выстроил подобие павильона (потому что на тот момент своей студии у меня не было), Высоцкий в течение полутора часов исполнял свои песни, а я ловил «миг удачи» и точного попадания в образ. Окна кухни были открыты настежь, и никто во дворе не мог представить, что это поет живой голос Высоцкого, а не магнитофон. Вот так мы сделали первую съемку.

С Мариной дело обстояло сложнее. Дело в том, что Высоцкого она старательно и со вкусом одевала, но к себе относилась не так требовательно и не особенно много времени уделяла своему гардеробу, что в общем-то не мешало ей выглядеть необыкновенно очаровательной. Я же хотел сделать ее портрет для пластинки стильным и экстравагантным. Своих вещей у Марины в Москве не было, и я сказал Высоцкому, что договорюсь со Славой Зайцевым, он нам поможет. На что Володя мне ответил, что Марина отродясь в манекенщицах не ходила и в чужом сниматься не будет.

«А вот это мы еще посмотрим», — подумал я.

Как я и предполагал, Слава очаровал Марину. Вещи он специально взял с неуловимым национальным колоритом, и мы втроем уже не помню сколько часов подряд с радостью и с легкостью меняли один наряд за другим, не вспоминая о том, что Марина совсем не манекенщица. Правда, самого Володи на той съемке не было, и мы веселились от души».

С этим проектом — как принято сейчас говорить — Высоцкий и Марина связывали большие надежды:

«Мы понимаем, что если пластинка выйдет, это будет своего рода официальное признание твоего статуса автора-композитора. И потом, мы довольно скромно живем на твою актерскую зарплату, так что лишние деньги не помешают. Но самое главное — это что мы впервые работаем вместе. И все наши мечты могут осуществиться, если пластинка выйдет: гастроли, концерты, спектакли, фильмы. Да все что угодно!..»

Анатолий Бальчев (музыкант, аранжировщик, композитор) рассказывал мне: «Мы были за городом и заехали на Матвеевскую что-то взять… Начали говорить о музыке. Володя показал массу пластинок: джаз, записи классической музыки… А потом говорит:

— Вот послушай это…

И поставил свои первые записи с оркестром: «Кони привередливые», «Лирическая», «ЯК-истребитель» и другие. Он только что их записал.

Около часа мы слушали эти записи, я сразу же взял две песни в свой репертуар «Москва — Одесса», «Кони привередливые». Пластинки все не выходили, сам Высоцкий распространением, а тем более тиражированием своего творчества, естественно, не занимался… Так что тогда эти песни можно было услышать только у нас (в исполнении ансамбля А.Бальчева в ресторане «Архангельское». —В.П.). Помню, что однажды даже приезжали Высоцкий и Марина Влади… Да, я в присутствии Высоцкого пел его песни».

Еще одна важная деталь: Высоцкий считал Марину соавтором этого диска.

Давид Карапетян: «Однажды в 1974 году, услышав на Матвеевской запись песни «Белое безмолвие», я выразил автору свое искреннее восхищение.

Его ответ понравился мне не меньше самой песни:

— Да, это одна из лучших вещей, которые мы сделали.

Оказалось, он имел в виду записи для многострадального, так и не появившегося диска-гиганта фирмы «Мелодия», для которого Марина исполнила несколько стилизаций мужа. И хотя к этой песне она никакого отношения не имела, Володя великодушно назвал ее соавтором».

Владимир Шехтман вспоминает о том, как прореагировал Высоцкий на выпуск нескольких песен из этого «двойного альбома» на гибких пластинках:

«1975 год. Вся Москва слушает и поет «Кони привередливые». Володя возвращается из Франции, я встречаю его в Шереметьеве. Проезжаем Белорусский вокзал, а у лотка в лотерею

разыгрывается синяя гибкая пластинка Высоцкого. Скрипит и хрипит на всю площадь: «Что-то кони мне попались привередливые…» Эти гибкие пластинки — они же очень некачественные. Володю это просто взорвало: «Кто дал им право выпускать эту гадость?! Мы же договорились, что будет большой диск!» Все знают, что большая пластинка тогда так и не вышла».

Марина Влади: «Время идет, мы волнуемся и, устав от уклончивых ответов руководителей «Мелодии», добиваемся приема у министра культуры Демичева. Он принимает нас с улыбкой на устах, делает нам знак садиться и, сцепив свои пухленькие ручки, спрашивает, зачем мы пришли. Мы объясняем. Он берет телефонную трубку и, глядя нам прямо в глаза, говорит тоном, не допускающим возражений: «Соедините меня с директором «Мелодии»». И через минуту: «Послушай, почему до сих пор не вышла пластинка Влади и Высоцкого? Немедленно выпустить!»

Уезжаем мы довольные, но через два месяца пластинка все еще не выходит. Нам снова удается добиться приема. Мы наивно полагаем, что приказ не дошел по назначению. Впрочем, приказы никогда ни до кого и не доходили. Мы встречались с Демичевым много раз, и всегда разыгрывалась одна и та же комедия. Повелительный тон по телефону, безоговорочные приказы, шутливые сетования на трудное положение министра, которого никто не слушается, и все в том же духе…»

Владимир Высоцкий на вопрос из зала: «Записывались ли вы на пластинки?» — ответил таю «Да. К сожалению, они не выходят. Выйдут или нет — я не знаю. Лежат два больших диска, готовых к выпуску. Давно уже лежат. Я думаю, залежались. Лет шесть вместе лежат, один к одному, я думаю, уже и не расклеить. Они записаны под оркестр».

Валерий Плотников: «Прошел год, другой, а пластинки все не выпускали. Высоцкий ходил к Демичеву, тогдашнему министру культуры. Тот делал вид, что возмущен. У меня хорошие отношения были с ребятами на «Мелодии». Я подошел и спрашиваю: «В чем дело, почему пластинку Высоцкого не выпускают?» Они мне показали макет — в углу была чья-то резолюция: «До особого распоряжения». Этим особым распоряжением оказалась смерть Володи. Только тогда напечатали одну пластинку с моими же фотографиями, но снятыми по другому поводу».

Нужно добавить, что двойной диск, с пластинкой, где одну сторону занимают песни Высоцкого в исполнении Марины Влади, был выпущен только в октябре 1988 года.

В заключение приведем текст одной из песен, которую

Владимир Высоцкий написал специально для Марины Влади.

Я несла свою Беду
По весеннему по льду.
Обломился лед — душа оборвалася,
Камнем под воду пошла,
А Беда, хоть тяжела, —
А за острые края задержалася.

И Беда с того вот дня
Ищет по свету меня,
Слухи ходят вместе с ней — с Кривотолками.
А что я не умерла,
Знала голая ветла
Да еще — перепела с перепелками.

Кто ж из них сказал ему,
Господину моему,—
Только выдали меня, проболталися.
И, от страсти сам не свой,
Он отправился за мной,
А за ним — Беда с Молвой увязалися.

Он настиг меня, догнал,
Обнял, на руки поднял,
Рядом с ним в седле Беда ухмылялася…
Но остаться он не мог —
Был всего один денек,
А Беда — на вечный срок задержалася…

31 июня 1971

«Мы тоже дети страшных лет России…»

И обязательные жертвоприношенья,
Отцами нашими воспетые не раз,
Печать поставили на наше поколенье,
Лишили разума, и памяти, и глаз.

«Мешала бюрократия — эта влажная ватная стена…» (Марина Влади). В борьбе с этой «ватной стеной», конечно, союзниками были всемирная известность Марины Влади и всероссийская слава Владимира Высоцкого. Но проблемы были — их просто не могло не быть.

«Мы с Володей спорили — сколько продержится эта поганая система?.. Я говорю:

— Спорим на ящик коньяка — обязательно рухнет!

А Володя:

— Вадим, я бы тебе целую машину привез — только система устоит».

Этот спор выиграл Вадим Иванович Туманов, которого через несколько лет после смерти В.В. эта система пыталась раздавить. Туманов выстоял — рухнула система…

Вспомним известное высказывание (позиция!) В.В.: «Я не диссидент, я — поэт». Но рядом надо поставить не менее известное Хименоса: «Дайте поэту линованный лист бумаги — он будет писать поперек». Андрей Битов сказал: «Высоцкий один поднял глыбу молчания — и уже этим, разумеется, бросил вызов системе». Но социализм в его советской форме и творчество В.В. — это тема отдельного разговора. Наша задача — раскрыть тему «Высоцкий и система» или «Высоцкий и "ватная стена"» на биографическом материале…

Очень точно поняла отношение В.В. к этой самой системе гражданка США Барбара Немчик. Она описывает сцену в аэропорту Шереметьево:

«…Володя поставил машину у входа — там можно стоять десять минут. Подъехал милиционер и в свой мегафон кричит:

— Здесь нельзя ставить машину. Уберите!

Толпа людей, много иностранцев. Володя вышел, а

милиционер продолжает кричать:

— Уберите машину!

Володя — такой маленький человек — громко говорит:

— Твою мать! Здесь написано, что я имею право стоять десять минут. И ровно десять минут я буду стоять здесь!

Это была потрясающая сцена. На него все так смотрели! Особенно советские. Все как будто остолбенели. И тогда я поняла, что Володя за каждого из них это сказал… Каждый хотел бы крикнуть милиционеру:

— Твою мать! Я имею право это сделать. И я это сделаю!»

Но это уже 1980 год — к этому времени у В.В. совершенно другой, достаточно высокий общественный статус. И, разумеется, чувство собственного достоинства, которое он умел и смел отстаивать.

Прием на роскошной даче одного замминистра. На фамильярное: «Ну-ка, Володя, спой нам…» — Высоцкий реагирует резко.

Рассказывает Валерий Янклович: «У Володи каменеет лицо, и он говорит:

— Мне немедленно нужно домой!

— Володя, да ты что…

— Я же сказал, мне немедленно надо домой.

Мы сразу уехали».

Вадим Иванович Туманов вспоминает еще один достаточно красноречивый случай: «Телефонный звонок… Володя показывает мне — возьми другую трубку… Женский голос:

— Вы не могли бы дать свой сольный концерт для секретарей ЦК?

— Нет, я не располагаю временем.

Женщина чуть не поперхнулась…

— А если вам позвонит один из секретарей?

— Я же сказал: у меня нет времени…»

Но это уже, повторим, последние годы жизни. А были у Высоцкого и попытки получить официальное признание и как-то внедриться в систему.

Марина Влади: «…Твоя всенародная популярность, как бы она ни была велика, не компенсирует в твоих глазах отсутствие официального признания. Я часто удивляюсь, почему это тебя беспокоит, но ты с горечью отвечаешь:

— Они делают все, чтобы я не существовал как личность. Просто нет такого — и все».

Евгений Канчуков: «….Он был человеком, который совершенно определенно хотел превратить. ту песенную славу, которую имел, во вполне гласное общественное признание.

Вдвойне ему необходимо было это сделать, едва только он встал рядом с Мариной Влади; подобное желание вызвано естественной мужской реакцией на неравенство, в том числе и материальное, которое было между ними. И обида-то брала особенно оттого, что вожделенное признание почти уже далось ему. Ведь после «Вертикали» вышли его первые пластинки, появились первые публикации песен, пошли, наконец, достойные роли в кино, а главное-то, в 1968 году из Театра на Таганке ушел Н. губен-ко, и все его роли попали к Высоцкому, превратив его в премьера театра».

Летом 1973 года В.В. пишет письмо Демичеву П.Н., кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК КПСС. Это письмо было ответом на публикацию в газете «Советская культура» статьи М. Шлиффера «Частным порядком» и соответствующих комментариев.

«…Мне претит роль «мученика», эдакого «гонимого поэта», которую мне навязывают. Я отдаю себе отчет, что мое творчество достаточно непривычно, но так же трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей не только приемлемых, но и жизненно необходимых нашему обществу».

Позитивных последствий это письмо не имело — у В.В. до конца жизни так и не было ни одного афишного концерта в Москве, — но и газетная кампания прекратилась.

Запреты были разными — и в прямой форме «не пущать», и в знакомых выражениях: «есть мнение», «наверху считают»…

Из интервью с Эльвирой Александровной Бенкендорф — первым режиссером знаменитых «Голубых огоньков»:

— Делали мы с Нестеровой «Огонек», в котором ведущими хотели пригласить Владимира Высоцкого и Марину Влади — от жены Коли Гринько я узнала, что она должна приехать. Пошли мы к нашему начальству, главный наш начальник — Лапин — спросил только: «Вы думаете, это будет кому-то интересно?» «Да, — говорим, — думаем». — «Делайте!» Мы договорились с Высоцким — он должен был писать половину сценария. Подобрали приблизительный репертуар. Буквально за месяц приходим на окончательное утверждение плана, вдруг Лапин говорит: «А кто ведущий? Марина Влади и Высоцкий?! Какой дурак вам это разрешил?» Мне так хотелось ответить: «Этим дураком были вы». Лапин на самом деле был умный человек, но очень уж законопослушный. Он мог прийти на общее собрание, где мы что-то решили, и сказать: «Я сегодня завтракал с Леонидом Ильичем, и он мне сказал, что лучше будет, если сделать так-то и так-то». И все переворачивал с ног на голову.

А за Высоцкого и Марину Влади мне стало очень обидно и не

захотелось работать».

Галина Альферавичуте, старший гример Театра на Таганке: «Мое глубокое убеждение, что над ним издевались. Когда была картина «Бегство мистера Мак-Кинли», он написал девять баллад, а потом мне рассказывал: «Ты знаешь, я написал девять баллад, семь у меня срезали, оставили только две».

А когда делали «Кинопанораму»… Помню, были «Десять дней…», Володя меня спрашивает: «В чем мне лучше выступать? Может, в водолазке?». Уж он так готовился! Все. Отсняли. И Лапин (в то время председатель Госкомитета по телевидению и радиовещанию. — В.П.) сказал: «Так много Высоцкого?! На полтора часа? Не пойдет!»

Вадим Туманов: «Однажды приходит Володя и говорит:

— Зимянин сказал, чтобы про Трифонова и Высоцкого он вообще больше не слышал…»

Кроме того, система — это еще и незримая давящая атмосфера, которую В.В. называл «влажной ватной стеной».

Марина Влади: «Ты всегда говоришь, что на Западе люди ослеплены историями, которые публикуют газеты, то есть делами Сахарова, отказников, известных диссидентов. Но никто не знает о ежедневном изматывающем давлении на людей. Ты называешь это «борьбой против ватной стены». И самое страшное здесь — это невозможность увидеть чиновника, от которого часто зависят карьера, личная жизнь, свобода».

Мой черный человек в костюме сером!..
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун, он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

<1979 или 1980>

Одесский писатель А.Львов, давно живущий в США, вспоминает о встрече с В.В. после концерта в Нью-Йорке: «…Я дал ему книжку своих рассказов «Большое солнце Одессы» и спросил, как написать: Одесса — Москва — Нью-Йорк? Он сказал: «Нью-Йорк». И добавил: «У меня два дома — в Москве и в Париже. Книга будет у Марины». Я невольно оглянулся. Он поморщился: «Плевать мне на них (сексотов. — А.Л.)». По словам Марины, принцип поведения В.В. за границей состоял в следующем: если

ничего нельзя, то все можно».

Но было и внутреннее ощущение несвободы: «Однажды вечером в Париже мы возвращаемся после репетиции «Гамлета», которого ты должен играть через несколько дней в Шайо, и попадаем в огромную пробку. Час пик в самом разгаре. Мы застряли и уже минут двадцать стоим возле Безонского моста. Вдруг какой-то парень, явно не в себе, цепляет мотоциклиста, стаскивает его на асфальт и, словно в приступе безумия, ожесточенно набрасывается на мотоцикл. У него окровавлены руки. Он бросается на машины, бьется головой в стекла. В ярости он открывает дверцу соседней машины, вытаскивает оттуда пассажирку и начинает ее душить. Мужчины бросаются к нему, перепрыгивая через капоты, — машины стоят впритык. Ты порываешься выскочить, я повисаю на тебе и кричу:

— Не надо, ты — советский, ты не можешь быть замешан в драке!

Ты пытаешься вырваться, но уже приехала полиция, сумасшедшего связывают, и в несколько секунд все кончено.

Ты с горечью смотришь на меня:

— Даже здесь я не имею права вести себя как свободный человек!..»

С другой стороны, В.В. прекрасно понимал, «в какой стране нам повезло родиться», очень хорошо знал правила игры, которые предлагала система. В этой стране многое решалось на уровне грузчиков, носильщиков, кассиров и секретарей больших начальников, которые знали и любили Высоцкого. А в последнее время у него были хорошие связи на очень высоком уровне. Один замминистра подписывал документы на беспошлинный ввоз из-за границы автомобилей. Другой помогал в строительстве дачи. Один из руководителей московского ОВИРа способствовал быстрому оформлению выездных документов…

Каким образом В.В. выходил на этих людей? Чаще всего они сами находили его: знакомство с легендарным Высоцким было престижным и в этих кругах. Кроме того, нескольким близким людям В.В. сказал одну фразу: «Меня любят все дети». Он имел в виду детей партийной верхушки. Высоцкий был знаком с Галиной Брежневой, но никогда к ней не обращался. По свидетельству Янковича, «он оставлял эту возможность на крайний случай».

Еще одно обстоятельство: В.В. блестяще использовал слабости жесткой, негибкой системы. Ситуация, которую описывает Янклович, пожалуй, наиболее показательна: «В.В. имел право оформлять документы на выезд сразу на год — и в течение этого года он мог получать визу несколько раз… Но в ОВИРе сменилось начальство, и Высоцкому говорят:

— У нас новый начальник, и он такие вещи не разрешает.

— Тогда дайте мне телефон вашего начальника.

— Нет, я не имею права давать телефон генерала.

— Ну тогда я узнаю по своим каналам.

Приезжает домой, я прихожу из театра. Володя рассказывает мне все это…

— Валера, у меня не хватит сил снова оформлять все документы. Ну-ка набери мне ОВИР.

Я набираю номер. Володя говорит:

— Я был у генерала, он сказал, чтобы вы к нему зашли.

Я удивился:

— Володя, ты блефуешь!

— Ничего, они тоже блефуют.

И вот 21 — го или 22-го ему позвонили из ОВИРа.

— Владимир Семенович, зайдите за паспортом…

То есть он все рассчитал очень точно».

В последние годы, пожалуй, не было случая, чтобы система ставила В.В. в зависимое или униженное положение. Вот только болезнь, зависимость от людей, которые доставали наркотики. Туманов предупреждал: «Они же тебя купят таким!»

Правда, некоторые удары по самолюбию были. Сборный домик (дачу) по звонку отдали какому-то генералу. В.В. отказался принять начальник следственного отдела МВД Союза (которого ввели в заблуждение).

Реакция В.В. на внешнюю политику СССР долгое время не отличалась от реакции большинства советских граждан:

И я не отличался от невежд,
А если отличался — очень мало:
Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.

<1979 или 1980>

Марина Влади: «Из-за твоего несгибаемого патриотизма все, что хоть сколько-нибудь могло задеть образ России, причиняло тебе боль. Что касается событий в Польше, как раньше в Венгрии и Чехословакии, то здесь были и споры, и горькая критика, и осуждение. Но вот события в Афганистане вызвали в тебе отвращение. И такую боль, словно ты осознал наконец предел переносимого ужаса. Надо сказать, что документальные кадры, которые ты видел за границей по телевизору, действительно были ужасны: афганская девочка, сожженная напалмом, как маленькая вьетнамка, и лица солдат… На этот раз это были не те смущенные и растерянные лица танкистов, оккупировавших

Будапешт или Прагу. Мы узнали потом, что в Афганистане экипажи танков сменялись каждые двадцать четыре часа — столько было случаев депрессии и помешательства.

…Это будет твоей последней горестью».

28 декабря 1979 года — официальное сообщение о вводе советских войск в Афганистан, «по просьбе законного афганского правительства». Но В.В. уже знал — он только что вернулся из Парижа, — как ведется эта, тогда еще «необъявленная» война.

Вадим Туманов: «Володя буквально ворвался ко мне. Я его никогда таким разъяренным не видел!

Он даже не поздоровался — начал с мата… В Париже он видел, как показывали по телевидению ка-кую-то свадьбу в Афганистане… А буквально через несколько дней — эту невесту, обожженную напалмом… Никогда не видел его таким возмущенным:

— Совсем, суки, обнаглели!»

Через несколько дней А.Д.Сахарова высылают в Горький. В.В. снова едет к Туманову: среди всех друзей в Союзе Вадим Иванович наиболее последовательный, прошедший сталинский ГУЛАГ противник системы…

«Через несколько дней после высылки Сахарова в Горький Володя приехал ко мне и уговаривал поехать к Андрею Дмитриевичу… Говорил, что надо выступить в западной прессе…

— Надо показать всем им!

Нервы у него были на пределе. Хотя он, конечно, понимал, что все равно ничего не изменится…»

В последний год жизни на вопрос: «Володя, зачем ты смотришь эту ерунду (передачи по телевидению. —В.П.)?» — В.В. ответил: «Пропитываюсь ненавистью!»

Валерий Янклович: «Да Володя и не мог выжить в этой стране. Он не мог не начать колоться… Об этом когда-нибудь скажут психологи и социологи…»

Вадим Туманов: «Ты думаешь, эти следствия мешали ему жить? Ему портили кровь постоянно! Ему все в этой стране мешало жить».

(В 1979–1980 годах велись уголовные дела, разумеется, необоснованные, о незаконных гонорарах и об автомобильной аварии).

Марина Влади: «У Володи все-таки были проблемы с юстицией: в последний год на него было заведено три дела! Мы эти темы не очень обсуждали, тогда у нас были другие сложности… Но ведь об этом никто не говорит, как будто все было нормально!»

Евгений Канчуков: «1970-е годы — тяжелое, драматическое

время в истории нашей страны. Это время последнего, окончательного распада, абсолютной «безнадеги», как говорили тогда. У интеллигенции уже не осталось сил для сопротивления, не осталось надежд. Практически все, кто еще держался, были высланы в принудительном порядке; оставшиеся либо сдались, либо сошли с ума, либо угодили за решетку, в высылку, либо закрылись от внешнего мира в самих себе. Ум, вера, надежда — все эти опоры уже не работали, и оставалась только последняя черта, не позволявшая еще прогибаться, лукавить, терпеть все то, чего терпеть без подлости не можно. Это уже была черта инстинктивных реакций на происходившее вокруг, черта того, что впоследствии было названо коротко и емко: «нутро».

Этим временем и был призван Высоцкий. Не случайно ведь именно 1970-е годы становятся периодом его творческого подъема и небывалой популярности. Он тащил целый народ через «не могу», через «все потеряно», через «бессмысленно» и прочие вполне разумные обоснования сдачи, отречения от собственного «я», удерживая не одну душу на пороге небытия».

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

<1975>

Наталья Анатольевна Крымова поняла суть враждебного отношения к Высоцкому со стороны властей: «Высоцкий был непредсказуем и неуправляем — он был опасен».

Из ответов Марины Влади на пресс-конференции в марте 1988 года:

«Да, его не сажали в тюрьму или в психиатрическую больницу, его не били… Но его «тюкали» по-другому… Не давали работать, не печатали, в самый последний момент снимали песни из фильмов… Его ломали, как кусок хлеба, пока он и сам вправду не сломался…»

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

<1979 или 1980>

«Покарает Тот, кому служу…»

Други, — вот тебе на!
То вы знаете —
Мародерами меня
Раскопаете…

Никита Высоцкий сказал в одном из интервью: отец — хотим мы этого или не хотим — человек исторический. И все, кто пишет о Высоцком, вольно или невольно попадают в историю…

Пишущие про Высоцкого и Марину Влади — тоже… Но каким образом и какой ценой? Марина давно не бывала в России: «Жаль, конечно… Это из-за гадостей, которые писали про меня… Что я пьяница, наркоманка, сволочь и вообще не знаю кто…»

В своей книге она не пощадила тех, кто предавал Высоцкого, а значит, и ее. Не назвала имен, но все это легко расшифровывается: и приятель-электронщик, и актер-неудачник, и друг, оказавшийся предателем… Некоторых она задела-обидела несправедливо. Публично не извинилась, но признала это, так сказать, в общей форме:

«Пусть я обидела, даже оскорбила нескольких человек…»

Фаина Георгиевна Раневская после смерти своей подруги — великой Анны Андреевны Ахматовой — заметила, что ее ждет еще одна смерть — в воспоминаниях современников. Сергей Довлатов: «Конечно, у великих людей бывают друзья и приятели, но знают ли они, что рядом — гений?..»

Эльдар Рязанов: «Снимая эту четырехсерийную программу («Четыре вечера с Высоцким»), я встречался со многими друзьями и родными Высоцкого, окунулся в его окружение, и меня глубоко огорчил раздор, расстроили распри, раздирающие людей, которых Володя любил. И когда я думаю об этом, у меня перед глазами встает сам Владимир Высоцкий. Как бы он посмотрел на эту возню вокруг его имени, что бы он подумал, как бы отнесся к тому, что близкие ему люди порочат друг друга, зачастую не выбирая выражений? И как только они не могут понять, что подобными действиями играют на руку обывателям, недругам Высоцкого, оскверняя тем самым память поэта»

Высоцкий многое предчувствовал… Приведем фрагменты чернового варианта текста «Мои по-хорона»:

Что мне снится — вот те на:
Гроб среди квартиры.
На мои похорона

Съехались вампиры.

Стали речи говорить —
Всё про долголетие.
Кровь сосать решили погодить,
Вкусное — на третие.

В гроб воткнули кое-как,
Самый сильный вурдалак
Втискивал и всовывал,
Плотно утрамбовывал…
<…>
Что? Сказать чего боюсь?
А сновиденья тянутся…
Вдруг я шевельнусь, да и проснусь,
А они останутся.

Мне такая мысль страшна,
Вот совсем очнусь от сна —
И станут в руку сном мои
Близкие знакомые,
Живые, зримые, весомые,
Мои любимые знакомые.

Вдруг они уже стоят,
Жала наготове!
Очень выпить норовят
По рюмашке крови…

<1971>

В конце девяностых прошлого века, когда Марина Влади не бывала в России и у нее была «другая жизнь», она не читала ни книг, ни статей, которые ей присылали. Дмитрий Чижков, который переснимал архив Высоцкого, автор книги «Отражение» (в ней есть глава о Марине. — В.П.). «Я передал книгу со знакомым в Париж — Марине. Этот знакомый через некоторое время позвонил ей… Марина сказала: «Книгу я читать не буду. Надо было писать при жизни…»

Сейчас Марина читает многое, если не все, что пишут о Высоцком и о ней. Я знаю, что ее очень огорчила моя книга «Правда смертного часа», и думаю, что не могла не огорчить. По многим причинам — и объективным, и субъективным. Борис Мессерер: «Я прочитал Вашу книгу. Она может обидеть Марину. А

мы с ней очень дружны. Поэтому наша встреча не состоится». До этого шел разговор об интервью.

Сейчас, когда «все разрешено», прокатилась волна «повторных» воспоминаний и интервью о Высоцком и о Марине Влади. Со страстью, достойной лучшего применения, люди эти перемешивают события, в которых принимали участие сами, с тем, что кто-то когда-то им рассказал, с тем, что где-то когда-то прочли. И не следуя древнему правилу: мягче по форме, но тверже по существу — обвиняют Марину во всех смертных грехах: «дала попробовать сигаретку с марихуаной…», «я видела, как утром она потягивала сухое вино…», «скупая — экономит каждый франк…», «занималась контрабандой…» Не будем повторять их измышления и прямую ложь.

Именно этим «публикациям» дала точную оценку Людмила Абрамова: «Может быть, они стали неинтересны публике… Или уже все сказано и им нечего больше добавить и о Высоцком, и о себе… Теперь они взялись за Марину».

Наталья Белохвостикова, актриса: «И после смерти Володи есть только один судья — он сам.

Что бы он сделал после таких статей? Одному он набил бы морду, на другого посмотрел бы с презрением и ушел… Я на стороне Марины Влади. Он ее любил. И всякому ясно, что она его любимая женщина, любимая жена. Если мы любим Высоцкого, то с его чувствами надо считаться».

Единственным человеком, который подал в суд за клевету на Марину Влади, оказался Михаил Шемякин. Вот что он рассказал в интервью радиостанции «Эхо Москвы»:

«…Когда я прочел, что же я говорю о Высоцком или о Марине Влади, у меня просто волосы встали дыбом. Есть такой журналист в прошлом, сейчас писатель — Свистунов. И он написал о том, что Марина Влади посадила на иглу Володю Высоцкого. Была такая шапка: «Марина Влади посадила на иглу Высоцкого». Потом я вдруг с ужасом читаю: «Михаил Шемякин мне это сказал». У нас была такая программа: радиожурналисты вызвали его на провод прямо из Москвы, но не сообщили о том, что будет главный редактор, по-моему, Никитин, этой газеты, «Экспресс» или «Москва-Экспресс», не запомнил. Он стал говорить о том, что газета исказила его мысли, он никогда об этом не говорил. А потом вдруг включили этого главного редактора и спросили: «А что вы скажете на это? Почему ваша газета так исказила мысли такого писателя, талантливого и интересного?» И он говорит: «Я просто включаю запись его интервью». Там раздался голос этого писателя, где он говорит: «Мне Шемякин сказал то-то, то-то», как раз именно о том, что Марина Влади посадила на иглу

Высоцкого. Кончилось тем, что я его просто спросил: «Когда-нибудь, господин подлец, я мог сказать такую чушь вам?» — «Нет, вы этого не говорили», — сказал он. А почему он написал это и почему газета напечатала, я до сих пор не понимаю. Но знаю то, что сейчас Марина Влади попросила меня присоединиться, и мы будем подавать в суд на этого господина Свистунова. Так что мемуары пишут многие, и иногда, когда я читаю, я действительно или смеюсь, или хочется плакать».

Можно вспомнить знаменитый совет Фаины Георгиевны Раневской, совет актеру, который снимался в плохих фильмах: «Молодой человек, не плюйте в вечность». Иван Дыховичный очень точно заметил: Высоцкий может ответить «оттуда» и ответить очень страшно…

Я спокоен: Он мне все поведал.
«Не таись!» — велел. И я скажу:
Кто меня обидел или предал —
Покарает Тот, кому служу.
Не знаю, как ножом ли под ребро,
Или сгорит их дом и все добро,
Или сместят, сомнут, лишат свободы…
Когда? Опять не знаю — через годы
Или теперь. А может быть — уже…
Судьбу не обойти на вираже
И на кривой на вашей не объехать,
Напропалую тоже не протечь.
А я? Я — что! Спокоен я, по мне хоть
Побей вас камни, град или картечь.

<1979>

«Я когда-то умру…»

Пусть жизнь не всегда права и часто жестока, но она продолжается. Говорят: «Время — лучший лекарь».

Впервые о том, что у Марины Влади есть новый спутник жизни, в России узнали в 1993 году из интервью корреспонденту «Российской газеты» Виталию Дымарскому:

«Вас, наверное, интересует моя личная жизнь? Нет никакого секрета. Я живу с достойным человеком — профессором Леоном Шварценбергом, который известен в Европе как крупнейший онколог» В.Дымарский добавляет: «…Профессор вел себя максимально корректно: никогда не упрекал Марину в том, что в доме портрет ее русского мужа, что часто она ставила пластинки с записями Высоцкого и перечитывала его письма».

Потом телезрители увидели профессора в передаче «Парижские тайны Эльдара Рязанова», посвященной Марине Влади:

«Мы (съемочная группа Э.Рязанова. — В.П.) звоним в калитку. Открывает сама Марина. Мы входим на лужайку перед красивым двухэтажным домом. Прыгают, гавкая, три дружелюбных пса. Здороваемся с хозяйкой, обмениваемся приветствиями. <…>

В это время с улицы на лужайку вошел невысокий пожилой человек с портфелем в руках. Проходя мимо нас, он поклонился. Марина остановила его и стала нас знакомить. Мы поняли, что это ее муж, знаменитый доктор, онколог, бывший министр здравоохранения, отважный общественный деятель. Нам как обывателям, конечно, было интересно поглазеть, кого выбрала Марина Влади после Высоцкого. Она, верно, тоже это почувствовала и отрекомендовала его весьма странно: «Это мой компаньон жизни Леон Шварценберг… Знаменитый онколог, с которым я живу уже несколько лет…»

О том, какие драматические события предшествовали этому браку, рассказывает Юлия Абдулова в телевизионном фильме «Это моя правда»: «Когда Марина вернулась домой после похорон Володи, она просто перестала жить. Она говорила тогда, что ей не хватило мужества, смелости, чтобы покончить жизнь самоубийством. Мне кажется, что наоборот — хватило мужества жить… Она осталась в этом неотапливаемом доме. С занавешенными окнами — было абсолютно темно — она лежала одетая в постели и не открывала глаза. И когда она вспоминала, что произошло, она снова пыталась заснуть… Просто ждала смерти. Ну, может быть… Как-нибудь, но без ее участия. Ведь если она не будет хотеть жить — ведь она умрет как-нибудь…

Она лежала и умирала».

Мишель Канн: «Она ведь не приходила в себя два года после его смерти… Если бы не старания Леона Шварценберга… который и вытащил ее из этой депрессии, то…»

Юлия Абдулова: «Но был домашний доктор — онколог, самый лучший онколог Франции. Потом он становится политическим деятелем, министром здравоохранения… И он уговаривает Марину, что жизнь имеет ценность сама по себе… Он ведет себя как настоящий, потрясающий, профессиональный доктор, который объясняет Марине, что даже час, день, месяц, год жизни — это очень важно. Потому что человеческую жизнь нужно ценить».

Эльдар Рязанов «на правах давнего знакомства» задал «щекотливый вопрос» о новом спутнике жизни Марины Влади: «Вы понимаете, что я имею в виду…»

«Конечно, понимаю. И совершенно спокойно отвечу на ваш невысказанный вопрос… Когда я осталась без Володи, мне было сорок два года. Жизнь продолжалась, я ведь не умерла. И через какое-то время, то есть через три года, я встретила человека, который совершенно другой. Он старше меня на пятнадцать лет, он полюбил меня и смог помочь мне — я ведь пережила ужасную трагедию, потеряв Володю. Леон дал мне возможность жить и работать и чувствовать себя нормальной женщиной.

Когда Володя умер, я снималась в фильме, который назывался «Сильна, как смерть», по Мопассану. Я улетела на два дня в Москву на похороны, а потом продолжались съемки.

Я стала работать, как сумасшедшая. Все, что мне предлагали, я брала, брала, брала. Но так получилось, что я встретила этого человека, именно этого. Думаю, что никто другой не мог бы мне так помочь. Леон известный врач, профессор-онколог, но он еще и общественный деятель. Очень много работает в области социальных проблем. Он был министром здравоохранения Франции. Занимается политикой. Он — личность. И я очень горжусь тем, что я рядом с ним. <…> Он очень храбрый. Считаю, что, живя с человеком таких высоких моральных качеств, я не оскорбляю Володю. Наоборот!»

После смерти Леона Шварценберга (в октябре 2003 года) из сообщений различных информационных агентств и в России узнали, какой замечательной личностью был этот человек.

Леон Шварценберг родился 2 декабря 1923 года в Париже. В годы второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления. Два его младших брата, также участники движения, были арестованы и погибли в концлагере Маутхаузен.

Медицинскую карьеру Шварценберг сочетал с политической

деятельностью. Вместе с ним Марина Влади участвовала в манифестациях в защиту обездоленных, бомжей, иммигрантов-нелегалов.

Марина Влади: «Я всю жизнь была и буду борцом за права людей. Лет с 15-ти я участвовала в манифестациях против войны в Алжире. Я была «крестной» движения матерей за мир. Мы помогали движению солдатских матерей в России. Я сама послала телеграмму генералу Лебедю с просьбой остановить ужасную резню. Во Франции мы помогали тем, у кого нет ни крыши над головой, ни документов, ни денег».

Автор целого ряда научных и публицистических работ, профессор Шврценберг стал всемирно известен не только благодаря своим достижениям в медицине и науке, но и вследствие своих публичных высказываний в поддержку эвтаназии и регулярной проверки беременных женщин на СПИД.

В 1988 году Шварценберг был назначен министром здравоохранения, но через девять дней после назначения его отстранили от должности. Потому что он на своей первой пресс-конференции министра (и последней, как оказалось), заявил о совершенно невероятных для того времени шагах, которые он намерен как министр предпринять: систематическая проверка на СПИД беременных женщин и оперируемых, раздача методона токсикоманам, создание журнала по текущему лечению госпитализируемых пациентов… Сегодня все это норма для французской медицины.

Кстати, Леон уговорил Марину принять орден Почетного легиона — во Франции от этого ордена можно отказаться. Он говорил: это твой отец сражался за Францию, был ранен… Марина в фильме Юлии Абдуловой выразилась так: «Он сражался пистолетом на самолете…» (Во время первой мировой войны на аэропланах не было еще ни пулеметов, ни пушек. Пилоты стреляли друг в друга из пистолетов.) Они познакомились в 1980 году в отделении Леона, где находилась на лечении сестра Марины, актриса Одиль Версуа.

«Марина была не единственной личностью, открывшей для себя за куражистым характером Леона его прекрасное сердце. Профессор Швар-ценберг был любим многими французами. Его и называли так — «профессор Кураж», что в прямом переводе с французского означает «профессор Смелость»…

Именно по просьбе Влади он пытался облегчить последние месяцы жизни безнадежно больного Андрея Тарковского».

Когда пришло известие о страшном диагнозе, Тарковские находились в сложном материальном положении. Деньги за «Жертвоприношение» еще не были получены; медицинской

страховки не было, а курс лечения требовал значительных денег — 40 тысяч франков. Только одно обследование сканером стоило 16 тысяч. Деньги на это дала Марина Влади. Узнав о бедственной ситуации, она без лишних слов вынула чековую книжку и выписала чек на нужную сумму. В дальнейшем муж Марины Влади, профессор Леон Шварценберг, стал лечащим врачом Андрея.

После пройденного лечения состояние Андрея заметно улучшилось, и 11 июля 1986 года он покинул клинику. Марина Влади поселила семью Тарковских у себя. На время дом Марины Влади стал домом Андрея. Тарковский продолжает работу над монтажом «Жертвоприношения», а через некоторое время уезжает из Парижа в ФРГ — чтобы пройти очередной курс лечения в модной клинике.

Вспоминает Марина Влади: «Двадцать третьего декабря восемьдесят пятого года наш автоответчик передает короткое драматическое сообщение — Тарковский тяжело болен, по мнению шведских врачей, ему осталось жить не больше трех недель. Я тут же начинаю хлопотать о том, чтобы ему разрешили увидеть сына. Второго января восемьдесят шестого года он приезжает во Францию. Ему помогают со всех сторон — соотечественники, врачи, министр культуры, посол СССР и даже Президент Республики. Наконец его сыну разрешают приехать к нему. Они не виделись четыре года. Когда Тарковский выходит из больницы, я принимаю в моем большом доме всю их семью. Андрей собирается заканчивать монтаж фильма «Жертвоприношение» и уже говорит о будущем фильме, который хочет назвать «Святые — самые несчастные из людей…»

По совету идиотки-подруги он уезжает из Парижа и едет лечиться в Германию, в клинику «знахарей».

К сожалению, модная клиника не спасла, хотя Андрей очень на нее надеялся. В итоге он вернулся в Париж, и здесь прошли последние месяцы его жизни.

Марина тяжело переживала смерть Леона Шварценберга: «После смерти мужа я полтора года жила взаперти, не говорила ни с кем. Только когда приезжали сыновья… Но ведь они приезжают дня на два, а в остальное время я говорю со своими собаками… Я сделала усилие, чтобы приехать сюда» (Из интервью Борису Пастернаку. Москва, 2005 год).

Часть вторая
Из интервью с Мариной Влади

«Я русская, только с французским паспортом»

В конце 1986 или в начале 1987 года в Париже в гостях у Марины Влади побывал корреспондент «Московских новостей» Дмитрий Якушкин. Его интервью записано еще до выхода книги «Владимир, или Прерванный полет» во Франции. Марина или сознательно не говорит о работе над книгой, или эта работа в самом начале. Правда, есть еще третий вариант: книга была написана в очень короткий срок, за несколько месяцев. Приводим фрагменты этого интервью, опубликованного 25 января 1987 года.

«Внутри (в доме Марины Влади в Мэзон-Лаф-фите. — В.П.) все просторно и все на виду; к столику с телефонным аппаратом придвинуты две обыкновенные лавки, на них масса записочек,

какие-то брошюры, потертая записная книжка. Три собаки с русскими кличками, нехоленые и незаносчивые.

— У вас нефранцузская обстановка…

— Здесь моя обстановка, — с ударением на слове «моя» отвечает актриса.

Марина Влади только что вернулась из Москвы, где записывалась на телевидении в двух передачах о Владимире Высоцком.

Она говорит:

— Меня радует, что готовятся эти передачи, хотя можно было и не ждать шесть лет. Я знаю, что о Володе сейчас много пишут, работает комиссия по его творческому наследию, которая, надеюсь, издаст то, что я оставила в Москве после его смерти. Это более 700 стихотворений плюс проза, сценарии. Я решила, что эти материалы должны находиться в СССР.

У меня такое впечатление, что публика в основном, знает его песни, записанные часто ужасно. Читая его стихи, совершенно иначе воспринимаешь его творчество. Тем более, выросли поколения, которые и не слышали его, и не видели в театре, и они уж пусть воспитываются на текстах Владимира Высоцкого, а не на пленках… <…>

Марина, а как получилось, что, живя всю жизнь во Франции, вы тем не менее сохранили и русский облик, и русский язык?

А я и есть русская, только с французским паспортом. Отец

мой окончил Московскую консерваторию. Когда началась первая мировая война, он уехал во Францию, чтобы уйти в армию добровольцем. Он был единственным сыном овдовевшей матери, и в русскую армию его не брали. Стал летчиком, был ранен, награжден воинским крестом. После войны остался во Франции, работал в парижской опере. Семья моей матери выехала из России в 1919 году. Мама оказалась в Белграде, работала там в театре и там же познакомилась с моим отцом, Владимиром Поляковым, приехавшим на гастроли.

Меня воспитывала бабушка. Она не говорила по-французски, учила меня русским песням, сказкам, стихам, водила в православную церковь. Верующей я не стала, но русское начало во мне углубилось. Русские песни люблю петь и сегодня. Вместе с сестрами мы выпустили даже три пластинки с русскими песнями. Есть у меня и пластинка «Песни мира», где я исполняю русские колыбельные; одной из них меня выучила бабушка.

Наконец, сказались и 12 лет жизни с Володей.

В фирме «Мелодия», между прочим, много лет лежит без движения записанная нами вдвоем пластинка. Надеюсь, она когда-нибудь будет выпущена. <…>

Владимир Высоцкий выступал с концертами за рубежом. Как воспринимали его зрители?

Те, кто слушал его на концертах, конечно, бывали ошеломлены. Публика воспринимала его зрительно, потому что не понимала смысла песен. На всех действовало его колоссальное обаяние, которое на пленке исчезает. На концерты приходило и много советских людей, работавших за рубежом. Даже они не всегда воспринимали то, о чем пел Володя; для этого надо было так чувствовать жизнь страны, как чувствовал ее он.

Вы жили на две страны…

Это было сложно, особенно для меня. У меня было трое сыновей, они должны были учиться. Я не могла перевезти их в Москву, хоть они и обожали Володю. И потом, есть ли у тебя право навязывать любимому человеку свою уже сформировавшуюся семью? <…>

Володя ездил по свету: мы побывали и в Мексике, и на Таити, и в Голливуде, но после 2–3 недель его тянуло домой. Ему хотелось слышать родной язык — ему он нужен был как воздух. Он не мог здесь жить, не хотел и никогда о переезде не говорил.

Вообще, кто-то полагает, что иммигранту здесь просто, а это не так. Русскому человеку особенно не хватает возможности посидеть, поплакаться, если нужно.

Марина, что вы думаете о памятнике на его могиле?

У меня был другой проект.

У нас сейчас много пишут о Высоцком. Вы читаете эти публикации?

Да, я знаю о них. Я замечаю, что есть тяга идеализировать Володю, сделать из него такого пай-мальчика, сладенького человека. Он был добрым, щедрым, но у него были и недостатки, как у всех. Я и согласилась приехать в Москву, чтобы немного восстановить правильный его образ.

Все его хотят сейчас присвоить себе, вероятно, и я тоже так поступаю, ибо он был моим мужем. Да, я знаю его хорошо, но есть черты его характера, которые и мне незнакомы. Он человек необыкновенный, но никогда не был святым. Сейчас многие говорят, что были дружны с ним, а ведь при жизни они ему могли помочь больше: люди, которые в подметки ему не годились, считали, что народ не должен его знать, решали за других… Но это все пройдет, а главное останется.

Меня как-то попросили написать несколько строк для сборника воспоминаний. Но о Володе нельзя написать несколько строк. И нужно побольше его издавать, тогда все станет на свое место — он сам сказал о себе лучше всех…

Когда-то в этом доме было очень людно: здесь жили три сестры Марины с детьми, ее мать. После смерти матери дом кажется слишком большим и пустым.

Марина Влади вспоминает, как они втроем — она, ее сестры Одиль и Елена — играли в чеховских «Трех сестрах». Спектакль имел колоссальный успех.

Моя собеседница сетует, что в разговоре иногда не находит точные русские слова. «Словно краски тускнеют», — говорит она. Перечитывает Чехова, чтобы слова не уходили…»

«Я жив тобой…»

Эта беседа Марины Влади с Леонидом Плешаковым интересна тем, что состоялась еще до написания книги «Владимир, или Прерванный полет». В ней намечены некоторые темы, которые Марина раскроет в своей книге.

Если бы нужно было одним словом сказать о Высоцком, о его характере, какую бы черту его ты отметила как самую главную?

Это невозможно. Он был настолько богатой и щедро одаренной натурой, что о нем невозможно сказать коротко.

Тебе всегда было интересно с ним?

Естественно. Иначе мы бы не прожили двенадцать лет. Он был больше, чем просто муж. Он был хорошим товарищем, с которым я могла делиться всем, что было на душе. И он

рассказывал мне все о своих делах, планах, мне первой читал новые стихи и пел новые песни. Придет после спектакля домой уставший, измотанный, все равно могли полночи болтать о жизни, о театре — обо всем.

Но для этого надо было за все эти двенадцать лет не потерять чувства влюбленности…

Представь, нам это удалось. Наверное, в какой-то мере это объясняется тем, что мы не жили постоянно вместе. Разлуки помогают сохранить свежесть чувств и забыть мелочь житейских неурядиц. Хотя, с другой стороны, расставаясь даже на короткий срок, мы практически ни дня не обходились без телефонного разговора и вроде бы соскучиться не успевали… И все-таки влюбленность осталась.

Ты жила в Париже, Владимир — здесь. Семейная жизнь на расстоянии — это не совсем понятно.

Когда я не работала, а такое случалось совсем нередко, я всегда жила здесь, в Москве. Иногда по нескольку месяцев кряду. Но даже если снималась или была занята в театре, то при всяком удобном случае прилетала к мужу. Точно так и Володя.

Переписывались во время разлук?

Первые шесть лет, когда Володя не мог приезжать ко мне, а у меня бывали дела в Париже, мы писали друг другу почти ежедневно. Все его письма я храню у себя дома. В них — наша частная жизнь. Я оставлю их. После моей смерти пусть читают или даже публикуют, если это кому-то интересно. Но сейчас это мое и его, и пусть оно останется пока нашим.

Как вы проводили свободное время, если оно у вас совпадало?

Путешествия, знакомство с новыми местами. Володя старался показать мне как можно больше из того, что он любил, что было ему дорого. Мы побывали с ним на Кавказе, на Украине, совершили круиз по Черному морю на теплоходе «Грузия». Как-то он снимался в Белоруссии, взял меня с собой. Мы ездили по республике. Жили в деревне у какой-то бабушки, ночевали на сеновале. Это было прекрасно: кругом великолепный лес, озера. Понимаешь, это были не туристические поездки: что-то посмотрел — покатил дальше. Где бы мы ни останавливались, у Володи находились знакомые, друзья, так что главным оставалось общение с интересными людьми. Для меня это ко всему прочему было узнаванием своих русских корней, открытием родины своих родителей.

Близкого человека всегда хочется познакомить с чем-то, что дорого тебе самому. К чему, по твоим наблюдениям, больше всего лежало сердце Высоцкого?

Он очень любил Москву и хорошо знал ее. Не традиционные достопримечательности, которые всегда показывают приезжим, а именно город, где он родился, вырос, учился, работал. Со всякими заповедными уголками, чем-то близкими и дорогими ему. В его песнях часто говорится об этом.

Как он воспринимал свою фантастическую популярность?

Он ее отлично сознавал. К счастью, он при жизни познал большой успех и как артист, и как певец. Он понимал, что народ его любит, что его творчество знают практически все, а большинству оно близко и дорого. Иной раз он писал песню, а уже через три дня она звучала повсюду, была у всех на слуху. И что самое удивительное — ее не передавали по радио, по телевидению, она расходилась мгновенно сама собой только потому, что ее автором был Высоцкий. Как он относился к своей славе? Конечно, внутренне гордился, но никогда не зазнавался, оставался в отношениях с людьми простым, доступным, своим.

Вот эта особая «свойскостъ» не всегда и не всеми понималась верно. В самых разных уголках нашей страны я встречался с людьми, которые клялись, что были близкими друзьями Высоцкого. Начинаешь расспрашивать, оказывается, они и виделись-то всего один раз, да и то мельком…

Это легко объяснимо. В своих отношениях с людьми Володя умел держаться как-то так по-особому непринужденно и просто, что уже при первом знакомстве каждый мог считать себя его давним и близким другом. Он был очень обаятельным человеком, что вызывало аналогичную ответную реакцию. Мне не раз приходилось наблюдать, как быстро он умел находить общий язык с самыми различными людьми, причем не только здесь, в России, но и за границей. В чем был его секрет, я так и не поняла до сих пор.

К концу жизни Володя уже довольно хорошо говорил и по-французски, и по-английски, так что, приезжая ко мне, мог свободно обходиться без моей помощи в качестве переводчицы. Но уметь говорить и понимать сказанное другими — полдела. Вступить в контакт с совершенно незнакомыми людьми, да так, чтобы они охотно поддерживали разговор с тобой, — это уже искусство. У Володи это получалось легко и непринужденно. Может быть, это происходило потому, что он любил общаться с людьми, они его всегда интересовали и этим он сам был интересен им. Я уже не говорю о тех, кто хотя бы немного знал его творчество.

Володю любила вся моя родня, все мои парижские знакомые и, как ни странно, даже те, кто никогда не был связан с Россией, с Советским Союзом ни в каком смысле: ни по языку, ни по

политическим условиям. Его песнями у нас заслушивались… Естественно, полностью понять его песни могут только те, кто жил в России. Но, кроме слов, в этих песнях еще и Володин темперамент, его экспрессия, тембр голоса, обаяние его личности — все, что не требует перевода, понятно и так.

Но, кажется, мы немного отвлеклись. О чем мы говорили?

О том, что у него было много друзей…

Правильнее сказать: у него было много знакомых, которые могли сказать, что являются его друзьями. Но если говорить о самых близких товарищах, с кем он не просто дружески держался, а любил общаться, таких людей было, может быть, двенадцать-пятнадцать, не больше. Люди разных профессий: поэты, писатели, капитан дальнего плавания, артисты, режиссер, радиоинженер, геолог. По их профессиям можно судить о круге интересов самого Высоцкого. Он их всех любил, а они — его. Но не так, как обычные почитатели Володиного искусства, а как человека, как товарища.

А что именно он ценил в них?

Я не могу ответить за него. Круг его друзей автоматически стал моим кругом. Я пришла как бы на готовое. Знаю только, что это интересные люди. Что они и он были всегда взаимно рады друг другу. Что они остались верны его памяти. Теперь я вижусь с ними довольно редко. Но даже если эти встречи будут происходить раз в год или в пять лет, я уверена, что смогу полностью довериться им с закрытыми глазами и рассчитывать на поддержку.

Я удивился, что в его кабинете книг оказалось меньше, чем я ожидал. Много, но не столько.

В этом нет чего-то такого особенного. Володя не стремился собирать книги только для того, чтобы иметь большую библиотеку. На его полках только то, что он любил, часто перечитывал, хотел иметь всегда под рукой.

Кого же он перечитывал?

На первом месте Пушкин. Володя его обожал. Я не знаю человека, который читал Пушкина так же хорошо, как Высоцкий. Очень любил он стихи Пастернака.

А где работал Высоцкий? Мне рассказывали, что он хотел в кабинете, прямо за спиной, устроить стенку или ширму…

Разговоры об этом были. В детстве, юности Володя жил в тесноте. Для занятий ему выделялся крошечный уголок. Даже в Матвеевском, где у нас была большая квартира, рабочий кабинет оставался маленьким. Видимо, это вошло в привычку: когда что-то за спиной — уютнее работать. Но вместе с тем я заметила, что для письма ему не нужны были какие-то особые условия. Он мог

писать везде: в гостиницах, на теплоходе, на кухне, у друзей на даче, в гостях — всюду.

Правда, что свои стихи он записывал на всем, что попадало под руку: клочках бумаги, пачках из-под сигарет — и поэтому многое из написанного утеряно?

Это не совсем так. Действительно, если приходила нужная рифма, слово, он мог записать их на чем угодно, но потерять — никогда. Написанное второпях он тут же перепечатывал набело. Он вообще был очень аккуратным человеком, а в том, что касалось его творчества, — особенно.

Что у тебя дома осталось в память о Володе?

— Книга его стихов «Нерв». Его фотопортрет из «Галилея». У меня он с первых дней нашего знакомства. Очень интересный портрет. Суровый. Володя стоит в профиль над горящей свечой… А еще, естественно, его песни. Наши друзья разыскали и переписали все, что он когда-либо пел в театре, кино, на телевидении, в концертах и даже только в своем кругу.

Ты часто слушаешь эти записи?

Нет. Совсем нет. Я не могу слышать его голос, когда его уже нет в живых. Для меня это невыносимо»

«Все, что пишу, — правда»

Фрагменты интервью, записанного автором в 1988 году.

Марина Владимировна, прошло уже восемь лет…

Прошло восемь лет, а я не могу спокойно говорить о Володе, спокойно смотреть его фотографии… Недавно мне показали единственный фильм, в котором мы снимались вместе, — «Их двое». Это тяжело, это невозможно смотреть…

Во Франции уже продано около ста тысяч экземпляров вашей книги «Владимир, или Прерванный полет>>. А какова вообще популярность Высоцкого в вашей стране?

Володю помнят и любят люди, которые побывали на спектаклях «Гамлет» и «Десять дней, которые потрясли мир». Во время гастролей Театра на Таганке их посмотрело довольно большое количество людей. Может, это не совсем скромно, но теперь популярность Володи растет в связи с моей книгой. Понимаете, сто тысяч экземпляров — для Франции это очень большой тираж.

Люди читают книгу, а потом многие стремятся купить диски. Могу сказать, что наш совместный с Володей диск, который наконец-то вышел, спустя 12 лет после его записи, теперь будет продаваться во Франции. Но для меня еще более важно, что

поступило два предложения о переводах стихов Высоцкого на французский язык. Они будут переводиться в издательстве «Файярд» и в очень престижной серии «Современные поэты». В этой серии издаются очень крупные поэты, причем в этих книгах не только поэзия, но и комментарии, аналитические статьи. Мне очень повезло с переводчиком — это Жан-Жак Мари, который еще в 60-х годах переводил Иосифа Бродского. Жан-Жак Мари смог передать силу поэзии Высоцкого другими образами, но не менее сильными, чем у Володи. Это очень трудно, но он сумел это сделать.

А кто делал французские переводы двух песен Высоцкого?

Эти песни перевел Максим Лефорестье, наш очень известный певец. Он перевел их, чтобы сделать Володе сюрприз. Но потом получилось так, что Володя их спел, они записаны на одной из пластинок. Спел по-французски, ведь в последние годы Володя очень хорошо владел французским языком.

Были ли интервью с Высоцким на французском языке?

Думаю, что не было… Правда, Володю снимали во время гастролей Театра на Таганке, снимали и на вечере советской поэзии — но без интервью. Кстати, самое интересное Володино интервью было в американской программе «60 минут». На вопрос: «Вы диссидент?» — он прекрасно ответил: «Нет, я — поэт!» Это гениально!

Первые концерты Высоцкого в Париже — почему был выбран зал «Элизе Монмартр»?

Этот зал наиболее подходил именно для этого жанра — авторской песни. Небольшой уютный зал, в котором обычно выступают исполнители своих песен. На Володиных концертах, конечно, были работники советского посольства, русские эмигранты, но мы с Володей очень удивились, что пришли французы. Было много публики с улицы — людей, которые, конечно, не знали русского языка.

Самодельный двухтомник песен Высоцкого, который ему подарили к 40-летию, хранится у вас?

Я не увезла ничего, что связано с творческим наследием Володи. А эти две самодельные книжки в Париж привез сам Володя. И они хранятся у меня как память о нем. Естественно, я храню Володины письма… Между прочим, в них есть первые — самые первые — варианты многих его песен.

Заканчивается работа над переводом вашей книги на русский язык. В январе переводы отдельных глав были опубликованы нашей печатью. И интерес они вызвали громадный, хотя отношение к этим публикациям неоднозначное…

Знаете, единственное, что я хочу сказать: в этой книге все

правда. Я написала только о том, что видела или слышала сама. Или о том, что мне рассказывал Володя. В книге нет ни одного эпизода, не связанного с нашей жизнью. Я очень хочу, чтобы люди в Советском Союзе знали: все, что я пишу, — это правда.

«Самое большое счастье — жить»

Из интервью Gala-Radio 10 декабря 2001 года: «В манере говорить этой неординарной, до сих пор красивой женщины чувствуются ирония и скептицизм, и все же иногда пробивается беззащитность. Недаром она обронила фразу: «Я после всего не верю ни в Бога, ни в астрологию». Мы разговаривали в ее новой квартире на Монмартре в окружении двух породистых овчарок, которые живут у нее уже много лет.

Марина Владимировна, вы поняли, что же такое счастье?

Самое большое счастье — жить. Моих сестер уже нет, и потому дар жизни я особенно стала чувствовать. Мне теперь нужно жить не только за себя, но и за них.

Вас долгое время ассоциировали с героиней купринской «Олеси» — Колдуньей…

«Колдунья» — это уже далеко от меня, несмотря на то, что все время о ней спрашивают и во Франции, и в других странах, когда устраивают встречи со мной. И показывают фрагменты именно из этого фильма. Считается, что это самая своеобразная роль Марины Влади. В те времена я не так много занималась психологией. Получала текст и его играла. Мне кажется, что до сих пор я играю больше как человек, а не как актриса. Я не очень люблю актрис, которые много думают. Хотя есть и среди думающих людей прекрасные артисты.

Это и есть таинство искусства. А как вы перевоплощаетесь в резко отрицательных героинь, где нужно играть не себя?

Думаю, что и сама имею отрицательные стороны. Характер у меня ужасный, так что спокойно могу играть гадких женщин. Почему нет? На самом деле мы все неоднозначные люди, у нас есть все цвета. Чтобы иметь один красивый цвет, нужно иметь много разных красок.

Вы как-то говорили, что ради детей могли не поехать в командировку, отказаться от роли в кино?

Я думаю, что всю жизнь была прежде всего женщиной, а не актрисой. Больше всего меня интересует собственная жизнь: мои дети, мои мужья. Но я ничем не жертвовала. Я родила детей, я долго их воспитывала, потом снова снималась. У меня была хорошая актерская звезда — я всегда могла возобновлять карьеру

после длительного перерыва. Это была моя работа, но ради нее я никогда не отдала ни одного дня моей женской жизни. У женщин очень много обязанностей. Надо быть и матерью, и женой, и профессионалом. Мужикам в жизни легче. Возможно, через какое-то время они тоже будут заниматься и детьми, и домом.

Вы снимались вместе с нашим земляком Николаем Гринько в фильме Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа» о взаимоотношениях Чехова и Лики Мизиновой. Какие остались воспоминания?

Я чувствовала себя тепло и уютно. Гринько был очень интеллигентный, спокойный — во всяком случае внешне. Внутри он, может, был и бешеный, как мы все, но этого не показывал. Замечательный партнер. До предложения Юткевича я хорошо знала Чехова, потому что долго его играла (в театре — «Три сестры», в кино — «Степь»), много читала. Это приглашение было необыкновенным счастьем, но согласие мне далось трудно. Нужно было уезжать из Франции, по крайней мере, на год. А у меня три еще маленьких мальчика. Но потом я встретила Володю, и получился не год, а двенадцать…

А вот там — симпатичная фотография красивого молодого человека с маленькой девочкой. Это кто?

Это мой младший сын Владимир с дочкой… Я всегда считала, что детям можно помочь в жизни, но не нужно их воспитывать. Сейчас вижу их очень редко, потому что они всегда в разъездах. Один — музыкант, живет в Южной Америке, другой был актером, но сейчас живет на Таити своеобразной жизнью, как он сам говорит: «Моя жизнь — мой шедевр». А третий — на юге Франции. Внучка у меня только одна, ей уже 10 лет, но очень много внуков у покойных сестер.

Вы говорили, что главной страстью стало писательство, что вы себя лучше чувствуете не на площадке, а за рабочим столом…

Это естественно, потому что актер нуждается в группе, он работает вместе с другими. А когда ты пишешь, ты один за столом и сам отвечаешь за то, что делаешь. Ты свободен и ты ответствен — это и легче, и труднее. А в кино я не свободна. Пишу чаще всего вечером или ночью, но пишу везде, так как не сижу на месте, — в гостинице, в самолете, где придется. Но когда я этим занимаюсь, то не работаю в театре или кино, потому что не могу смешивать разные профессии. Когда задумываю книгу, куда-нибудь уезжаю, например в Италию. Избегаю людей, рядом только собаки. Первая книга — это воспоминание — память. Потом был роман «Сергей Иванович». Конечно, я никогда в жизни не воевала и не была в Афганистане, но так много слышала об этих мальчишках, что захотелось о них рассказать. И я вошла в

образ героя, 18-летнего мальчика. Три года писала и очень жалею, что его еще у вас не читали. Последний роман автобиографичен — «Мой вишневый сад».

Где вы сейчас снимаетесь?

Много работаю у молодых режиссеров, хотя мне теперь предлагают маленькие роли, но неважно, я всегда соглашаюсь, чтобы помочь. Снимаюсь в разных странах. Например, несколько дней съемок фильма «Ветер над городом» (Влади снималась вместе с Зиновием Гердтом. — Я/7.) проходили в Одессе, где мы были с Володей неоднократно на его съемках («Служили два товарища» и «Опасные гастроли». — В.П.). И я снова встретилась с этим городом.

В театре много работы?

Да. Одна из последних работ — роль Марины Цветаевой. Пьесу написала специально для меня молодая девчонка. Роль тяжелая — надо играть такую гениальную поэтессу! Я безумно волновалась. Когда выходила на сцену, сзади чувствовала всех партнеров и… Володю. Успех был очень большой, хотя публика совсем не знала, кто такая Марина Цветаева. Недавно снова возвратилась в спектакль «Вишневый сад».

Чехов неуклонно следует за вами!

Я думаю, что это я иду за ним. Я все время ищу связь с ним, очень люблю его. Надо сказать, что французы всегда охотно предлагают мне роли русских женщин. Вы знаете, вся жизнь — труд, есть и тяжелые моменты, и хорошие. Но я считаю, что у меня все есть: здоровье, работа — все нормально. А ведь есть люди, которые не имеют всего этого. Правда, у меня колоссальная амплитуда счастья и трагедии. Думаю, если жизнь ровная, спокойная, то она скучна. Так что я предпочитаю свою амплитуду, хотя она бросает меня иногда в жуткое состояние.

«Я вспоминаю…»

Прошу покорно, голову склоняя:
Побойтесь Бога, если не меня,
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

Инга Окуневская Виктор Суходрев

И.О.: Я с давних пор — лет с двадцати пяти, по-моему, — дружила с Лилей и Сашей Митта. Это была наша компания: Таня Щапова, Лиля Митта, Женя Арканова… Лиля была замечательной хозяйкой, у них с Сашей был очень хлебосольный дом, и так сложилось, что почти все праздники — Новый год, Пасху и другие — мы встречали у них. Сначала они жили на Ленинградском проспекте, потом переехали на проспект Вернадского. Я не знаю, каким образом они подружились с Высоцким, но когда Володя познакомился с Мариной Влади и у них были большие проблемы с жильем — фактически первые годы им просто негде было жить, — они часто бывали у Митты. Какое-то время они там даже жили. Лиля с Сашей к ним безумно нежно относились: они устраивали у себя дни рождения Марины и Володи и годовщины их свадьбы… Дважды мы с Витей встречали у них Новый год вместе с Володей и Мариной, и это можно считать началом нашего настоящего знакомства.

В.С.: С Высоцким я познакомился в начале семидесятых через Ингу, хотя до этого не раз видел его в Театре на Таганке и даже был на его концерте в каком-то Доме культуры. Был я знаком и с Юрием Петровичем Любимовым — по своим, так сказать, каналам: на приемах и встречах «общественности».

С Володей мы познакомились дома у Митты на встрече Нового года — не могу точно сказать, какого именно, но летом 1973 года, когда мы встретились с Мариной и Володей на отдыхе в Доме творчества в Пицунде, мы уже были хорошо знакомы.

Помню, что таких новогодних встреч было две — мы два раза подряд встречали Новый год дома у Митты вместе с Володей. Сейчас, спустя столько лет, трудно вспомнить что-то конкретное, и различные детали этих вечеров в моей памяти могли перепутаться. Я точно помню, что на одной из этих встреч Володя был один, без Марины…

И.О.: Марины тогда не было, она должна была приехать к годовщине свадьбы. Почему-то Володя и Марина отмечали начало

семейной жизни на старый Новый год — видимо, это была дата начала их совместной жизни. Я это хорошо помню, потому что свой день рождения, 12 января, я всегда справляла дома и как-то позвала Володю с Мариной, но они в тот день отмечали годовщину своей свадьбы.

В.С.: Гостей на тех новогодних встречах собиралось немного. Точно помню, что были Галя Волчек, Лиля Бернес — вдова Марка (она пришла, по-моему, с каким-то французом). Был Эдик Иванян из Института США и Канады — с женой, но это были друзья Митты, незнакомые до этого с Володей.

И.О.: На одной из этих двух встреч была Люда Максакова, они дружили тогда с Володей. По-моему, один раз приходил Толя Кузнецов, актер, он тогда был очень известен — недавно снялся в «Белом солнце пустыни».

В.С.: Может быть. Я, честно говоря, его не помню. Оба раза Володя был с гитарой, и после первого застолья — после встречи Нового года — мы переходили в другую комнату и Володя там пел. Я оба раза брал с собой магнитофон и записывал все подряд — песни вперемежку с разговорами. По тем временам у меня был неплохой магнитофон — со встроенным и выносным микрофонами. Помню, я как-то поставил выносной слишком близко к Володе, и он сказал:

— Ну, Витя! Ты хочешь, чтобы я съел твой микрофон!..

Всего я записал три таких домашних «концерта» Володи — кроме двух новогодних встреч, я однажды писал его дома, когда они с Мариной были у нас в гостях. Записи эти у меня до сих пор целы — две кассеты, монозапись, но хорошего качества, очень чистая.

Уникален любой концерт Володи Высоцкого, и любая такая домашняя запись бесценна, но здесь особенно интересно еще и то, что на кассете, кроме песен, остались какие-то театральные байки, которые рассказывали попеременно Володя и Галя Волчек. Володя очень смешно рассказывал про Матвея Борисовича, администратора их театра, который не дал билеты американцам, внезапно появившимся на каком-то спектакле. Володя копировал его акцент: «Подумаешь, пгишли какие-то… Я тут гумынам не дал, а это же — вгаги!»

И.О.: Я помню, что между теми двумя новогодними встречами Володя с Мариной приезжали к нам домой на Каретный, и Витя тогда тоже записывал его на магнитофон. Мне запомнилось, что в этот день в Москве произошло землетрясение. Тогда у нас собрались Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером, Зоя Богуславская с Андреем Вознесенским… В то время Володя пытался вступить в Союз писателей и, по-моему, как-то хотел

заручиться поддержкой своих товарищей-поэтов. Я знаю, что Володя и Белла дружили… Еще на этой встрече была моя ближайшая подруга Алла Будницкая и ее муж Саша Орлов — всего за столом было пять пар.

Володя пришел с гитарой! В этом вопросе принцип у нас был такой: мы никогда не просили, чтобы он пел, но знали, если он приходит с гитарой, значит, собирается попеть. А если без гитары — значит, у него нет настроения. Не хочет — и не надо, и так приятно с ним общаться, без песен.

В.С.: Вообще надо сказать, что, если говорить о Москве, не так уж много и было у нас встреч с Володей и Мариной. Были эти два Новых года — наверное, в 1973-м и в 1974-м… Потом было несколько встреч у нас дома в Каретном ряду и у них в Матвеевском. А летом 1973 года мы встретились в Пицунде, в Доме творчества, и эта встреча была не случайной, мы точно знали, что они там будут.

Мы с Ингой отдыхали в этом месте пять лет подряд, и я почти уверен, что мы Володе об этом рассказывали. Может быть, это сыграло какую-то роль в том, что они с Мариной летом 1973 года оказались там. И вот это был особый период в наших отношениях — две-три недели близкого, практически ежедневного общения.

Когда мы приехали в Дом творчества, Володя с Мариной уже были там. Они приехали втроем, вместе с Севой Абдуловым, на французской машине Марины — «рено», по-моему.

И.О.: Нет, мы приехали раньше! Потому что потом была эта дурацкая история с посадкой за столы в столовой. Очень смешная.

В.С.: Да-да-да!.. Там была разница в какие-то считанные дни. В этом Доме творчества был такой порядок, который свято блюла его директриса — Гугулия Николаевна, помнится, ее звали. Она из бывших секретарей Гагринского райкома КПСС, а потом ее «направили» в этот Дом творчества — следить за идеологическим состоянием «гнилой интеллигенции», как грузинской, так и российской…

И.О.: Такая была «партийная» дама. Моего Витю она, правда, любила, по отношению к нам была довольно мила, но ко многим — очень даже жесткая…

В.С.: Там было устроено так: столовая, где все мы завтракали, обедали и ужинали, находилась в большом зале. Его дальний от входа торец упирался в раздвижную дверь, которая соединяла столовую с кинозалом. Эта дверь, как правило, была закрыта, и вдоль торца стояли столики, которые для Гугулии Николаевны были как бы места «для VIP'ob»: там сидели заслуженные, по ее мнению, люди. Там, например, обычно сидели Эльдар Рязанов,

братья Шенгелая… Нас с Ингой Гугулия Николаевна обычно тоже сажала в этом ряду — вдвоем, никого к нам не подсаживала. В том году за соседним столом сидели Макарова и Герасимов — тоже вдвоем, дальше кто-то еще — столиков пять помещалось в этом торце.

А Володю с Мариной посадили в середине зала, на самом проходе, где официантки бегают, где рядом стоят стеллажи, куда складывают грязную посуду. Мы попросили директрису пересадить Володю с Мариной за наш столик, у нас два места оставались свободными — стол-то квадратный. Она сказала: «Нет-нет! Что подумают другие!.. Тут отдыхают такие люди, которым я отказала, которых я не сумела там посадить».

Кончилось тем, что мы сказали: «В таком случае можно нам пересесть к Володе и Марине?» — и ушли с этих «почетных» мест.

Так сложилось, что в этом Доме творчества мы очень много времени проводили впятером (наши две пары и Сева Абдулов), хотя рядом было много людей театра и кино, хорошо знакомых Володе. Трудно рассказывать о курортной жизни… В памяти осталось лишь несколько эпизодов.

И.О.: Однажды ночью он нас позвал к себе и читал нам поэму о своей первой поездке в Париж. Была Марина и мы вдвоем. Разговор возник сам собой — он вдруг позвал нас с Витей и сказал: «Я хочу почитать вам поэму».

В.С.: Володя и Марина уехали из Дома творчества раньше нас — до окончания срока путевки. В это время в Сочи пришел корабль Гарагули («Грузия»), они с Мариной на машине отправились в Сочи, там погрузили машину на корабль и…

И.О.: Нет, не так это было. Они съездили к Га-рагуле в Сочи и снова вернулись на Пицунду. Если ты помнишь, Марина тогда сказала, что это в первый и последний раз в жизни она в Грузии села за руль — все грузинские машины буквально не давали ей прохода: ее обгоняли и прижимали к обочине. Как же — блондинка за рулем! Она приехала в ужасе: «Я ездила по горным дорогам Франции, но такого в жизни не переживала…» Больше за руль в Грузии Марина не садилась.

А потом они с Володей поехали в Сухуми (корабль Гарагули шел до Сухуми или Батуми), погрузились с машиной к нему на борт и, наверное, поплыли обратно в Одессу.

В.С.: После Пицунды мы продолжали общаться в Москве. Несколько раз мы были у них на Малой Грузинской, несколько раз Володя с Мариной были у нас дома (не часто). Иногда Володя заезжал к нам как бы по пути:

— У меня полтора часа до спектакля, домой я не поеду, можно, я у вас посижу?..

Кстати, единственным случаем, когда мы присутствовали на многолюдном сборе, было так называемое «новоселье» на Малой Грузинской. Насколько я помню, Володя, приглашая нас, просто сказал, что соберутся друзья, но по сути дела это оказалось новоселье, хотя квартира уже была как-то обставлена. На вечер пришло много известных людей — у меня сохранилась коллективная фотография, по-моему, она много раз публиковалась. Было шумно и весело, Марина приготовила прекрасный стол с «западным», можно сказать, оттенком…

Был еще один, совершенно удивительный вечер в их квартире на Малой Грузинской, когда мы большую часть времени провели, слушая пластинку «Алиса в стране чудес». Не помню деталей… Мы, наверное, созванивались, поздравляли друг друга с Новым годом, и они — Марина с Володей — нас пригласили к себе на второе января. Просто посидеть, передохнуть после встречи Нового года.

Нас было четверо. Больше никого. Был такой, я бы сказал, «разгрузочный» ужин, потому что и они — «после Нового года», и мы. Все было очень хорошо, мило, по-семейному.

Гитару Володя не брал, просто разговаривали, Марина рассказывала о детях — видимо, до этого дня мы довольно долго не виделись, так что восполняли, что ли, событиями в жизни друг друга прошедший период. И вдруг Володя вытащил пластинку «Алиса в стране чудес»:

— Вот, недавно пластинка вышла — тут мои песни есть.

И мы стали говорить о Льюисе Кэрролле, об этой замечательной книге, о том, как трудно ее перевести — я, кстати, ее на русском не читал, а на английском, разумеется, еще в детстве, и потом — несколько раз. Потому что там совершенно дивный и удивительный язык. Книга вроде бы для детей, и написал ее Кэрролл для конкретной маленькой девочки, но там кладезь мудрости — житейской и… какой только там нет!

Володя просто спросил: «Хотите послушать?» Я, конечно, сказал: «Хочу». И мы внимательно прослушали обе пластинки, все четыре стороны — не отрываясь, только переворачивали пластинки, смеялись по ходу дела… За этим занятием у нас прошла большая часть вечера.

Володя рассказал, как трудно ему пришлось, когда он писал эти песни. В частности, он говорил о песне под названием «Крохей», которая мне очень понравилась: «В книге ведь речь идет об элегантной английской игре крокет, но кто же у нас знает эту игру, когда у нас она, наверное, исчезла сразу же после революции… Что же я буду писать про эту игру? Зато у нас есть хоккей, и я сделал из хоккея и крокета — «крохей»… Ну не могу я

написать песню про крокет. Не могу! У нас никто это не поймет! И я изобрел «крохей»…

А когда пришло время расходиться, Володя сказал:

— Я хочу, чтобы у вас была эта пластинка.

И сделал нам надпись на конверте: «Инге и Виктору, взрослым друзьям моим из детства, с которыми так замечательно мы побыли в стране чудес. 2 января 1977 года».

Было еще несколько встреч… В 1977 году мы переехали на Кутузовский проспект, и, по-моему, Володя с Мариной приходили к нам и туда. У нас как-то было достаточно тем для разговора.

Что-то Володя рассказывал мне про свои заграничные поездки (к тому времени он уже и в Америке побывал), про свои впечатления от Голливуда — я не помню подробностей. Какие-то вопросы он мне задавал… Оно и правильно, он не мог еще, наверное, разобраться во всех деталях западной жизни, хотел проверить свои впечатления о стране, о людях, о каких-то порядках, обычаях, о каких-то делах чисто, может быть, житейских. Для меня ответы на многие из его вопросов были предельно ясными.

Хотел бы отметить, что в силу той же своей природной деликатности, которая не позволяла ему задавать мне вопросы по сути моей работы, Володя никогда не обращался ко мне с какими-то просьбами.

И.О.: Ты ему помогал в чем-то с визой. У вас, я помню, были разговоры — он просил тебя помочь получить постоянную визу для поездок к Марине…

В.С.: Он иногда мог спрашивать у меня совета о том, как лучше решить какой-то определенный вопрос — каким образом, через кого. То ли ему, например, самому написать письмо в МВД, то ли будет более правильным направить туда запрос от лица Марины как приглашающей стороны… В общем, он советовался со мной, как ему лучше сделать что-то конкретное, что могло бы разрешить или ускорить дело, но — повторяю еще раз — это были не просьбы: он просто делился со мной своими проблемами, просительного тона в наших разговорах у него не было никогда. Так получилось, что все встречи, которые у нас были с Володей и Мариной в Москве, проходили как бы под знаком семейных отношений. Может быть, мы с Ингой были немножко другие, чем его обычное окружение. И то «новоселье» на Малой Грузинской был единственный большой сбор, где мы оказались… Я хочу повторить, что в наших отношениях было какое-то взаимное влечение, тяга друг к другу. При этом у Володи, видимо, никогда не возникало желания прийти к нам, когда он «развязывал», — у него «для этого» была другая компания…

И.О.: Мне как-то кто-то сказал, что Марина и Володя разбились… Я им позвонила, к телефону подошел Володя. Оказалось, что это Марина «разбилась» на съемках — что-то там под ней сломалось, она упала и сильно ушиблась. Я ему тогда сказала: «Ну, слава Богу, теперь вы будете долго жить»…

<…>

…Известие о его смерти было для меня шоком. Виктор не смог пойти на похороны — у него в то утро были какие-то неотложные дела с иностранной делегацией, и я поехала одна. Как-то я прошла в театр через все милицейские ограждения — сказала, что пришла по приглашению Марины. Тут же ко мне подскочил Кобзон:

— Инга, тебя ждет Марина! А где Виктор?

— На работе, он сейчас не может приехать.

Я прошла в кабинет к Юрию Петровичу, там сидела Марина. Мы обнялись. Она заплакала… А потом сказала:

— У меня к тебе есть дело. Нужно, чтобы наша квартира осталась маме Володи. Нужно мое письмо передать Брежневу. Сможет Виктор мне как-то помочь?

— Знаешь, я за Виктора не могу дать ответ, я должна ему позвонить.

Позвонила Виктору, он сказал:

— Поезжай домой и жди моего звонка, а я постараюсь дозвониться до Александрова.

И я поэтому не поехала на кладбище — я на машине тут же вернулась домой и сидела, ждала звонка. Где-то часам к пяти-шести Виктор дозвонился Александрову, и тот сказал: «Присылайте мне письмо».

В.С.: В общем, был звонок от Инги, она мне изложила просьбу Марины, и я ей сказал, что буду выяснять. Вы прекрасно знаете, какая была обстановка вокруг похорон: замалчивание его смерти в газетах, вся эта милиция вокруг и так далее… Я не мог сразу сказать Марине, что письмо я, конечно, возьму, потому что не был на сто процентов уверен, что мне его удастся передать по назначению — я не знал, какова будет реакция «с той стороны». А взять письмо и не передать — это для меня был абсолютно неприемлемый вариант. Я позвонил помощнику Брежнева Андрею Михайловичу Александрову, с которым был хорошо знаком. Напомнил ему, что Марина, во-первых, является вице-президентом общества дружбы «Франция — СССР», а во-вторых, что, когда Брежнев незадолго до этого был с официальным визитом во Франции и принимал в советском посольстве руководство этого общества, то особенно тепло он беседовал с Мариной, и именно поэтому она считает возможным направить

ему такое (чисто личное) письмо.

Александров мне сказал:

— Письмо возьмите и завтра же перешлите мне.

(Я вспоминаю, что кто-то из уже писавших на эту тему упоминает, что мне потребовалось целых 24 часа, чтобы получить разрешение взять у Марины это письмо. Это не так — мне потребовалось всего десять минут, чтобы договориться с Александровым.)

После работы я поехал на такси на Малую Грузинскую.

Широкие поминки уже кончились, — я приехал где-то около семи. Мне сказали, что Марина сидит в кабинете и хотела бы со мной поговорить. Короче говоря, я сразу пошел в кабинет. Помню, что мне туда даже какую-то закуску принесли… ну, водка там стояла. Марина показала мне свое письмо к Брежневу, которое кто-то (не помню сейчас, кто именно) помог ей написать, и попросила меня помочь как-то поправить это письмо, сделать его лучше, одним словом.

Я прочитал. Письмо действительно было составлено неумело — и стилистически, и по сути дела. Я стал делать замечания, подсказывать, что именно надо в нем изменить, чтобы письмо звучало как чисто личное (именно от Марины, а не от «группы товарищей»), чтобы оно было эмоциональным, но без лишних каких-то «рас-плывчатостей». Нужно было конкретно поставить вопрос, чтобы эта квартира сохранилась как (возможно, в будущем) квартира-музей или «памятная» квартира Высоцкого. Замечаний у меня было много, и в какой-то момент Марина спросила:

— Может быть, ты сам и напишешь это письмо?

— Марина, оно должно быть написано твоей рукой. Каким бы оно ни было, но — твоей рукой.

Мы основательно переделали текст. Марина переписала письмо заново (довольно много времени это заняло), положила в конверт, и я его взял с собой.

На следующий день утром через курьера фельдсвязи я это письмо отправил в секретариат Брежнева.

Через какое-то время после очередной деловой встречи у Брежнева Андрей Михайлович сказал:

— Кстати, это письмо от Марины Влади, которое вы мне тогда переслали… Вы знаете, я его Леониду Ильичу даже не показывал. В этом не было необходимости, я просто позвонил в Моссовет, переслал его туда, и вопрос решился очень быстро, можно сказать, в одночасье.

Александров был человеком быстрых действий — он любил делать все сразу, сходу, что называется, у него обычно бумаги не

залеживались. Я думаю, что он позвонил в Моссовет в тот же день, когда мое письмо оказалось у него на столе, то есть на следующий день после похорон Высоцкого.

Я предполагаю, что у всех руководителей, кто решал этот вопрос с квартирой Высоцкого, сработало и какое-то «фрейдистское» отношение нашего тогдашнего руководства к Володе, отношение «любви — ненависти». С одной стороны, весь официоз его ругал, а с другой — все они у себя дома слушали записи его песен. Так оно и было! Здесь именно это сработало, без каких бы то ни было препятствий…

И.О.: Последние годы мы почти не виделись с Володей, не считая случайной встречи за полтора месяца до его смерти. У них с Мариной уже были настолько напряженные отношения, что они даже не пытались встречаться с прежними друзьями.

Володя перестал нам звонить…

Евгений Агранович

Мой друг и сосед по лестничной площадке режиссер Миша Богин как-то раз попросил Иечку Савину привести к нам в гости Марину Влади. Они в то время вместе снимались в фильме Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа». Иечка приехать не смогла, поэтому Марина пришла после съемки сама, по-московски с двумя сумками, где были ее вещи. В простеньком пальто, в больших очках, подколов волосы. Выглядела совершенно обыкновенно — как москвичка из очереди, спокойно проехала в метро…

На входных дверях тогда еще не устанавливали домофонов, а сидела в подъезде консьержка, эдакая «мисс Информация», которая все обо всех знала. Дом и подъезд Марина отыскала, а дальше обратилась к этой старушечке: «Как мне найти Женю Аграновича?» Та мгновенно узнала гостью, проводила и затем всем, кто входил после нее в дом (а был конец рабочего дня, люди возвращались с работы), всем говорила: «К Аграновичу Марина Влади пошла!»

Марина ходила по квартире, с интересом рассматривая мои работы — скульптуры из дерева и кости. «Поставила бы ты это у себя в Париже?» — спросил я об одной вещице. «Да», — и я ей эту фигурку подарил. Кроме того, я приготовился к приходу Марины: сделал колечко из самшита, самого крепкого древесного материала. Предполагал, конечно, что она дама избалованная, чего только не повидала, но самшитовое кольцо — вещь неординарная. Я вырезал на нем женское лицо под наполовину

сдвинутой маской — изобразил актрису. Колечко пришлось впору и очень Марине понравилось.

Я слушал ее рассказы о том, в каких странах мира она бывала, что видела, а часа через два появился после репетиции Высоцкий с гитарой. Стояла глубокая осень. Помню, ходил жуткий грипп, потому что, когда все уселись за стол, я предложил Высоцкому тему: «Пир во время гриппа».

…Он ввалился в подъезд и прохрипел: «Где моя жена?» (они с Мариной тогда только женихались, собственной крыши не имели, у Высоцкого к тому же были какие-то сложные взаимоотношения с миром). Консьержка проводила и его и всем идущим следом уже сообщала, что к Аграновичу пошел Высоцкий.

Высоцкий в этот день, как обычно, встал в шесть часов утра, в лучшем случае успел выпить чашку кофе и помчался по делам: тут у него запись, там перезапись, тут у него репетиция, там у него съемка, где-то что-то с изданием — не получившееся дело (у него всегда бывало так: обещали напечатать — не печатали, сулили пластинку — не издавали…). В общем, мотался он как сумасшедший, на одном табаке, не ел ничего, а тут пришел, увидел роскошный стол и аж охнул. Только усадили мы его на хозяйское место, как стали появляться наши любезные соседи со всех этажей: кто «за солью», кто «за спичками», и все с большими чемоданами: раз Высоцкий, — значит, будет петь. Обступили его со всех сторон и не дали проглотить ни кусочка. Ему пришлось петь, выступать. Так что не думаю, чтобы он сохранил сколько-нибудь милое воспоминание об этом доме и его хозяевах.

Единственное, что хорошего я смог для него — сделать, — это не допустить до спиртного. У Бо-гина жена была грузинка, а грузинская интеллигенция — это одна большая семья: все друг друга знают, все на «ты». Случилось так, что в этот вечер к супруге Богина явились несколько ее приятелей. Узнали, что у меня Высоцкий, — кинулись сюда со своими копченьями-соленьями, коньяком таким, коньяком сяким… А я на кухне запекаю карасей в сметане, мотаюсь туда-сюда, кулинарю… Смотрю, Высоцкий уже стоит с фужером в руках и произносит ответную речь. Я много не раздумывал, совершенно деликатно подошел, вынул у него из рук фужер, взял со стола другой, налил в него боржоми. Он взял его спокойно.

Я тогда подумал: только не под моей крышей! Ну и, насколько мне известно, еще месяцев восемь после того он не пил ни капли.

За столом Высоцкий очень много и открыто рассказывал, причем с намерением не похвастаться, а, я бы сказал, поделиться с друзьями. Например, своим недоумением странной,

необъяснимой несправедливостью этого мира, где не хотят слушать ни хороших стихов, ни хороших песен, не хотят видеть хорошего актера… Смотрят две пробы, одна блистательная — говорят: «Боже, какая прелесть!», потом смотрят посредственную и заявляют: «А вот этого мы берем!»

Из того, что им пелось, я запомнил «Охоту на волков», только что написанную. Непередаваемо он ее пел.

Было видно, как он любит Марину. Он пел и для нас, но и для нее. Хотел завести и ее спеть, еще не зная тогда, что она тоже поет…

Несмотря на столпотворение и суматоху, я обратил внимание, что Высоцкий полон интереса к окружающему миру, только в тот раз ему не давали этот интерес проявить. Как только он улучал момент спросить у меня: «А вы кто? А правда, что у вас?.. «Еврей-священник» — это вы написали?» — его тут же прерывали: «Володя, спой те вот это вот!» Не давали разговаривать ни со мной, ни с кем-либо еще.

Насколько я заметил, Высоцкий очень хорошо сознавал, кем является, — при полной, вместе с тем, его скромности. У него уже была союзная и начало мировой славы, но его это совершенно не расшатывало, то есть менее всего занимало.

Валерий Плотников

С Владимиром Высоцким нас познакомили в Ленинграде, в клубе «Восток». Этот клуб самодеятельной песни отмечал свое двадцатипятилетие, это было 1 января 1966 года. Множество магнитофонов, множество микрофонов на сцене — снимали и записывали Высоцкого многие. Я сделал смешной снимок — микрофон вместо носа. Показал Высоцкому, ему фото понравилось.

Именно Володя привел меня в Театр на Таганке, который в те времена для большинства оставался недоступным. Помню, на первых гастролях театра в ДК Первой пятилетки люди карабкались по водосточным трубам, через под-

валы и чердаки пытались проникнуть в зал. А я позже в этот театр ходил, как к себе домой, и одно время даже жил в общежитии театра. Многие театры Москвы я знал, но такого родного, такого близкого больше у меня не было. Иногда, когда актеры уже стояли на сцене, а я входил в зал, Хмельницкий в шутку спрашивал меня: «Можно начинать?» Я отвечал: «Начинайте!» И публика никак не могла понять, в чем же дело, кто я такой. Я ведь тогда еще был мальчишкой, студентом.

Был февраль 1972 года, и тогда на Таганку попасть было практически невозможно, особенно на «Гамлета». И мы договорились, что я буду снимать после спектакля.

Начали работать. Я стал придумывать мизансцены, которых в спектакле не было. Например, Владимир пел в меч, как в микрофон… Кажется, Любимов даже хотел это использовать в спектакле, но меч был очень высоким. Хорошо помню, что Высоцкий торопил меня: «Давай, Валера, побыстрей. Неудобно, мы задерживаем осветителей».

С Мариной Влади я и Володя познакомились почти одновременно, причем друг от друга совершенно независимо. Я помню потрясающую сцену в московском Доме кино, где как раз была премьера фильма с Мариной Влади в главной роли. Марину все окружили, целовали ей руки. И за спинами поклонников эдаким петушком выпрыгивал Володя — это, мол, моя женщина, отойдите от нее! Но на него никто особого внимания тогда не обращал, в то время Марина Влади была куда популярнее Высоцкого. Эта сцена была забавной, но потом уже не повторялась.

В анкете на вопрос: «Хотите ли вы стать знаменитым и почему?» — Высоцкий ответил: «Хочу и буду». И действительно стал им!

Съемка с Мариной Влади была четырнадцатого ноября 1975 года. Мне уже доверяли… Перед съемкой Марина его причесывала, и у Володи было такое детское выражение лица… как на фотографии, где он маленький в военной форме. Это можно почувствовать на снимке, где немного «режется кадр». Марина так на него посмотрела…

Высоцкий отпустил себе бороду, когда был в Париже. И я уговорил его сняться в таком виде. Лопахин получился чудо как хорош! Заодно Володя попросил, чтобы я сделал пробы для фильма о Пугачеве — раз уж он отрастил бороду (они с Мариной хотели сыграть: Володя — Пугачева, а Марина — Екатерину Вторую). И я сделал эти пробы. Это самые мои любимые фотографии Высоцкого. Здесь он силен, уверен… Но в фильме им так и не дали сыграть…

А на следующий день шел «Гамлет», и я уговаривал Высоцкого сняться с бородой. «Представляешь, как здорово будет: бородатый русский мужик — и в роли Гамлета!» Он вроде бы согласился. Вечером прихожу, смотрю — мама дорогая! — он побритый. Я к нему за кулисы, а он объясняет: «Любимов скандал устроил…» И я оставил в альбоме пустую страницу для несостоявшейся фотографии: тут мог бы быть Гамлет с бородой.

Некоторые фотографии я сделал у нас на даче, когда

Высоцкий с Мариной Влади приезжали к нам в гости (это было в 1976 году. — В.П.). Дача была литфондовская. Как раз тогда Марина привезла Володе первую машину — «рено» (это уже потом он пересел на «мерседесы»), И этот «рено»

бегал по Москве, шокируя советских граждан своими иностранными номерами. И вот они приехали к нам на дачу. Замечательный был день. Володя сидел-сидел за столом, а потом пошутил: «Ой, не могу, отравился. Пойду заведу двигатель, полежу под глушителем». Что и говорить, свежий воздух человеку городскому вреден. Но к нам они редко приезжали. Очень уж напряженно он жил.

А Марина была очень рада: «Такой воздух». Тут Володя говорит: «Может быть, и мне дачу построить…» На что Марина заметила: «Володя, ты же на ней больше дня не выдержишь».

Для оформления двух дисков-гигантов на фирме «Мелодия» нужны были фотографии Высоцкого и Марины Влади…

Для меня эти два кадра дороги еще тем, что они, напечатанные большим форматом, висели за стеклом в дверцах книжного шкафа на квартире Высоцкого и Марины Влади на Малой Грузинской. Все, кто приходил к ним в гости, видели эти фотографии, они заметны на всех снимках, сделанных в этой квартире. После смерти Володи Марина увезла их в Париж.

Двадцать шестого октября 1976 года Высоцкий побывал на моей первой персональной выставке в Ленинграде, и в книге отзывов осталось его четверостишие:

Приехал я на выставку извне,
С нее уже другие сняли пенки.
Да! Не забудут те, кто на стене,
Тех, что у стенки…

После смерти Володи нашли интервью, которое он дал в 1973 или 1974 году болгарскому радио. У него спросили: «Что в вашем представлении художник?» А он ответил: «Есть у нас такой фотограф — Валерий Плотников. Его фотографии вы ни с кем не спутаете. Вот эта непохожесть и неповторимость и отличает человека творческого от ремесленника». А я ведь часто задумывался: почему из своих многочисленных знакомых он выбрал именно меня?

Храню как дорогую реликвию буклет «Владимир Высоцкий» с надписью: «Автору этого и других произведений от его модели! С уважением и дружбой! В.Высоцкий — В.Плотникову».

По материалам В.Перевозчикова и А.Балуевой

Володя стал частенько бывать у нас, когда женился на Марине, даже — с начала ухаживания. Этот период, правда, длился недолго. Володя заходил, Марина с моей женой Лилей подружились. Кроме того, Лиля хорошо готовит, и у нас всегда можно было поздно вечером подкормиться. Нас, конечно, это никогда не тревожило. Просто мы знали: после спектакля обязательно заедет Володя по пути к маме в Черемушки, где он жил в то время.

Два события я запомнил очень хорошо, потому что они сделали Володины посещения регулярными. Первое — появление у него автомобиля. Позже машины для него сюда перегоняла Марина. Она всегда ехала через Польшу. Там у них был друг — Даниэль Ольбрыхский, и они пользовались любой возможностью, чтобы заехать к нему.

А второе — то обстоятельство, что почти первый дом, куда Володя привел Марину, был наш дом. И в декабре 1970-го, расписавшись, они пришли к нам прямо из загса. Это лучше помнит Сева Абдулов, он их привез.

Зураб Церетели действительно устроил им свадебное путешествие. Очень короткое — четыре-пять дней. Самолетом — в Тбилиси. Их шикарно там принимали.

А с Церетели Володя познакомился через меня. Тот был моим приятелем, моим и Гали Килемской. Он жил у Гали на Беговой в кооперативном доме кинематографистов, почти вплотную к ипподрому, на 6-м или 7-м этаже.

Вечерами Володе с Мариной было негде посидеть, к тому же Марина, как только их отношения стали серьезными, стала приезжать с детьми. Она просто завозила сыновей Лиле, потому что та художница и работает дома.

Этих двух маленьких бандитов (прекрасные дети, но очень самостоятельные) она привозила утром, потом моталась по городу и возвращалась вечером. Детей укладывали в маленькой комнате вместе с нашим сыном Женей или забирали, если они были подъемные. Но в памяти одно: как я без конца тащу на плече младшего Володьку, такого сонного, что можно резать на куски.

Петя был мягким парнем, играл на гитаре. Флегматичный, себе на уме. А Володька — абсолютная ртуть, чистый бесенок, который переворачивал все, что было возможно, в доме и тут же засыпал. Считалось, что так и надо — мы не реагировали.

Марина как-то выпустила Володьку в Черемушках на улицу, чтобы он научился русскому

языку. И через два дня все дети там заговорили по-французски. Все, что им надо было сказать, он заставил выучить по-своему. Во дворе его звали Сова («Эй, Сова, когда выйдешь на улицу?»), потому что он кричал: «Коман сова!» — «Пошли, пошли, идите сюда!»

С той поры все праздники мы отмечали вместе у нас дома: и Володины дни рождения, и театральные премьеры, и Новый год, и Пасху, и Рождество — все что угодно. И 1 мая нужно было посидеть, и 7 ноября — непременно. Любым случаем пользовались, чтобы собраться вместе.

С 1970 года и до окончания работы над «Арапом Петра Великого» Володя заходил 3–4 раза в неделю. Когда они переехали в Матвеевское, Марина нередко забрасывала детей к нам: это было по дороге.

Володя иногда оставался ночевать у нас, тогда сын спал с нами в проходной комнате. Когда гости расходились, Володя всегда писал. И вставая рано утром, чтобы идти на съемки, я видел, что он сидит за столом и работает. Что конкретно писал, не знаю: никогда не заглядывал ему через плечо.

Спал Володя мало, четыре-пять часов. Три часа — это уже легенда. Нормой было пять часов. Мы обсуждали это с Долецким. Я говорю про Володю:

— Что же он так работает, он же с ума сойдет!

А Долецкий объясняет:

— Это такой тип нервной системы. Называется астенический гипоманьяк.

Квартиру на Малой Грузинской мне устроил именно Володя. Я переехал туда на полтора года

позже него, так что на известных фотографиях, где Плотников снял гостей в Володиной квартире, не новоселье, а какой-то другой праздник: к тому времени мы уже жили в этом доме. (В.Абдулов, также находившийся среди гостей и запечатленный на фотографиях, считал, что они сделаны 25 января 1976 года, в день рождения Высоцкого. — В. П.)

На Грузинской открытый дом был у Володи, собирались у него. У меня он бывал, только когда приезжала Марина. Из новых знакомых в этой квартире появился, кажется, только Туманов, остальные — прежняя компания.

Римма Туманова

В первый раз я увидела Володю, когда Вадима не было. Просто звонок в дверь, я выхожу… Смотрю — стоит. Он же

небольшого роста. Но улыбка-то до ушей! Но рожа-то симпатичнейшая! Пошутила: «Господи, такой малый, а уже ВЫСОЦКИЙ!» Он смотрит. Потом — на тебе, с порога: «Римм! Я так жрать хочу!» Он это так сказал, что я растаяла вконец и от меня вообще ничего не осталось. Я помчалась на кухню, стала там что-то готовить… Он попробовал и спросил серьезно: «Что это такое?» А я говорю: «А-а, вкусно? Твоя Марина никогда так не сделает…» — «Да ладно тебе, она хорошая баба!»

Марина… По моим скромным понятиям, она человек безусловно одаренный. Но она очень хладнокровный человек, с сильным характером. С сильным! Володе ведь и нужен был сильный характер, ему не нужна была размазня.

Марина относилась ко мне очень хорошо. Правда, только потому, что я была женой Туманова… Но когда мне было очень плохо, я лежала в больнице, Марина во Франции доставала мне лекарства, пересылала самолетом. У меня до сих пор хранится ее записка, как надо этим лекарством пользоваться.

Я и все Володины подарки храню — целый ящик! Однажды привез шикарный набор авторучек: «Римма, ты же, наверное, что-то там пишешь!»

Я посмотрела на них: «Володя, что я, сумасшедшая?! Такими вещами не пишут, такими вещами хвастаются!»

Щедрость его — она же никакого предела не имела, у него что-то заведется, малейшее что-нибудь — он должен всем подарить, всех сделать счастливыми! И смотрит в глаза, — нравится или не нравится, счастлив ты в этот момент или нет?

Он же все раздаривал, да и раздавал просто… У кого какое несчастье — к нему… Пришла к нему женщина, что-то случилось с дочкой. Володя открыл шифоньер, вещи вот так собрал — в том числе и Маринины — и отдал. Мне Вадим это рассказывал, а я говорю: «Ну, Марина ему всыплет!» — «Нет, что ты! Ничего не скажет, она просто знает Володю».

Вадиму привезли подарок, такая красивая бочечка с обручами, изумительная, настоящая «омулевая бочка». Я говорю: «Вадим! Омулевая!» А Вадим: «Давай Володьке отдадим!» Я засопела: «Опять Володьке? Если что у нас вкусное в доме — все ему…» — «Ну, Римм! Ну давай отдадим! Ему будет так приятно, ведь он в жизни не ел из омулевой бочки!»

И мы поехали с этой бочкой к Высоцким. Приехали. А Володька сразу понял, что мы есть хотим. «А мы сейчас что-нибудь придумаем! Мы сейчас что-нибудь придумаем!» И вот он носился туда-сюда, что-то подавал…

А Марина развлекает гостей шемякинским альбомом — большой альбом, красивый. В прекрасном исполнении. И я его

просматриваю. Естественно, ничего такого я нигде видеть не могла. А там было изображено, к примеру, такое: большое поле, а на нем во взвешенном состоянии всякие черепа… Марина у меня спрашивает: «Ну как?» — «Мне кажется, что никто ничего не понимает, когда смотрит на эти шемякинские вещи». — «Но он же столько денег заработал за очень короткий срок!» — «Ну и что, может, это назло нам там его покупают… Ведь ничего же непонятно!» — «Ну, возможно, здесь что-то о потустороннем мире, что-нибудь о высшем смысле нашей жизни…»

Я перевернула еще листа два, а там вообще была какая-то синяя рожа со слоновьим хоботом. Марина говорит: «А это как тебе?» Я бы могла, конечно, изобразить: «Ах, какая экспрессия! Какие краски! И как меня все это воодушевляет!» Но я честно сказала, что ничего не понимаю. И никто ничего здесь не поймет. Марина была поражена, даже немного шокирована: «Когда мне очень тяжело, я смотрю на эту картину…» Ну а я отвечаю: «Тогда, Марина, тебе, наверное, не было тяжело по-настоящему…»

И тут Володя видит, что между двумя женщинами получается что-то такое, не очень хорошее… Он к нам подходит… И здесь он тактично поставил меня на место, но я ему простила, потому что надо было выкручиваться. Он говорит: «Марина, ты не понимаешь, нет, не понимаешь! Ты совсем недавно узнала, что такое очередь за колбасой! И вот этого ты тоже не понимаешь… Наши люди воспитаны на художниках-передвижниках, и дай Бог, чтобы на них! Римма, я правильно говорю?» Я говорю: «Абсолютно!» Вот так Володя замял это дело… Ну а потом он стал мне говорить, что Шемякин — замечательный парень, что в Париже целый день они говорили о Туманове и что Шемякин не выдержал и подарил Туманову книгу. Вот такая история…

Собралась однажды у нас компания. Пришел Сева со своей очаровательной женой, был, по-моему, Слава Говорухин со своей Галей, Марина сидела где-то в глубине комнаты на диване… И еще несколько человек, всех не помню. Ну а я «уродовалась» на кухне.

Я хорошо помню, что Сева Абдулов был тогда не то что в ударе — это был его звездный час! Ни до того, ни после того таким я Севу не видела. Что он вытворял! Он читал такие изумительные стихи, он говорил такие комплименты, он пел, он танцевал танго, и он так острил, что хохот стоял неимоверный. И все его подзадоривали, все ему аплодировали, все его ужасно любили. Действительно — душа компании! И Сева был счастлив!

Володя пришел с большим опозданием, наверное, мы его ждали… Ждали, когда закончится спектакль… Так вот, пришел Володя — замученный такой, уставший, серый, вымотанный, по-

моему, после «Гамлета». Он сел, чего-то похватал: ведь он не ел почти, он делал такие хватательные

движения — раз-два и сыт. Потом он посмотрел на нас всех, мы все сочувственные такие, пьем как всегда: «Выпьем за то, чтобы Володя не пил!» И тут Володя взял себя в руки и выдал второй «спектакль». Это был, конечно, люкс! Он копировал какого-то старого еврея, показывал каких-то знакомых грузин… Причем все это делал по-доброму. Это были пародии на самом высоком уровне, самого высокого класса. И никого не стало! Больше никого и видно не было!

Вадим Туманов

С Мариной Влади я познакомился на Малой Грузинской, в новой квартире Володи. Она придирчиво меня разглядывала, но у нас сразу возникли теплые отношения. Володя очень трогательно относился к жене и заливался смехом, когда она, вернувшись из московских гастрономов, принималась рассказывать очередную приключившуюся с ней историю. Однажды она пришла из «Елисеевского» в норковой шубе и с двумя авоськами. «Ты что такая злая?» — спрашивает Володя. Марина рассказывает, чуть не плача. Стоит в очереди. В магазин заходят двое и обращаются к ней: «Кто крайний?» Для нее, француженки русского происхождения, было не совсем ясно, почему этих господ интересует не последний, а крайний. Ведь у очереди два края. И пока она прокручивала в голове лингвистическую проблему, один из подошедших мсье говорит другому мсье: «Видать, с. а, не русская!»

Мы посмеялись.

Мы с Мариной не всегда понимали друг друга. Однажды она попросила меня поехать с ней

в Подмосковье и посмотреть место, которое она выбрала для строительства дачи. Марина села за руль своего «мерседеса». Она что-то интересное рассказывает, а я плохо вникаю: слышу, как машина то и дело цепляется днищем о дорогу. Мне это как ножом по сердцу. Жалко машину. Не выдержав, я перебил ее: «Слышишь, как цепляется?!» У Марины округлились глаза, и она посмотрела на меня как на идиота: «Но железо! Что ему будет?»

Два мира — два отношения к вещам.

Марина сыграла большую роль в жизни Володи. Если бы не ее участие в руководящих органах Французской коммунистической партии, власти обязательно нашли бы вариант, как всерьез при-копаться к Володе. В этом смысле

Марина была, к счастью, его ангелом-хранителем.

Со свойственной ей интуицией она очень быстро поняла масштаб личности Высоцкого. Как-то они вместе прилетели в Лос-Анджелес. В Голливуде в честь знаменитой актрисы был устроен большой прием. Под конец вечера Володю попросили спеть. Он был очень смущен. Ему казалось, что эта пресыщенная впечатлениями публика, самовлюбленные кинозвезды вряд ли поймут его песни, тем паче на непонятном им языке. Он спел одну песню, его попросили еще, потом еще… Пел около часа. Все были потрясены. Натали Вуд бросилась ему на шею и поцеловала. Как заметил один из участников приема, приехала Марина Влади со своим мужем, а уезжал Владимир Высоцкий со своей женой.

Чтобы не сложилось неправильного впечатления о моем отношении к Марине, расскажу такую историю. Часа в два или три ночи меня разбудил

сын: «Звонит какая-то женщина». Я взял трубку и услышал голос Влади: «Вадим, Тарковский очень тяжело болен. Я договорилась с послом, его сына и мать его жены выпустят во Францию, только им надо помочь деньгами. Если у тебя есть возможность, нужно четыре тысячи».

Деньги были переданы Тарковским, и они улетели во Францию. Представляете, в те годы — скольких трудов ей стоило добиться разрешения на выезд. Марина всегда была человеком, который старается помочь.

В двух случаях я не могу с Мариной согласиться.

Она часто и подолгу жила в Париже, Володя оставался один, с ним рядом почти всегда находились люди, в том числе женщины. На второй или третий день после Володиных похорон Марина звонит мне и просит срочно приехать. Дома за столом сидели Володарский с женой, Макаров, Янклович, Сева Абдулов, кто-то еще. Человек девять-десять. И вдруг Марина обращается ко мне: «Вадим, я считала тебя своим другом, а ты молчал, что у Володи здесь была женщина, — правда это или нет?» Об этом ей сказала жена одного из Володиных приятелей. Я ответил: «Марина, во-первых, даже если бы это была правда, я все равно бы ничего тебе не сказал. Во-вторых, это чистая чушь, и тот, кто тебе это сказал, — он среди нас, — это настоящая сволочь. И мне очень неприятно, что все это происходит, когда не время и не место об этом говорить, даже если бы что и было».

Все молчали. Я повернулся и уехал.

В другой раз я позволил себе не согласиться с Мариной, когда прочитал русский перевод ее книги «Владимир, или Прерванный полет». Там много верных и тонких наблюдений, но Марина, по-моему, обнаружила совершенное непонимание

взаимоотношений Володи с отцом и матерью. Ей представлялось, будто между родителями и сыном было полное отчуждение. Это не имеет ничего общего с тем, что наблюдал я. Как в любой семье, среди родных людей всякое бывает. Но я видел, что делалось с Володей, когда отец лежал в больнице. Как он носился по городу, доставая лекарства, как заботлив был с отцом в больнице. Бесконечное число раз я слышал, как он говорил по телефону с мамой. Даже когда страшно торопился куда-нибудь, всегда находил время позвонить и всегда: «Мама… Мамочка…»

Потом сама Марина признавалась: «Хотя я и старалась писать только правду, в чем-то я могла ошибаться».

Кирилл Ласкари

Так получилось, что в Париж мы прилетели в один и тот же день — 13 июля 1975 года — Володя с Мариной и наша труппа. Войдя в номер отеля «Скраб», позвонил им, но никто не ответил. Так продолжалось до середины дня. Я начал волноваться. Но вот решительный стук в дверь, на пороге — улыбающийся Володя.

— Телефон не работает. Одевайся. Мариночка внизу, в машине.

За рулем Марина, я рядом. Володя обнял меня и сунул в карман рубахи пятисотфранковую банкноту (тогда это была приличная сумма):

— Ни в чем себе не отказывай. На шмотки не трать. Ешь, пей, ходи в кино. Гуляй, рванина!

Они жили в районе Латинских кварталов на улице Руслей в небольшой белой квартире на втором этаже. На подоконнике консьержки всегда сидел серый кот с ошейником. Напротив дома — иранский ресторанчик, где Марина с Володей часто обедали. Через несколько дней, после первого спектакля «Ромео и Джульетта», на который они пришли с сестрой Марины Таней, мы ужинали в нем.

Несколько столиков, покрытых красными скатертями, на стенах картины модернистов. Обслуживали хозяин-иранец с женой, бегали по лестнице, ведущей на второй этаж, их дети.

— Художники иногда рассчитываются за еду картинами, — сказал Володя, кивнув в сторону одного полотна. — Этот иранец — мафиози, правда, Мариночка?

— Тихо, Володя. Не говори глупостей.

— Мне тут на днях не спалось. Подошел к окну… Роскошный заказной «мерседес» с выключенными фарами, — в нем какие-то мужики курят… Смотрю — этот тип, оглядываясь, вышел из

дверей и шасть в машину; та — газу и умчалась на полной скорости. Я его на следующий день спросил, куда это он ночью ездил. Морда стала красная: нет, говорит, я спал. Конечно, мафиози. Черт с ним, готовит вкусно, — беря руками люля-кебаб, подытожил.

Потом провожали Таню до ее дома в центре Парижа, с чугунными красными воротами.

— Хочешь, я тебя женю на Тане? Хорошая баба. Будешь жить в замке. Латы тебе справим, меч выстругаем, — смеясь, говорил Володя.

…И Тани уже нет, милой, доброй Одиль Версуа. Время, назад, назад! К тем, кого я знал и не забуду…

В Париже в его комнате на столе лежал томик Солженицына. Листы исписанной бумаги, на стуле гитара. Марина принесла блюдо с несколькими сортами сыра.

— Кириль, хочешь коньячка, армянского?

— Хочет, — за меня ответил Володя. Напиток больше походил на чай с коньяком.

— Пожалуй, и я… — сказала Марина и, выпив, удивленно посмотрела на меня:

— Это же почти чай! Почему ты не сказал? К нам ходит женщина, помогает, — значит, выпила. Она вообще пьянчужка. Заметала следы чаем. Я ее выгоню…

Через несколько дней Марина должна была уехать на съемки в Испанию, но что-то не получилось, и они с Володей улетели в Канаду и Америку (нет худа без добра).

Показывая мне Париж, Володя хотел казаться хорошо знающим этот город, чувствующим себя в нем как рыба в воде. Но увы… Довольно часто мы попадали с ним в забавные ситуации. О чем в то время мечтал каждый молодой мужчина, попавший за границу? О джинсовом костюме, конечно. Я не был исключением. Да и Володя считал, что он мне просто необходим.

— Я знаю здесь рядом американский магазинчик. Там этого говна… И дешево.

Мы спустились в подвал, заваленный и завешанный товарами из джинсовой ткани. Глаза разбегались. Покупателей не было. Двое парней-продавцов в залатанных джинсах и жилетках из той же ткани явно скучали.

Меня обряжали черт знает во что. Руководил примеркой Володя. Неожиданно с гиканьем в подвал ворвалось странное существо с ярко

накрашенными губами, шляпке с пером и манерами барышни очень легкого поведения. К моему удивлению, это был мужчина. Чмокнув в щеки хозяев, он кинулся к Володе, пытаясь его

облобызать тоже.

— Но, но, но! Ты это брось! — отстраняясь от него, громовым басом на чисто русском языке прокричал Володя. — Пидерас, — объяснил мне.

— Москва! Руссо! — обрадовалось существо и, сплясав то, что в его представлении являлось танцем уроженцев нашей Родины, кинулось на меня.

— Рассчитывайся и бежим, а то он тебя… ты ему понравился, — говорил Володя, оттаскивая от меня существо. Продавцы хохотали.

Когда уже дома Марина узнала, сколько мы заплатили за костюм и где его купили, она ужаснулась нашему, вернее, Володиному легкомыслию. Подвал считался одним из самых дорогих — даже для состоятельных парижан — модных магазинов.

Нет, не был Володя своим в Париже. Зря боялись. Напрасно трепали ему много лет нервы с выездом за границу.

— Уй, уй, уй… Нон, нон. Нон, компран. Марина променад на Мосфильм. Фу ты черт! Кирочка, как будет «пошла на студию»? — Повесив трубку после очередного звонка, вздохнув, сказал: — Вот так-то. Трудно.

Обожал кино. Был день, когда мы посмотрели с ним подряд четыре кинофильма, причем он — по второму разу, из-за меня: «Ночной таксист» с Репаром, «Полет над гнездом кукушки» с Николсоном, вестерн с Альпочиной и «Эммануэль» на Елисейских полях, где этот «шедевр» шел несколько лет бессменно. Всю картину Володя острил, смеялся и предвосхищал события на экране. В зале, кроме нас, сидели еще несколько иногородних. Когда включили свет, лица у многих были пунцового цвета. У меня, по-видимому, тоже. Володя — само спокойствие. Ходили на пляс Пигаль. Смотреть проституток.

— Хочешь приценицься?

— Нет, — твердо сказал я.

Он подошел к одной, самой вульгарной и не самой молодой…

— Нахалка, — сказал, вернувшись ко мне, — совести вот ни на столько, — показал ноготь мизинца. — Ее цена — три пары обуви. Я вот эти, — поднял ногу, — второй год ношу. — Обернулся в сторону проститутки и погрозил ей пальцем.

— Совсем сошла с ума, фулюганка, — прокричал. — Пойдем, перекусим.

Семнадцатого июля мне исполнилось сорок лет. В номер набилось много народу, даже те, кого я не приглашал. Слух о том, что поздравить меня пришли Влади с Высоцким, разлетелся

молниеносно. Володя хотел после, так сказать, официальной части увезти меня в Мулен Руж, где их ждали Люда Максакова с мужем. Но… меня, как маленького мальчика, в столь злачное место не пустило руководство поездки. А хотелось, ах, как хотелось!

Когда остался один, развернул небольшой сверток — подарок от Володи с Мариной. Русский серебряный портсигар с моими инициалами на крышке (удивительное совпадение) и автографами внутри — тех, кто когда-то в 1910 году в Петербурге преподнес его своему другу или

сослуживцу. Портсигар был куплен Володей в антикварной лавке. Внутри лежали — и лежат по сей день — два листка бумаги с написанными на них красным фломастером словами: «Кирилл! Я тебя люблю и поздравляю. Высоцкий (роспись). Кирочка. Будь счастлив! И здоров, и богат! Марина».

Чуждое нашей тогдашней идеологии понятие — «богат». Такую «глупость» мог пожелать только человек, воспитанный в прогнившей капиталистической системе. Хотя…

— Я не люблю, когда кто-то зарабатывает больше меня, — сказал Володя, когда выяснилось, что наш гонорар за «Пароход» намного меньше, чем у композитора.

«Цель оправдывает средства!» — написал в моей телефонной книжке и нарисовал свой профиль, пока ждал разговора с Мариной. С Парижем его соединяли знакомые телефонистки…

Ревекка Шемякина

Ревекка, до знакомства в Париже вы знали Высоцкого?

Знала, конечно, но только по песням. Ведь мы с Мишей уехали из России в 1971 году.

А личное знакомство — когда и при каких обстоятельствах?

Когда — это я вам точно не могу сказать, а вот обстоятельства были довольно интересные. Нас пригласил Миша Барышников, он танцевал в тот вечер в «Гранд Опера». Танцевал всего пять минут — кажется, отрывок из «Дон-Кихота» — и еще было много всяких французов. Публика этих французов смотрела так… спокойно.

Но когда вышел Барышников — ох, какие были аплодисменты!

После выступления он пригласил нас за кулисы, вот там мы и познакомились с Володей и Мариной. А позже мы узнали: оказывается, эти пять минут — как он тогда прыгал, летал! — эти пять минут Миша танцевал со сломанной ногой. И когда мы

вместе возвращались домой, Миша, выходя из лифта, чуть не упал.

Насколько я знаю, вы поехали в замок к Одиль Версуа?

Да, нас всех вместе погрузили в машину, и мы поехали к сестре Марины — Татьяне, к Одиль Версуа. Володя много пел в тот вечер.

И ваше первое впечатление?

Ну, у нас как-то сразу все получилось. Сразу! С Барышниковым Шемякин так и не подружился — были знакомы, и все. А вот с Высоцким — сразу! Как-то это неожиданно вышло, что все получилось сразу, в первый же вечер.

Михаил сказал мне, что это была «дружба с первого взгляда»…

Совершенно верно. Володя пел, я ревела. Миша тоже был совершенно потрясен. До этого, честно говоря, мы Володю не очень хорошо знали. Песни слышали, конечно, говорили о них, но… В ту пору мы же были питерские пижоны, любили классическую музыку и не очень обращали внимание на такого рода песни. А тогда… тогда мы были потрясены!

А как дальше развивались события?

Все пошло очень быстро. Очевидно, на следующий день Володя с Мариной были у нас дома.

Я помню, как в тот вечер мы пешком шли по Парижу… Володя и Миша очень любили идти вдвоем — и говорили, говорили, говорили… Они так подружились, что иногда Володя прямо из аэропорта ехал прямо к нам. А Марина сердилась — ревновала… Однажды Володя прилетел, Марина где-то снималась. Миша был в Нью-Йорке — и он остановился у нас. И Марина была спокойна, по-моему, ревновала она Володю только к Мише. А к нам с Дорой (дочь Ревекки и Михаила Шемякиных. — В.П.) она его отпускала спокойно. Я потом Мише об этом рассказывала. Было исключительно уютно: я лепила, стояла у станочка. А Володя лежал на диване — у меня там был чудный диванчик, телефон рядышком, все его любили — и вот Володя лежал на диване и читал. Что же он читал? По-моему, Ефремова, «Таис Афинская».

А когда Шемякин стал записывать Высоцкого?

Довольно быстро. До этого Миша уже сделал диск Алеши Дмитриевича. И вообще в этом отношении Шемякин — человек очень серьезный. Как только они с Володей познакомились, он сразу купил какой-то особенный — какой-то просто замечательный — микрофон. Мишенька же всегда все делает с размахом! И они сразу же начали работать. Миша сказал: «Володя, как только ты будешь приезжать, мы будем записывать.

Это серьезная работа».

А как это происходило?

Они записывали, а мы с Дорой сидели рядом. Я всегда там околачивалась, я же работаю дома… Дора иногда сидела на полу… Марина приезжала

и уезжала… А Володя всегда стоял — он мог записывать свои песни только стоя.

Общение, работа — а чем еще занимался Высоцкий в Париже?

Он постоянно был озадачен одним: кому-то надо достать лекарства, кому-то — вещи («друзьям надо!»), что-то еще… Я ему иногда что-то покупала… А Марина мне сказала однажды: «Этот нескончаемый поток…» Она, конечно, все понимала и сказала это почти с восхищением…

А вы знаете историю песни «Французские бесы»? Про этот знаменитый загул Высоцкого и Шемякина сначала в ресторане «Распутин», а потом в «Царевиче»…

Ну а как же! Мы сидели с Мариной у нас дома и ждали их. Ждали всю ночь, с ума сходили… Марина позвала Шемякина, а потом вышибла их из дома… Но приехала, мы сидели на кухне и курили, курили, курили… Я уж не знаю, сколько сигарет мы выкурили! Марина сидела совершенно бешеная. Я говорю: «Ну, Марина, давай с юмором к этому относиться». А ей было не до юмора, она очень сильно переживала. А еще у нее утром была съемка кажется, в «Марии Антуанетте» — ей надо было быть свежей и красивой. А она сидела у нас на кухне и сходила с ума… Потом она все-таки уехала. Сказала мне: «Как только они появятся — позвони». Но вот только был ли это тот самый случай?..

Да, именно тот. Марина Влади вызвала Михаила, а потом там что-то произошло…

И она их выгнала… А поскольку Михаил поехал спасать Володю, когда раздался звонок в дверь, я была уверена, что Шемякин несет на руках Высоцкого… Открываю дверь, а моего Мишу держат под руки с двух сторон! С одной — наш здоровенный консьерж, а с другой — какой-то незнакомый мужик, тоже здоровый (как выяснилось потом, распорядитель из ресторана) — Мишенька висит между ними, а Володи нет.

А можно ли это рассказывать?! Я тут не сплетничаю? Ну, если Миша вам сам рассказывал — ладно. Все мы Володины родственники… Вся Россия его родственники. Так вот, Миша ничего не мог тогда сказать, тяжелый был Мишенька. Внесли его эти два здоровенных мужика и положили — бросили! — на кровать. Миша спал на кровати, а я ждала — Володя же должен

был прийти. Жду. Звонок — я открываю дверь. Володя стоит. Стоит! Сам добрался! И первые его слова: «Ну, Мишка гад! Друга бросил!» — «Володенька, какое бросил! Его же внесли! Еле дотащили!» А Володя ничего не видит и не слышит, у него — монолог: «Мишка… Друга бросил!» И тут же пытается упасть. Ну, Володю я все-таки смогла взять на плечо… На плечо — и рядышком с Мишей, на диванчик. И вот так один на кровати спал в сапогах, другой — на диванчике. Володе стало плохо, он же болен был. Очень плохо… Тут же я позвонила Марине. Она вызвала врача, который занимался Володей постоянно. Видимо, домашний врач, почти друг… И вот ночью этот врач приехал Володю спасать, сделал какие-то уколы.

Так они и лежали рядом, голубчики… Марина дала приказ: «Не выпускать» — и уехала на съемки. И когда они проснулись, они захотели «функционировать»! Но Марина же сказала: держать! — и я пыталась держать! Я взяла сковороду — была такая тяжеленная чугунная сковорода — и сказала: «Я вас не выпущу! Марина приказала!» А Володя: «Мишенька, а я думал, что она у тебя ангел!» Но они же такие умные, такие — гады! — хитрые, даже в таком состоянии смылись. Они меня просто обманули. Один закричал: «Рива! У тебя на кухне что-то горит!» Я как дура понеслась на кухню, а они моментально улизнули.

А когда это было, в каком году?

Я же говорю, что у меня женская память… Это Миша может вам точно сказать — у него память логическая… А у меня какие-то фрагменты… События всплывают, а в каком году? Я так не умею запоминать…

Последний приезд Высоцкого в Париж вы запомнили?

Это когда Володя лежал в больнице и сбежал оттуда? Да, это май 1980 года… Миша мне про это рассказывал… Что Марина положила Володю в больницу, что он ходил в красном и что он сбежал оттуда… А потом умерла сестра Марины Влади — Татьяна. Да, это было за пятнадцать дней до смерти Володи, и Марина тогда все говорила: «Господи! Хоть бы Володька не умер! Хоть бы не умер!» Меня это поразило, что она это ТАК говорила! Наверное, у нее было какое-то предчувствие… Да и всем друзьям Высоцкого, всем нам было тогда не по себе. Страшно было за него.

А как вы узнали о смерти?

Тоже страшно было… В ту ночь я спала у телефона. Моя Дора накануне попала в полицию. Просто так — взяли панков, и Дора попала за компанию. Ну, я, конечно, перенервничала, лежала у телефона, ждала звонка… И вдруг очень рано, часов в семь утра, звонок! Я вскочила — Миши не было в Париже, — взяла трубку. И

вдруг голос Марины: «Ривочка, Володя умер». Она это сказала, я выронила трубку… А потом даже не помню некоторые моменты… Марина сразу же приехала — мы тогда уже дружили очень близко, по-семейному… И когда умерла Татьяна — Одиль Версуа, мы все вместе хоронили ее… Мы с Мишей ездили и в больницу, где она умерла, и на похороны. Марина говорила, что последнюю ночь они с Татьяной провели вместе, лежали рядышком… Таня была удивительная женщина. По-моему, она болела лет семь-восемь и знала, что обречена… Ходить уже не могла, передвигалась на костылях — и еще играла в театре! Ей делали какие-то сильные уколы — и она играла!

Высоцкий дал в Париже несколько концертов — вы были на них?

На одном. Это было после какого-то их с Мишей загула… А Марина уже организовала концерт, все было назначено. Это был страшный концерт: Володе было плохо, плохо с сердцем… В зале, конечно, никто ничего не знал, но мы-то видели! Володя пел, пел как всегда, пел замечательно, но мы-то знали, какое это было напряжение! Потом мы зашли к нему за кулисы в артистическую, я подошла к Володе… Помню, он так схватился за меня — весь зеленый и в поту. Страшно.

Вы где-то бывали все вместе?

Мы были на французской ярмарке — это не торговля, а всякие увеселения. И вот однажды мы все вместе отправились туда — катались на таких смешных колясочках. Ох как мы веселились!

У Миши есть много чудных фотографий, ну, всяких там замков монстров. В этих колясочках мы въезжали в темноту, а там такие актеры — лохматые. Они очень добросовестно играли, особенно на женщин набрасывались — пугали. Володя тогда много смеялся.

А чему еще радовался Высоцкий в этой жизни?

Очень любил наших животных. Обожал нашего пса. Урка — это бультерьер, редкая порода… А Урка, когда приходил Володя, так радовался, что скакал кольцами, крутился таким колесом! А еще Володя любил моего попугая Вавочку. И очень его смешило, когда Миша брал варежку… Как говорим мы с Дорой, «Вава был холуй!» Это был подлый попугай, он нас обижал! А Мишу он боялся, потому что Миша бил его ватной варежкой. И как только Миша брал эту варежку, Вава делал так лапкой, наклонял голову и как француз говорил: «Са-ва… Са-ва…» Володю это очень смешило… И когда он приезжал, мы ему рассказывали новые истории про Ваву.

А что любил поесть Владимир Семенович?

В общем, он ел все. Но, как я поняла, любил сладкое… Боже мой! Вот тут я преступница! Я же ему обещала торт «Наполеон»! В России я была даже знаменита своим «мокрым Наполеоном». Все пекли с густым, жирным кремом, а я делала «мокрый». Я Володе несколько раз обещала. И он спрашивал: «Ривочка, ну когда же будет «Наполеон»?» А я так и не собралась… Мы потом вспоминали с Мариной, что Вовочка так и не попробовал мой «мокрый Наполеон»…

Март 1991 года. Москва.

По материалам В.Перевозчикова

Марта Мессарош

Марта встретилась с Мариной Влади, которую знала по съемкам в фильме Миклоша Янчо «Сирокко».

…И когда я попросила дежурную передать, если придет Высоцкий, что мы с Мариной внизу, та взглянула на меня как на сумасшедшую: «К вам? Высоцкий?» — «Да, а что?» Она как на Бога посмотрела на меня и уже совсем по-другому ко мне относилась. До этого я не знала, что здесь такой культ Высоцкого. Потом он пришел, и мы отправились в ресторан. Помню, все танцевали вокруг нашего столика страшный танец. А я никогда не слышала, как пел Высоцкий, и думала: что это? Маленький человек Такой смешной… Но не было времени поговорить.

В следующем году Театр на Таганке приехал в Будапешт на гастроли, и Володя позвонил, стал заходить ко мне после спектаклей на чай. Выпивал два литра чая из огромного чайника, и говорил, говорил, и звонил…

Звонил так: сначала в Москву на Центральную. Там у него была какая-то девушка — Наташа, Анюта… Всегда другая. Высоцкий говорил мой номер в Будапеште, и она ему включала весь мир: Нью-Йорк, Париж… Он без конца говорил и курил. Потом уезжал спать часа на три.

Высоцкого в Венгрии никто не знал, и я устроила так, что собрались мои коллеги, и он пел. Тогда я впервые услышала его пение… Был большой успех. Володю просили петь еще, и он охотно пел снова.

Потом я организовала, чтобы Володю записало Венгерское телевидение. Его сначала не хотели снимать, потому что «нет денег», потом стали снимать, потому что он из театра Любимова (на спектакли ходило очень много людей). А когда послушали, как Высоцкий поет, стали снимать еще.

Через неделю в Будапешт приехала Марина со съемок,

кажется, из Испании. А у меня уже был сценарий «Их двое», и по сценарию мне была нужна еще красивая, но уже не очень молодая женщина. Когда мы с Володей поехали встречать Марину в аэропорт, я ее увидела и сразу предложила роль. Она прочла сценарий и согласилась, ей очень понравилось. Это было осенью.

А весной Марина продолжала сниматься у меня, в то время как Володя в Париже делал пластинку и что-то у него не ладилось. Они каждый день говорили по телефону, и были какие-то напряженные отношения… Наконец он сказал, что прилетает.

Мы сидели с Мариной в аэропорту — была неплохая, солнечная погода… Но вдруг спустился туман, и самолет, не заходя на посадку, полетел дальше до Белграда. Оттуда Володя приехал поездом в шесть утра. Отношения между ними оставались натянутыми, как Марина и пишет в своей книге.

А я старалась придумать что-нибудь такое, чтобы они помирились, чтобы он тоже поехал с нами на съемки в маленький город Цуонак… и предложила Володе сыграть этот известный теперь эпизод. В конце концов атмосфера съемок их помирила.

Потом по дороге в Будапешт они начали говорить, что нужно бы сделать фильм, что русские обещали снять картину, где он играл бы Пугачева,

а она — Екатерину, а потом не захотели, чтобы снимался Высоцкий, и не сделали фильма.

Марина вообще мне рассказывала, что когда она не была женой Высоцкого, ей все все обещали, а когда приехала в Союз, то даже Тарковский боялся с ней работать.

Тогда мы подумали, что надо бы снять такой фильм, что Марина попробует достать деньги… Но не получилось.

После этого были еще встречи с Володей в Париже — кажется, дважды…

Дмитрий Чижков

Когда на панихиде я издали увидел Марину, то подумал, что надо найти повод для встречи с ней. Вероятно, это произошло потому, что в то печальное утро я как фотограф имел возможность, не привлекая к себе внимания, рассмотреть Маринино лицо, попытаться представить себе ее душевное состояние. И неожиданно я понял, что эта женщина, оказавшаяся в сложнейшей и драматической ситуации, совсем не растеряна. В безмерном своем горе она предельно собрана, сосредоточена, словно уже приняла — на четвертые сутки после трагедии — какие-то глубоко продуманные, может быть, пока скрываемые от

посторонних, решения — как же ей жить дальше. И подумалось тогда, что, невзирая на внешнее спокойствие Марины, возможно, она нуждается в помощи и поддержке.

Поэтому на следующий же день после вселенского прощания с Володей я обратился к Михаилу Леонтьеву, доброму знакомому и покровителю всех фотографов страны, с просьбой о встрече с Мариной. Задача была решена им через известного в театре и кино фотографа Валерия Плотникова, чьи снимки Володи и Марины хорошо известны. Правда, встреча эта состоялась лишь через месяц…

24 августа 1980 года меня ожидала встреча с Мариной Влади. Встреча эта неожиданно определила на следующие два года меру моего участия в делах, связанных с памятью Высоцкого.

В воскресенье, за десять дней до Володиных сороковин, мы отправились на дачу кинодраматурга Эдуарда Володарского в писательский поселок Пахру на 36-м километре Калужского шоссе. По дороге за город к нам присоединились Сева Абдулов — самый, пожалуй, близкий из сверстников друг Володи, преданнейший «оруженосец» Высоцкого, врач скорой помощи Игорь Годяев и Валерий Янклович. Последний, по существу, являлся главным «импресарио» Высоцкого, тянувшим лямку организации Володиных концертов, и тогда администратор Театра на Таганке. Кстати, Валерий даже снимался в этом до мелочей известном ему амплуа вместе с Володей в фильме Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя» в роли администратора Большого театра.

После подробного разговора с хорошо знакомыми ей моими спутниками Марина вопросительно подняла взор на меня. По причине весьма дальнего знакомства с Володей представился я предельно кратко. Выразил соболезнования. Марина устало кивнула головой. Я в двух словах рассказал о съемках Володи и показал взятую с собой фотографию из серии портретов в гримерной, на которой Володя написал мне «добро». Марина слабо улыбнулась:

— А, так это ваши снимки. Володя их любил.

Тут я набрался смелости и спросил, чем бы мог

быть полезен. Неожиданно для меня Марина оживилась и охотно ответила:

— Сейчас у меня одна забота: переснять архив.

Из дальнейшего я понял, что Марина всерьез переживает за рукописи. Что опасается всех и вся: фанатиков-поклонников, недоброжелателей, просто жуликов, КГБ, да мало ли кого могли — по ее мнению — интересовать бесценные листки, исписанные Володиной рукой. Листки, которые хранят тайну рождения его

песен, стихов, пока еще никому не известной прозы…

Я обратился к Плотникову. Нет ли у него возможности сделать эту работу? Оказалось, что, к сожалению, подобной возможности нет. После такого ответа я и попросил Марину доверить эту работу мне. Марина, обрадованная моим согласием, столь же неожиданным, вероятно, как и само мое появление, сразу же перешла на деловой тон. Прежде всего сказала о главных условиях: работа должна быть сделана срочно из-за предстоящего ее отъезда, и ни один листок не должен быть вынесен даже на короткое время за стены Володиной дачи. При этом она показала рукой через распахнутое окно на аккуратный домик с высокой крышей в глубине участка.

Ближе к вечеру проведать Марину зашел сосед по дачному поселку писатель Юрий Трифонов. Состоялся короткий разговор, который меня буквально потряс. Некое резюме, сделанное Мариной в конце этого разговора, окончательно прояснило ситуацию:

— Во-первых, ни о каком издании мною Володиных стихов за рубежом, прежде чем они будут

опубликованы здесь, на его родине, не может быть и речи. Это я обещаю. А во-вторых, весь творческий архив Владимира я готовлю к передаче в ЦГАЛИ, почему и спешу снять с рукописей фотокопии.

На следующий день работа над архивом началась. Практически всю следующую неделю я безвылазно сидел на даче.

Сначала Марина категорически не хотела появляться на Володиной даче. Жила она в доме у Володарских. Но я попросил ее обязательно приходить на дачу: бессмысленно же снимать творческий архив поэта хотя бы без самого предварительного разбора, как груду случайных бумажек. После долгих уговоров Марина появилась, вооружившись бутылкой сухого шампанского и ментоловыми сигаретами. Начала разбирать драгоценные листы, каждый из которых будил в Марине столько воспоминаний! Много за эти недолгие дни узнал я о Володе. Это наполнило иным смыслом личные впечатления от редких встреч с ним. Рассказала Марина и о самой даче — как ее задумали и строили, как мечтали пожить в ней. А провели здесь, по сути, несколько дней. Я обратил внимание, что на торцах двух ступеней винтовой лестницы на уровне головы человека среднего роста наклеена широкая пластырная лента. Потрогал. Под пластырем что-то мягкое, похоже, вата. Марина пояснила, что это ее рук дело: Володя как-то ударился головой, собравшись идти спать на второй этаж…

Работа над архивом шла споро. По мере разборки и

сортировки листов по каким-то понятным только Марине признакам я их фотографировал и сразу же проявлял пленки в ванной комнате.

По залу, на специально натянутой для этого веревке развешивал для сушки. А потом свернутые просушенные пленки Марина бережно заворачивала в фольгу и складывала одну за другой в ка-кую-то большую пиалу. Сон словно избегал меня, давая возможность быстро сделать все необходимое. Засиживались допоздна, пока Марина не уходила к Володарским. Ну а я ненадолго засыпал прямо в кресле или на диване у камина.

Когда работа была в основном закончена, Марина попросила фотографию, подаренную мне Володей, и рядом с его автографом написала: «Спасибо Вам». Поскольку к этому времени Марина разрешила мне перейти на «ты», я удивился, мол, почему «Вам».

— Да потому, что я благодарна не только тебе, но и Нилочке (жене Д.Чижкова. — В.П.), которая терпеливо переносила твое отсутствие столько дней.

За это время я действительно уезжал с дачи лишь один раз. И то не домой, а для того, чтобы с Севой взять на короткое время у Семена Владимировича Высоцкого — по предварительной договоренности с ним Марины — семейный альбом с детскими и юношескими фотографиями Володи. Некоторые из них, отобранные наряду с теми, которые были в доме у Володи и Марины, я тоже переснял по ее просьбе. <…>

В тот вечер повидаться с ней приехали Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером. Их сопровождал большой веселый черный пудель, присутствие которого как-то скрасило грустную обстановку. За несколько дней разборки рукописей Марина уже немного поборола в себе страх перед дачей, навсегда покинутой Володей. Поэтому пригласила гостей посидеть у Володиного камина. И опять — воспоминания, воспоминания…

А накануне к Марине приезжал опальный Андрей Тарковский. Разговор складывался какой-то совсем уж невеселый. Может, потому неуместной показалась мне и фотосъемка. К скорби о только что ушедшем друге примешивались неясные тревожные ожидания крутых поворотов и в собственной судьбе, в которой уже сгущались пока еще размытые тени, падающие из трагического будущего Андрея.

В один из дней моего пребывания на даче разговор продлился почти до предрассветного часа. Марина рассказывала о последнем дне с Володей, когда она провожала его из Парижа, вынужденная сама остаться из-за тяжелого состояния здоровья одной из своих сестер — Одиль Версуа. Было это 11 июня 1980 года. К сожалению, в книге «Прерванный полет» при первом

упоминании этой даты допущена оплошность: вместо «июнь» напечатано «июль». Я хорошо запомнил эту дату, поскольку накануне — день моего рождения.

Перед посадкой в самолет Владимир протянул Марине какую-то почтовую открытку. Среди написанных кем-то строк были и другие — с его характерным почерком. Как бы поясняя понятный только им двоим смысл этого шага, сделанного в тяжкой для него атмосфере возникших тогда сложностей, Володя сказал: мол, прими новое стихотворение как обещание, что все еще у нас будет прекрасно. Но в последний момент Володя открытку забрал, заверив, что пришлет доработанный текст почтой.

Когда Марина вылетела в Москву на похороны, она почему-то все время думала: где же может быть та открытка. Ведь со времени их прощания прошло полтора месяца. Боялась, что открытку найти не удастся. Но чудо! Она лежала на комоде в их спальне, перед иконой, словно сознательно положенная Володей для Марины.

Я спросил Марину, почему же мы не пересняли этот, может быть, самый важный «лист архива», где хранится сейчас открытка? Марина ответила, что с того дня, когда она вновь обрела этот чуть было не утраченный кусочек картона, исписанный рукой Володи, она с открыткой не расстается. И сейчас открытка в ее сумочке, в доме Володарских. Но поскольку уже очень поздно, то перефотографировать открытку придется завтра утром.

Однако в суете утренних сборов после короткого ночного отдыха сделать это мне так и не удалось. Позднее ксерокопию открытки передаст мне Сева. С нее уже в январе 1982 года будет сделана первая публикация этого, вероятно, действительно последнего Володиного стихотворения. Из-за своего трагического содержания оно не могло стать еще одной его песней. Оно стало его соборованием, последней и теперь уже всенародно оглашенной исповедью Владимира Высоцкого.

Утром наступившего дня я вдруг решил — и опять не знаю почему — поснимать интерьер Володиной дачи и общий ее вид. Марина в это время затеяла возню с двумя мотавшимися по участку великолепнейшими псинами. Вероятно, чувствуя, что имеют дело с опытной и ласковой собачницей, псы, отталкивая друг друга, упорно домогались чести лизнуть ей руку. Я не упустил возможности снять эту умилительную сцену.

А потом решился попросить Марину сделать ее снимок на крыльце дачи. Марина согласилась. Но она тоже должна была ехать в Москву. Поэтому, как только щелкнул затвор

фотоаппарата, Марина заспешила. Сказав, чтобы и я больше не мешкал, она пошла по дорожке от дачи, которой не суждено было стать их счастливым домом.

В Москву мы ехали вместе. Марина торопилась на прием к большому сановнику. По-моему, речь шла о разрешении на проживание Володиной мамы в их московской квартире на Малой Грузинской. Чтобы решить эту проблему, помнится, пришлось дойти чуть ли не до Брежнева. Предстояла важная встреча. За рулем — жена Володарского. На Калужском шоссе при въезде в город нас остановил гаишник Как назло, наш водитель оказалась без документов — забыла! Марина вынуждена назвать себя. Милиционер шокирован, но видит действительно знакомое по кино и журналам лицо. И, вероятно, для того, чтобы продлить минуты случайной встречи с легендарной Влади, просит хоть какой-нибудь документ. Но у Марины ничего с собой нет! Паспорт ее на Малой Грузинской, откуда, взяв необходимые бумаги, она должна проследовать в Моссовет. Пауза. И тут неожиданно Марина достает из сумочки свидетельство о смерти Володи… У гаишника задрожали руки и перехватило горло. Он умоляюще попросил задержаться еще хоть на минуту и созвал по рации нескольких коллег, чтобы и они могли коснуться этой печальной реликвии, словно последний раз пожать Володину руку. Марина на аудиенцию прибыла точно в назначенное время.

До отъезда Марины из Москвы мне удалось повидать ее еще дважды. Первый раз — на сороковой день у засыпанной цветами Володиной могилы, к которой я тогда пришел впервые. Второй — рано утром третьего сентября у подъезда дома, где жили они с Володей. Марину провожали самые близкие друзья. Среди них кинодраматург Артур Макаров, с которым мне еще только предстояло близко познакомиться. Когда Марина уже садилась в машину, я оказался от нее дальше всех, поскольку снимал общий план проводов. Неожиданно она обратилась непосредственно ко мне и из-за расстояния между нами почти крикнула, так, что было слышно всем присутствовавшим:

— Что намечено, обязательно сделай быстро!

В свою первую в 1981 году поездку в Москву Марина отправилась почти месяц спустя после дня рождения Володи, который без нее сначала отметили на Малой Грузинской, а потом узким кругом на Володиной даче. Первым визитом Марины было посещение редакции «Дружбы народов» по приглашению руководства журнала. Позднее, в десятом номере за тот год, в рубрике «Дневник» эта встреча будет описана предельно кратко: «В редакции… побывала известная французская актриса Марина Влади. Актриса передала в дар Нурекской библиотеке свою книгу

и рассказала о творческих планах — кинематографических, телевизионных, издательских». В действительности же разговор, конечно, шел прежде всего о самом в тот момент главном — о первой публикации Володиных стихов.

Марине подарили гранки подготовленного материала из мартовского номера. В рубрике «Дневник» в разделе «Нурек-81» сообщалось о новых поступлениях в библиотеку строителей-энергетиков, о том, что Михаил Шолохов передал в ее фонды сборник избранных произведений, выпущенный к его 75-летию. Туда поступила и книга Петра Машерова «Советская Белоруссия», которую при жизни автор обещал по просьбе журнала подарить молодому, но уже широко известному в стране интернациональному коллективу. Была здесь и фотография обложки книги «Бабушка» с портретом сестер и автографом Марины: «Читателям Баруздинской библиотеки далекого Нурека с дружбой. Марина Влади. Париж 1980 г.»

Следом, в разделе «Из редакционной почты», шла долгожданная подборка, названная «Три песни Владимира Высоцкого». Открывалась она отрывком из того августовского интервью, но без соответствующего вопроса, а просто как высказывание Марины Влади. Рядом был портрет Володи. А дальше шли три стихотворения: «Белое безмолвие», «Я весь в свету, доступен всем глазам…» и «Песня о конце войны». Праздничное настроение было подогрето не только горячим кофе с коньяком, но и информацией, что и Марина, и я хоть сейчас можем поехать в бухгалтерию издательства и получить по пятьдесят рублей.

Вернувшись в квартиру на Малую Грузинскую, Марина решила более внимательно прочитать гранки. На стене над ней висел какой-то рисованный, наверное карандашом, Володин портрет. Я обратил на него внимание потому, что в момент, когда мы вошли в комнату, прямо на изображение Володи падал яркий солнечный зайчик. Пока Марина читала, я все с более возрастающим интересом разглядывал портрет. Потом попросил у Марины гранки и стал вместе с ней сравнивать портрет на стене с фотографией в гранках. Сомнений не было — портрет был нарисован с фотоснимка, который редакция отобрала для публикации.

Позднее, по-моему, Сева рассказал, что однажды к двери квартиры пришла какая-то девушка. Она попросила того, кто открыл ей дверь, передать Владимиру Семеновичу на память сделанный ею рисунок. Когда подарок увидел Володя, он пожал плечами: зачем, мол, рисунок, когда есть такая же фотография, и тут же забыл о нем. После похорон мама нашла этот портрет и

повесила его в уголке для отдыха, умело образованном мягкой мебелью в огромной комнате, с которой начинается квартира.

Марина продолжила чтение, а мне пока предложила посмотреть всю квартиру. Особенно поразила меня одна едва ли сохранившаяся сегодня деталь. В спальне, где лежал Володя перед тем, как уже навсегда покинуть этот дом, ближе к окну висела большая, из простого багета рамка для картины или фотографии. Но она была пуста… А на обоях в очерченном рамкой поле Марининой рукой было в отчаянии написано: «Ты!»

Следующий раз Марина прилетела через пять месяцев, вечером 24 июля, чтобы провести в Москве около полутора суток.

Днем, перед началом спектакля «Владимир Высоцкий», Марина побывала в театральной мастерской у художника Давида Боровского, который познакомил ее со своим проектом скульптурного портрета Володи. Что касается планов Марины относительно надгробия, в то время они еще не были известны. Кстати, Любимов каждый раз, когда заходил об этом разговор, повторял, что памятник лучше устанавливать, не торопясь. Надо дать времени возможность поработать над сознанием современников во имя истинной оценки самой глубинной сути ушедшего человека с позиции исторической ретроспективы. Однако уже тогда Марина была твердо убеждена, что надгробие не должно строиться на основе прямого воспроизведения живого образа. Такое решение, впрочем, может быть вполне уместным в случае установки памятника в публичных местах — на площади, в театре, у школы, у дома… Здесь же, где начинается мир теней, уходя в который мы покидаем тело, надо стремиться увековечить суть человека в предельно обобщенной и точной символике.

Кстати, о датировке Володиных стихов. Еще на даче в Пахре, работая с архивом, я обратил внимание на два существенных обстоятельства. Во-первых, на исключительную упорядоченность каждой записи, сделанной Володей. Никаких хмельных каракуль. И это при «многослойной» тщательной правке с зачеркиваниями и аккуратной пометкой новых найденных вариантов. Заново переписанные набело уже окончательно доработанные стихи. Столь серьезное, даже скрупулезное отношение подтверждало, что поэтическая жизнь Владимира — эта его страсть, как он сам считал, сравнивая роль поэзии в его жизни с театральным «ремеслом», — была отделена от суеты, неурядиц, от его взлетов и падений.

Во-вторых, к сожалению, практически везде отсутствовали даты написания. Если еще стихи были записаны на бланках зарубежных отелей (а таких было немало), то Марина могла прикинуть время их создания. А в других случаях надо было

восстанавливать время по косвенным признакам: к каким фильмам, спектаклям, событиям писались стихи…

У меня появилась мысль при подготовке архива к передаче на хранение попытаться зафиксировать со слов Марины и друзей все, что только они могли вспомнить по поводу каждого из стихотворений, чтобы точно определить время их написания. С Валерием Янкловичем разработали даже такой специальный бланк для каждой самостоятельной архивной записи. Начинался он с указания порядкового номера и отметки о характере рукописи. В нем существовала большая графа, куда должны были впечатываться первые четыре строки стиха. Далее предполагалось указывать название и его варианты, если они упоминались самим Володей. Затем — дата и место написания, посвящение, если оно было. Предусматривалось отмечать здесь и многое другое. Мы оставили свободное место даже для заметок о дополнительных обстоятельствах, связанных с созданием стихотворения. Таких, например, как рассказанные Мариной о последнем стихе, или Вадимом Тумановым о стихотворении со словами: «Не раз нам кости перемыла драга».

Пользуясь мощью «администраторских» связей Валерия Янкловича, удалось не только сделать ксерокопии такого бланка, но и отпечатать его в типографии на двух сторонах конторской карты стандартного размера в половину обычного писчего листа. Когда, предваряя визит Марины в ЦГАЛИ, я впервые встретился с директором этого архива Наталией Волковой, со мной был этот бланк. Я рассказал о намерении Марины подготовить архив к сдаче, сопроводив его сделанными по такой форме описаниями всего известного о стихах со слов наиболее осведомленных людей самого близкого Володиного окружения. И получил ее одобрение. Больше того, Волкова просила сделать подобное справочное сопровождение к архиву в двух экземплярах, из них один — для ЦГАЛИ, как уникальную и крайне нужную часть Володиного наследия. Но по ряду независящих от меня причин этот замысел так и не осуществился.

В этот же день Марина побывала в мастерской у скульптора Геннадия Распопова, предложившего посмотреть несколько эскизов скульптурных портретов Володи. Для Марины речь уже не шла о поиске решения для оформления надгробия. Решение уже было принято. Это должна быть плита, в изголовье которой ляжет метеорит. По мнению Марины, ничто так полно и точно не символизирует блестящую и недолгую жизнь Владимира, как метеорит, ворвавшийся в атмосферу Земли из глубин космоса, чтобы мгновенно и ярко в ней сгореть. Марина не исключала также того, что будут начертаны две последних строки поэта:

Мне есть что спеть, представ перед
Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед Ним.

А на следующий день состоялись еще две, на мой взгляд, весьма знаменательные встречи. Первая — утром в редакции издательства «Современник», где Геннадий Гусев вручил Марине сборник «Нерв» издания 1981 года и сообщил о принятом решении следом выпустить второе издание сборника в 1982 году.

Другая встреча произошла днем, когда Марина побывала в ЦГАЛИ. Здесь ей предстояло подписать исторический документ о передаче рукописей Володи на хранение. После этого Марина по просьбе Наталии Волковой встретилась с сотрудниками ЦГАЛИ. В основном это были женщины. Те, кто теперь взял на себя всестороннюю заботу о литературном архиве Высоцкого.

С каким же интересом и восхищением смотрели собравшиеся на Марину! Женщина из легенды!.. А эта женщина вышла с подаренными ей цветами на улицу и впервые за время нашего знакомства, не стыдясь, расплакалась. И вдруг я осознал весь смысл происшедшего: Марина только что навсегда рассталась с Володиными рукописями, хранившими и излучавшими еще тепло его рук Больше этих бесценных листков с нею не будет. Все.

На мой взгляд, тот приезд Марины был триумфальным. Ведь все ключевые задачи, которые она поставила менее чем два года назад, были, по существу, решены. Признание поэта состоялось и было подтверждено несколькими солидными журнальными публикациями. Вышла первая книга стихов. Архив сдан на хранение. Театр создал о Высоцком яркий, незабываемый спектакль. По телевидению показаны почти все фильмы с участием Володи. И все это — лишь часть известного мне. А сколько других сторон благородной деятельности Марины осталось вне поля моего зрения!

В очередной раз мы увиделись с Мариной лишь во время ее следующего появления в январе 1983 года. Впервые после смерти Володи Марина отметила в Москве очередную, 45-ю годовщину со дня его рождения. Но я ощущал, что мой нравственный долг перед памятью Володи был выполнен и мне нет уже прежней необходимости столь активно участвовать в делах, связанных с его именем. Меня притягивали другие проблемы, ждали иные встречи.

Заключение

«Вместе — чтобы продолжить жизнь!»

1 марта 1989 года в зале Театра Марка Розовского состоялась презентация книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». А 2 марта в малом зале Дома кино состоялся просмотр документального фильма ленинградского режиссера Петра Солдатенкова «Я не люблю». Когда в зале зажегся свет, Марина Влади встала, вытирая слезы, и сказала: «Это первый честный фильм о Володе».

Позже возникает идея: организовать встречи читателей книги «Владимир, или Прерванный полет» и, естественно, почитателей Высоцкого с Мариной Влади, а перед встречами показывать фильм П.Солдатенкова. Дело в том, что начиная с 1989 года книга Марины Влади издавалась громадными тиражами практически во всех республиках Советского Союза. Общий тираж теперь определить трудно, но он превысил 5 миллионов экземпляров!

Приводим ответы Марины Влади на вопросы из зала во время этих встреч. И первый вопрос, естественно, о книге.

— Я думаю, что моя книга и дает ответы и, может быть, поставит какие-то вопросы… Я думаю, что он сам (ответил на вопросы), потому что его поэзия останется, а все остальное будет смываться, как вот этот поток здесь (сель в районе Медео около Алма-Аты. — В.П.) смыл все…

Все эти люди, которые на нем делали карьеру и деньги, торгуя нашими личными фотографиями и письмами, — это же совершенно недопустимо, но все это пройдет. Осталось около восьмисот поэтических произведений, которые Володя оставил всему миру, всем людям. Это самое главное…

Скажите, книга во многом посвящена вашей жизни… Для людей старшего поколения, людей шестидесятых годов, ваша встреча, любовь, брак и семейная жизнь напоминали романтическую и сентиментальную сказку — не действительную жизнь, а сказку. А вы, — принцессу, спустившуюся с облаков и выбравшую обыкновенного смертного… У вас действительно жизнь была такая?

Нет, не я выбрала обыкновенного смертного! Он был самый популярный… любимец народа русского! Так что я больше попала на такого удивительного принца! Нет, наша сказка была… Мы встретились и полюбили друг друга, и все эти двенадцать лет мы жили в большой страсти… в большой любви… Конечно, в этом есть немножко оттенок сказки.

Как вы общались? По телефону? Вот есть такая песня — «07» — Это песня про Люсю Орлову. Она — наш «ангел-хранитель», как я пишу в книжке. Она работала на телефонной станции, а у нас с Володей были очень сложные телефонные разговоры — как вы знаете, нелегко звонить в Париж или из Парижа в Москву, тем более когда человек где-то болтается… Ну, не болтается, а… разъезжает, и его все ищут, а его уже нет, и по его следу идет целая группа людей, его находят, а он в запое… И однажды к нам в разговор «влез» маленький голос. Это была женщина, которая сказала, что «не надо так говорить, мы не в порядке, мы вам перезвоним…» Ну, я положила трубку. Через какое-то время мне позвонил Володя — в лучшем виде… И эта Люся, прелестная женщина, она просто взяла на себя наше общение телефонное. То есть она находила его, когда я не могла его найти… она меня находила… Мы однажды разругались, я уехала на работу в Рим, и она меня нашла у парикмахера! Я об этом рассказываю очень подробно в книге, потому что она дала нам возможность говорить вместе. Без нее, вероятно, не было бы такого общения, потому что мы каждый день говорили, даже когда я долго работала на Западе. А когда я находилась в Москве, а он где-то на судне с товарищами — она его находила в порту! То есть она подвиги совершала всю жизнь!

Кто же все-таки мешал Высоцкому жить, творить? Назовите этих людей….

Я не полицейский… У меня каждый раз спрашивают фамилии, и я каждый раз отвечаю, что я

не буду списки делать, я не хочу этим заниматься… Я думаю, все догадываются, что мешали Высоцкому те люди, которые были при власти— и особенно при культуре — в это время. Я только одно рассказываю… потому что я считаю, что это даже смешно, а юмор — самое лучшее оружие против бюрократий. Владимир это показывал сам… Я рассказываю, как нас министр культуры Демичев принимал три раза и говорил нам в глаза, что наша пластинка общая выйдет! Он даже брал телефон и звонил, сидя перед нами, в «Мелодию», которая, в общем, только одна — издатель пластинок! Говорил: «Выпустить эту пластинку! Почему не выпускают эту пластинку — это просто скандал!» Мы ее записали в семьдесят четвертом году, для нас это был момент очень важный. Нам казалось, что это откроет нам и гастроли, и заработки какие-то, и возможность войти для Володи в Союз писателей и в Союз композиторов, то есть, может быть, ключ, чтобы становиться официальным лицом, а не какой-то тенью… Поэт Высоцкий, композитор Высоцкий никогда не существовали!.. Он никогда не видел свои тексты изданными, он никогда не

слышал свой голос по радио, не видел свой образ по телевидению, то есть он был всячески отстранен от своего настоящего места в этом обществе!.. Именно этой бюрократией безликой, против которой он боролся всю жизнь. Ватная стена, как он говорил, из-за которой он истратил свои последние силы!

А про Демичева я могу только сказать, что мы еще трижды на протяжении долгого времени попадали к нему на прием. И все повторялось сначала: «Ах, я министр, которого никто не слушает…» — и все в том же духе…

Марина, вы не боитесь называть его гением?

Это мое мнение. Я всегда говорила, что Володя гениальный человек. И всегда защищала его. И когда первый раз он мне читал просто вслух, без никаких гитар, «Охоту на волков» или «Баньку по-белому», я просто плакала. Я думаю, что у меня культура достаточная — и французская, и русская, чтобы понимать сразу… Тогда я еще плохо язык знала, но мне сразу показалось, что я слышу что-то невероятное, и, кстати, это одна из причин, почему я стала жить с ним, — потому что он меня покорил этим. Я вначале совсем не влюблена была, когда мы познакомились. Володя был влюблен в образ актрисы, конечно… А потихоньку и я влюбилась в его гениальность, в его талант — это бесспорно.

А что вам дали годы жизни с Высоцким?

12 лет жизни с ним — это большой подарок… Это дало мне массу эмоций как актрисе. Я смотрела все спектакли Володи помногу раз. А потом Володя посвятил мне много стихотворений — это тоже большой подарок… Это (жизнь с Высоцким) давало мне возможность помочь человеку, а это ведь счастье — иметь возможность кому-то помочь…

Популярен ли Высоцкий во Франции?

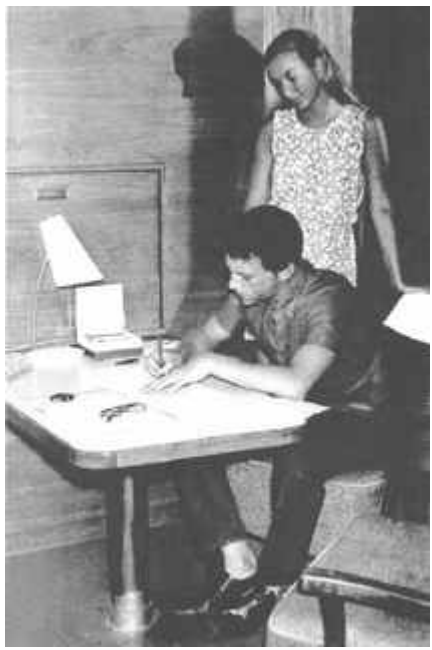
Да, меня радует, что интерес к Володе и его творчеству растет не только в Советском Союзе, но и во Франции. Об этом говорят тиражи его пластинок. Появились очень хорошие переводы стихов и песен на французский язык. Да и без перевода люди понимают, что многие его песни — это крик отчаяния.

Вы написали свою книгу и поставили точку в вашей истории с Владимиром Высоцким?

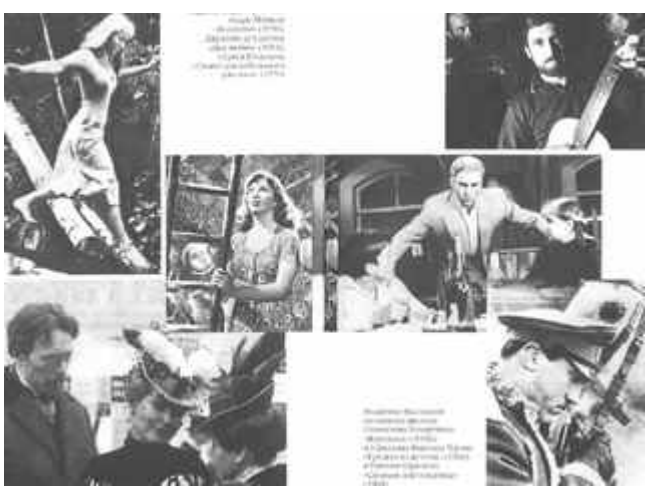
Вы знаете, эта книжка не мемуары… Это творческая работа, то есть это литературная работа. Я не претендую ни на абсолютную точность, ни на абсолютную правду. Мне уже писали, что я какие-то даты перепутала, даже места — географию перепутала! Но я считаю, что это не важно. Самое главное, что это живой Володя. Это наша жизнь, наша любовь и все, что было красивого тоже в нашей жизни. Люди, которые не любят меня, говорят, что я занимаюсь мытьем грязного белья. Это неправда.

Это книга про жизнь. А жизнь — это и трагические моменты. Но это и двенадцать лет борьбы… Вместе — чтобы продолжить жизнь!

Фотографии



Владимир Высоцкий и Марина Влади. 1971



Марина Влади и фильмах Лпдрс Мишеля «Колдунья» (1956), Джузеппе де Сантиса «Дни любви» (1951). Сергея Юткевича «Сюжетдля небольшого рассказа»(1970)

Владимир Высоцкий на съемках фильма Станислава Говорухина «Вертикаль» (1966) и в фильмах Виктора Турова

«Я родом из детства» (1966) и Евгения Карелова «Служили два товарища» (1968)

В день бракосочетания. Москва, 1 декабря 1970

Новоселье на Малой Грузинской. Среди присутствующих Б.Ахмадулина, Б.Мессерер, Э.Володарекий, С.Говорухип, С.Высоцкий, В.Аксенов, В.Абдулов, А.Митта. 24 декабря 1975

Владимир Высоцкий и Марина Влади на теплоходе «Грузия». 1969

На теплоходе «Шота Руставели». 1971

С Юрием Любимовым

Театр на Таганке «Пугачев». Владимир Высоцкий в роли Хлопуши. 1968

На 15-летии «Таганки». 23 апреля 1979

С Валерием Золотухиным. 1970

С Михаилом Шемякиным в его парижской студни. 1978

Михаил Барышников. Марина Влади и Владимир Высоцкий. США. 1979

Станислав Говорухин, Марина Влади, Владимир Высоцкий и Всеволод Абдулов на 8-м Московском кинофестивале. Июнь 1973

Парижские посиделки

Марина Влади с сестрами Одиль Версуа, Элен Валье, Ольгой Поляковой-Байдаровой

…и рядом со своим домом

MARINA ET VLADIMIR :
QUAND
LE BONHEUR EST LÀ

Марина Влади и Даниэль Ольбрыхский на Ваганьковском кладбище. Сороковой день после смерти Владимира Высоцкого

В квартире на Малой Грузинской. 1981

На презентации книги «Владимир, или Прерванный полет». Москва, 25 января 1984

Все еще впереди… Джубла, 1971